

**ТБИЛИССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ИВАНЭ ДЖАВАХИШВИЛИ**

Амирэджиби Натия

**ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА
ХУДОЖЕСТВЕННО – ФИЛОСОФСКОЙ ПРОЗЫ**
*(на материале грузинского перевода повести
Льва Толстого «Отец Сергей»)*

Д и с с е р т а ц и я,
представленная на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Специальность 10 01 12 - теория и история перевода и
литературных взаимоотношений

*Научный руководитель - доктор филологических наук
профессор Георгий Цибахашвили*

Тбилиси
2006

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I	
Основная идея и мотивы повести <i>Аналоги</i> , встречающиеся в русской, западноевропейской и грузинской литературах	13
Глава II	
«Отец Сергей» как отражение религиозно-философских исканий Льва Толстого ...	44
Глава III	
Стиль и перевод	
<i>§ 1</i> <i>Стилистическое своеобразие повести</i>	74
<i>§ 2</i> <i>Перевод заглавия</i>	88
<i>§ 3</i> <i>Перевод ономастической лексики</i>	94
<i>§ 4</i> <i>Смысловые и стилистические нюансы в оригинале и переводе</i>	100
<i>§ 5. Перевод фразеологизмов и религиозной лексики</i>	109
Заключение	128
Библиография	131

Введение

Каждый из нас при знакомстве с духовным наследием человечества проходит стадии между «преклонением перед колеблющейся сферой модной литературы» и миром вечных ценностей, литературы существующей вне времён народов и поколений. К последним относится художественное наследие Льва Толстого. Его книги не только покоряют силой гениального мастерства, оригинальностью видения мира, глубиной психологического проникновения, но и заставляют задуматься над значительными вопросами бытия, будят сознание, захватывают душу. Каждое его новое произведение было открытием для читателя, но, как то отмечал сам писатель, оно было открытием и для него самого.

Этот наследственный граф русский «гран-сеньор» (Андрэ Бонз) двинул мировое искусство вперёд. Он с высоты своего, хотя и утопического идеала, острее видел противоречивость и контрастность жизни, её диссонанс, дисгармоничность, что находило выражение в его произведениях. Для каждого чувства, каждой мысли, эмоционального спектра он умел подыскать слово. Проникая в душу человека, обнаруживая в ней переплетение самых противоположных свойств, Толстой выражал веру в победу гуманизма - в то, что он называл «торжеством добра».

«Произведения Толстого вызывают восторг, подобный восторгу при взгляде на величественный храм. В храме не кричат, не лепечут, не выказывают радость прыганьем. В храме молчат. Молчание есть восторг от храма» (Д. Мережковский).

Толстой перебрал мост между традициями художественной литературы XIX и XX столетий. Проблемы, поставленные в его произведениях, были и остаются актуальными, и не только для русских читателей, но и для читателей всего мира. Исходя из этого, становится понятным важность перевода его наследия, важность творческой деятельности переводчиков.

Посредством языка – векового посредника – искусство перевода старается идеи и образы одного писателя, одного народа ввести в сознание другого народа. Как древнейшая форма межкультурной коммуникации, существующая ещё в античном мире, перевод, с течением времени, стал всё более необходимым. Как и во всём мире,

в России и Грузии переложение духовного наследия человечества имеет огромное значение и глубокие корни. В Грузии переводчиков называли «волшебниками», «шагами» «მთარგმნელო ქართლად მაცხ ნიშნავს ეს არის კაცო დადმოძმარგმნელო კაცო» ქნახე იდეალის უადი კოქცქლის თარგმნა ვუღოსხმობს ინტერპრეტაციას, ახსნას, გახსნებას» (I. I. აბაშვიტი) Люди, осуществляющие этот труд, были всегда особо уважаемыми, имели широкое образование и кругозор, на этот путь становились особенно способные, талантливые личности, перевод считался одним из самых сложных дел «Даже переводчику средней руки нужно столько редкостных способностей и знаний, такое чутьё языка, такое любовное проникновение в переводимые тексты, что третировать его свысока может только неведжда»¹

Цель нашей работы заключается именно в выявлении значения и актуальности перевода художественного творчества. Объектом исследования мы выбрали одно из выдающихся произведений классика русской литературы Льва Толстого - повесть «Отец Сергей». Нужно отметить, что об этом произведении критической литературы существует намного меньше, чем об остальном творческом наследии писателя и, в определённой мере, наш труд является попыткой восполнения этого недостатка.

Всякий перевод – работа ответственная. Особенно, когда речь идёт о переводе произведений гениев, каждая фраза которых имеет художественную ценность и богата подтекстовым содержанием, которое порой важнее чем открытый текст.

Являясь духовным достоянием всего человечества повесть «Отец Сергей» переведена на английский, немецкий, болгарский, македонский, польский, грузинский, испанский итальянский румынский турецкий, китайский. В данном случае для нас интересен грузинский перевод повести.

В Грузии многое сделано для ознакомления читателя с литературным богатством русского народа, в том числе с наследием Л. Н. Толстого. Он является одним из любимейших русских писателей в Грузии. Интерес к его личности и творчеству здесь был велик еще при жизни писателя. Грузинские литераторы, критики и общественные деятели всегда высоко ценили и с особенным уважением

¹ К. И. Чуковский. Высокое искусство. М. 1964. с. 6

относились к личности и творчеству Толстого посвящали ему свои монографии, статьи, переводили его художественное наследие. Среди них - труды Н. Накашидзе, А. Шанидзе, П. Гудушаური, Ч. Убилава, К. Гамсахурдия, С. Дanelia, Т. Буачидзе, О. Баканидзе. А. Николадзе и др. Книги указанных учёных дают оценку творчеству писателя, его мировоззрению. особое внимание уделяют восприятию и освоенно произведений Л. Н. Толстого в Грузии, а также, его пребыванию здесь, его связям с представителями грузинской общественности того периода.

Как и многие другие русские писатели и поэты, Толстой тоже побывал в Грузии. В 1851-1852 годах он жил в Тифлисе, который в то время был административно-экономическим и культурным центром не только Грузии, но и всего Закавказья. В своём письме к Т. Ергольской он пишет: «Живя в немецкой колонии – в предместье, оно мне вдвойне приятно тем, что эта красивая местность, окружённая садами и виноградниками, и чувствуешь себя скорее в деревне чем в городе»¹. Несмотря на то, что здесь он пробыл только 40 дней,² эта страна и вообще Кавказ произвели на него сильное впечатление: «Я никогда не расскажусь в том, что приехал на Кавказ – это была мысль, которая принесет мне пользу. Это милейший народ, эти грузины, и умные, и кроткие и добрые.»³

Писатель общался с грузинской интеллигенцией. У него появились друзья – Нино и Илья Накашидзе, Г. Дадияни, С. Ццадзе, М. Кипиани и др. Большинство первых грузинских переводов его произведений принадлежат именно Нино и Илье Накашидзе, а также, Н. Каландадзе, С. Ходживанишвили.

Почти все грузинские издания произведений Толстого имеют предисловия авторитетных грузинских исследователей. В них даётся характеристика, анализ его творчества, высказываются мнения о мировом значении его произведений, в том числе, и в развитии грузинской литературы и культуры.

Вот одна из оценок творчества Толстого, принадлежащая классику грузинской литературы К. Гамсахурдия: «ლევ ტოლსტოის შემოქმედება ზღვაა მთავარანების, ზღვასაკითხი ვრცელია იცო მსახით დრმა ზღვა ისეთი

¹ Г. Алексеева. Из Грузии к Толстому. Журн. Кавказовед. В. 5. 1987. с. 370.

² ი. ბაქანიძე. ლ. ნ. ტოლსტოის ხაზინა. თბ. 1978. გვ. 30.

³ Г. Алексеева. там же. с. 372.

საესეებით დაიპყრობს ხოლმე მსკრვეტელის გულისხეურსა და სულს, ასე გეგონება არაფერი მის გარკვეულ არ არსებობს ამ ქვეყნად განკლახდერული ხივრცე და თვალუწოდენელი ხივრცე, დაკცხრობელი მიძიქცქიკა ტაღდათა, ხან ნებირად მთელეშარე, სარკისებრ ამსახეული 'ხეციური დეკორაციებისა, ხანაც განრისხებული და ბობოქარი, ორივე შემთხვევაში მომწუსხველი და ზეადრმტაცი

ასეთი იყო ლექს ტელსტოიცი»¹

Знаменитый поэт Тициан Табидзе побывав в Ясной Поляне, написал эссе, которое заканчивается словами « ნაძაქალმა მსკდ 'ქქანახსენელად გაანათა ტვე ბადი და ხაფლავი და სეუნც, დაკმხრდით იასნათა ზოღოანას, თუ იასნათა პოღიანასთან დაშორება 'მეუქღლია ძთელ თაღის სიციციხელქში იმ ადამიანს, რომელმაც ერთხელ მიინც ნახა ეს ადგილი»²

Подробно рассказывает о жизни и творчестве Л Н Толстого исследование Сергея Даниеля «ნარკქქქები XIX საქქქნის რუსული ლიტერატურის ისტორიიდან», в котором рассматриваются ключевые моменты биографии писателя, самые значительные его художественные произведения а также его мировоззрение. Грузинский учёный обращает внимание на фагализм и мистицизм Толстого, которые проявились уже в романе «Война и мир» « აქ მოცემულია ბაგრატიონისა და კუტუზოვის ისეთი დახახიათება, რიმკლსაც ეტყობა ტოლსტოის ფილოსოფიური მსოფლმხედველობისათვის ნიშანდობლივი ფატალიზმი და მისტიციზმი»³ В конце работы С Даниеля так оценивает мировое значение Толстого «დიდია ტოლსტოის დამსახურება არა მხოლოდ რუსული ლიტერატურის, არამედ მთელი რუსული კულტურის წინაშე მაგრამ მისი მნიშვნელობა ისეთი ზომისაა, რომ იგი მთელს კაცობრიობას სწვდებია»⁴

¹ ქ გამსახურდია, Essays თბ., 1956 ბი 164

² ი ბქსინგარციკა ლქ ტულ სეიას დღეობ სქქროქქსოში გას აღიქმრჯ ქრკი სქქროქქსა⁷ № 32, 2002 ბი 15

³ ს დანელია, ნარკქქები XIX საქქქნის რუსული ლიტერატურის ისტორიიდან თბ. 1959 ქ 367

⁴ ი

Исследователь Т Буачидзе пишет «ტოლსტოის უდიდესმა მხატვრულმა ოსტატობამ, ცხოვრების რეალისტური ასახვის სიმაღლემ, შეერთებულმა ღრმა ფსიქოლოგიურ ანალიზთან, რომელსაც ვერ გადააჭარბა ვერც მისმა წინამორბედებმა, ვერც თანამედროვეებმა, დიდი და მკვლევარე მრავალფილოსოფიური და სასოგადებრივი საკითხების დაყენებამ, - ყველაფერმა ამან განაპირობა ტოლსტოის ძისფლია დიდება და სახელი, ძისი შემოქმედების საკაცობრიო მნიშვნელობა»¹

Другой учёный, О Лорткипанидзе замечает «ლევ ტოლსტოის შემოქმედება კაცობრიობის მხატვრული აზროვნების, მსოფლიო ლიტერატურის ერთ-ერთ უდიდეს და უბრწყინვალეს მონაპოვარს წარმოადგენს მწკრლის ღრმა ძინაარსისა და სრულყოფილი ფორმის ნაწარმოებებში გამოსახულია სოციალური სინამდვილის მრავალფეროვნება, მოცემულია დიდი მნიშვნელობის ტიპური განსჯადობანი, წარმონეილია სასოგადებრივი ცხოვრების კმნიშვნელოვანი პრიბლეები»²

В своём труде «ლევ ტოლსტოის ესთკტიკური შეხედულებები» исследователь А Кацитадзе говорит о непреходящей ценности литературного наследия Л Н Толстого и отмечает, что «ისკიათია ხელოვანი, რომელსაც სიცოცხლეშივე ისეთი პოპულარობა მოეპოვებინოს, როგორც წილად ხვდა ლევ ტოლსტოის არც ავტორის სიკვდილის შემდეგ დაუპარგავს მის შემკვიდრებას ინტერესს»³

Столь же высокого мнения были о Голицыне и его современники-грузины Илья Чавчавадзе, Акакий Церетели, Важа-Пшавела Яков Гогებაшвили и другие выдающиеся представители грузинской литературы того времени уделяли большое внимание освещению его биографии и творчества

¹ თ ბუაჩიძე დ ნ ტოლსტოის თხზულებანი ათ ტომად ტ 1 თბ 1962 ტკ 32

² თ ლორთქიფანიძე ლკი ტოლსტოის თბ 1979 ტკ 3

³ ა კაციტაძე ლკი ტოლსტოის ესთკტიკური მკვლევარე თბ 1972 ტკ 3

А Церетели в статье «Лев Толстой» отмечал, что великий русский писатель проповедовал равенство и любовь. Был противником угнетения слабого и угнетённым»¹ Сила Толстого по мнению Церетели, заключалась в том, что он был писателем не только настоящего, но и будущего.

В своей газете «Иверия» Ит Чавчавадзе часто публиковал статьи о Льве Толстом, в которых рассказывалось о случаях из его биографии, о его мировоззрении, о художественных произведениях.

Литературное и педагогическое наследие Толстого широко использовал и Якобашвили, который тоже пытался в своей практической и теоретической деятельности создать подлинно народную школу. Влияние русского писателя мы видим в написанных грузинским педагогом книгах для детей – в «Деда Эна», «Бундиси Кари»² Вообще, педагогические воззрения Толстого в Грузии были хорошо известны. Статьи об этом печатались в журнале «Иверия». Так, в 1908 году там было напечатано письмо «და ბავშვების ჰედაგოგური შეხედულებანი» в котором освещалась его концепция относительно обучения и воспитания молодёжи.³

Важа-Пшавела в своей статье «Pro domo sua» говорит, что «испытал влияние народного творчества так же, как и великий русский писатель Лев Толстой»⁴

Несмотря на то, что для грузинской интеллигенции XIX века Л. Н. Толстой был столь хорошо знаком, в прессе до 60-х годов ничего не говорится о нём. Для широкой общественности он стал известен в 1887 году, когда журнал «Цискари» напечатал его рассказ «Семейное счастье»⁵ Автор грузинского текста не указан, однако, начиная именно с этого периода почти все грузинские периодические издания активно печатают переводы его произведений, появляются и фельетоны, включающие биографические сведения о нём и его мировоззрении.

Вообще, история переводов на грузинский язык литературного наследия Л. Н. Толстого берёт начало именно с конца XIX столетия. Особенный интерес вызвали

¹ Г. Талиашвили, Лев Толстой и грузинская общественность. Газ. «Вечерний Тбилиси», 1978 г. №207 (10203)

² с. 3

³ там же

⁴ ი. ბაქინოს, და ბავშვების სავსაშუალოთ, 1978, ტ. 50-51

⁵ იქვე

⁶ კ. გაწერელია ქართული ზეზოდული პრესა და ბავშვების ცხოვრებისა და მსიქმედების შესახებ ჟურნ. „ცისკარი“, № 364, თბ., 1987, ტ. 132

его пьесы, которые ставились на грузинской сцене, сначала в домах аристократии, а затем и в театрах, и имели большой успех. Грузинские переложения его драматических произведений и рассказов печатались в газете «Иверия».

Впервые в Грузии отдельной книгой пьеса Толстого вышла в свет в Кутаиси в 1887 году в типографии П. Пуцукидзе. В том же году и в той же типографии был напечатан рассказ «Упустишь огонь – не потушишь» в переводе С. Ходживанишвили, а в 1893 году – «Где любовь, там и бог» в серии «Народной библиотеки» в типографии журнала «Мицхемси».¹ Чуть позднее, вместе с другими рассказами, был опубликован «Кавказский пленник» в переводе О. Барамидзе. Статьи и небольшие рассказы появлялись в 1898, 1905, 1906 годах в журналах, выходивших в Тбилиси и в Кутаиси.²

В 1908 году в Кутаиси была издана драма Толстого «Власть тьмы», переводчик

Давид Микеладзе («Мевеле»). Этот перевод хранится в личной библиотеке Л. Н. Толстого с автографом («Глубокоуважаемому автору «Власти тьмы» от переводчика»). Нужно отметить, что сложность перевода произведений Толстого ощущалась уже первыми переводчиками. Доказательством того служит и то, что в своём письме к автору Мевеле признаётся «Глубокоуважаемый граф Лев Николаевич! Задумав перевести «Власть тьмы», я старался, чтобы язык перевода соответствовал, насколько это было возможно, его русскому оригиналу. Но задача эта оказалась чрезвычайно трудной.»³

Несмотря на то, что пьеса в то время находилась под запретом, она была поставлена на сцене в Тифлисе в 1908 году с разрешением цензурного комитета.⁴ Во второй раз, в 1910 году, в связи с кончиной писателя, пьеса вновь была инсценирована режиссёром Владимиром Месхишвили.⁵

Интересную информацию публикует журнал «Театр» в 1887 году «ამ დღეებში მიქილეთ ლ ტოლსტოის 5 მოქმედებინი დრამა «Власть тьмы» თარგმანი შესრულებულია ივ როსტომაშვილის მიერ ლ ტოლსტოი ცნობილია, ვითარცა უნიკიურესი მწერალი ვინც კი ხსენებულ დრამას

¹ О Мелитаури Газ «Вечерний Тбилиси» 1973, №217 (8683) с 4

² М. Сарджишвили, там же, 1978 №209 (10199) с 3

³ Т. Алексеева Из Грузии к Толстому Журн Кавказиონი В 5 1987 с 373

⁴ там же

⁵ «ი ბაკაისი» ლ. კვ ტოლსტოის ხა|ართქილ სი თბ 1978 გვ 43

А. Церетели в статье «Лев Толстой» отмечал, что великий русский писатель «проповедовал равенство и любовь. Был противником угнетения слабого сильным.»¹ Сила Толстого, по мнению Церетели заключалась в том что он был писателем не только настоящего но и будущего

В своей газете «Иверия» Ит Чавчавадзе часто публиковал статьи о Льве Толстом, в которых рассказывалось о случаях из его биографии, о его мировоззрении и художественных произведениях

Литературное и педагогическое наследие Толстого широко использовал и Я Гогебашвили, который тоже пытался в своей практической и теоретической деятельности создать подлинно народную школу. Влияние русского писателя мы видим в написанных грузинским педагогом книгах для детей – в «Деда Эна», «ბუნების კარი»² Вообще, педагогические воззрения Толстого в Грузии были хорошо известны. Статьи об этом печатались в журнале «მანათლებელი». Так, в 1908 году там было напечатано письмо «ლ. ნ. ტოლსტოის სკოლაგოტიური შეხედულებანი», в котором освещалась его концепция относительно обучения и воспитания молодёжи.³

Важа-Пшавела в своей статье «Pro domo sua» говорит что «испытал влияние народного творчества так же, как и великий русский писатель Лев Толстой»⁴

Несмотря на то, что для грузинской интеллигенции XIX века Л. Н. Толстой был столь хорошо знаком, в прессе до 60-х годов ничего не говорится о нём. Для широкой общественности он стал известен в 1887 году, когда журнал «Цискари» напечатал его рассказ «Семейное счастье»⁵ Автор грузинского текста не указан, однако, начиная именно с этого периода, почти все грузинские периодические издания активно печатают переводы его произведений, появляются и фельетоны, включающие биографические сведения о нём и его мировоззрении

Вообще, история переводов на грузинский язык литературного наследия Л. Н. Толстого берёт начало именно с конца XIX столетия. Особенности интерес вызывали

¹ Г. Талишвили. Лев Толстой и грузинская общественность. Изд. «Вечерний Тбилиси» 1978 г. №207 (10203)

² იმავე

³ იმავე

⁴ იმავე, ლ. ნ. ტოლსტოის საქართველოში 1978 წ. 50-51

⁵ იმავე

⁶ იმავე, ლ. ნ. ტოლსტოის ცხოვრებისა და შემოქმედების შესახებ ჟურნ. „ცისკარი“, № 364 თბ., 1987 წ. 132

წაკითხავს, მას წარმოუდგება თქვენი რუსეთის დაბალი ხალხის ცხოვრების ნამდვილი სურათი იმ მხრივ, რა მხარესაც ლ ტოლსტოი ეხება»¹

Пьеса на грузинском была напечатана тиражом в 93600.

В 1904 году вышел в свет роман «Воскресение» в переводе Ир Кипшидзе² Этот роман с самого начала пользовался особой популярностью среди грузинских читателей Он переиздавался несколько раз, причём в разных переводах Второй раз он был издан в переложении И Каландадзе в 1911 году, затем, в 1923 году издательство «Мерани» издаёт роман двухтысячным тиражом в переводе П Церетели, в 1927 году издательство «Федерация» выпускает его в том же переводе пятитысячным тиражом, в 1951 году издательство «Сабчота Сакартвело» печатает его с предисловием А Цацерели тиражом 10000 экземпляров в 1962 году то же «Сабчота Сакартвело» издаёт его уже в переложении И Мачабели с предисловием В Шадури тиражом 30000³

Интенсивный характер получили переводы произведений Л Н Толстого со второй половины XX века В 40-50-х годах отдельными книгами и сборниками выходили его романы и рассказы, сказки для детей Особенно значителен выполненный к 60-летию со дня смерти писателя грузинский десятитомник под редакцией Т Буачидзе, вышедший в свет в сравнительно недолгий срок - с 1962 по 1966 год тиражом в 15000 экземпляров⁴ В этот сборник вошли все романы Л Н Толстого «Детство Отрочество Юность» в переложении А Чумбадзе, «Война и мир» в переводе И Агладзе и А Чумбадзе, «Анна Каренина» автором грузинского текста которой вместе с Т Сакварелидзе является и Л Титвинидзе а также рассказы разных годов Большая заслуга принадлежит, также, переводчикам Д Шенгелая, И Мачавариани, Ир Кавжарадзе, Д Касрадзе П Церетели и другим Повесть «Отец Сергей» вошёл в последний, десятый том собрания, который был напечатан в 1966 году

¹ ქ ვაწერულია ქართული ჰეროიკული პიესისა ლ ტოლსტოის ცხოვრებისა და მხიქმედების შესახებ ჟურნ „ცისკარი“, № 364 თბ 1987 ოქ 133

² Произведения великого писателя на грузинском языке Газ «Вечерний Тбилиси» 1970 г. №273 (5333) с 4

³ там же

⁴ там же

В истории развития грузинской литературы и культуры вообще, издание десятитомника имело огромное значение. Несмотря на то, что переводы часто не являются идеальным повторением Л. Толстого, они дают грузинскому читателю возможность проникнуть в художественный мир гения.

Издание произведений Л. Н. Толстого продолжалось и в 70-80-е годы XX века. В 1978 году к 150-летию писателя впервые были опубликованы на грузинском языке фрагменты из дневников за 1893-94 и 1909-10 года в переводе С. Сигуа. В 1985 году вышел сборник под названием «Божье и человеческое» (автор грузинского текста Н. Эбралидзе)¹. В том же году были напечатаны рассказы «Казачки», «Кавказский пленник», «Рубка леса», «Набег», «Хаджи-Мурат». Переложение выполнено Э. Убилава.²

Интерес к наследию Льва Толстого в Грузии не ослабевает, и в нашу эпоху XXI века оно сохраняет актуальность, к нему остаются внимательными, в том числе, и в Грузии. Здесь проходят вечера, международные конференции, посвященные жизни и творчеству Толстого. Одна из таких конференций прошла в июне 2002 года в Тбилиси. Называлась она «Лев Толстой в 1850-х годах: рождение творца». Ее организовали Государственный мемориальный музей «Ясная Поляна» и Центр культурных взаимоотношений Грузии «Кавкасури Сахли». В конференции принимали участие ученые из России, Германии, США, Канады, Грузии. На конференции присутствовал Владислав Толстой – правнук Льва Толстого, директор яснополянского музея, который отметил, что «именно на Кавказе в Тбилиси решил Лев Толстой стать интератором»³.

Вообще, художественное и особенно, мировоззренческое наследие Л. Н. Толстого, а также, научные исследования его творчества на грузинский язык переведены и опубликованы не полностью. О писателе здесь не существует библиографии, и мы вынуждены опираться в основном, на материалы, представленные в уже напечатанных изданиях, на исследования грузинских ученых, в

¹ Г. Алексеева. Из Грузии к Толстому. Журн. Кавкасион. В. 5. Тб. 1987. с. 373.

² «ფეხები ჯიბის დასახლებაში» თბ. 1978. №17 (245) გვ. 1.

³ «მედიკალიზაცია და სხვა საკითხები ჯიბის დასახლებაში» თბ. 2002. გვ. 15.

том числе, и на упомянутый десяти томник, который является наиболее полным изданием произведений Л Н Толстого на грузинском языке

* * *

«Отец Сергей» был переведён в 60-х годах XX века для включения в десяти томник Перевод повести принадлежит Ларисе Титвинидзе Другого грузинского переложения данного произведения не существует Этот факт обуславливает и то, что мы, к сожалению, лишены возможности сопоставления вариантов перевода

Наша работа мыслится как попытка пойти в трёх направлениях нарисовать основную содержательно-философскую и эстетическую концепцию Л Н Толстого, оказавшую влияние на его творчество вообще, и на повесть «Отец Сергей» в частности, выяснить главную идею повести, её стиль, и изучить грузинский перевод произведения Архитектоника работы позволяет в нюансах рассмотреть переложение, выявить каждое достижение и каждый промах Нашей самоцелью не является критика перевода, особое выделение его недостатков, тем более, что это первый факт создания грузинского текста произведения Поэтому мы старались быть по возможности объективными

Глава I

Основная идея и мотивы повести. Аналогии, встречающиеся в русской, западноевропейской и грузинской литературах

Льву Толстому было более семидесяти лет, когда он написал своего знаменитого «Отца Сергия». Работать над повестью он начал 6 июля 1883 года и продолжал на протяжении восьми лет до 1891 года. Это именно тот долгий период, во время которого Л. Н. Толстой усердно искал объяснения жизненных противоречий.

Надо отметить, что писатель не считал произведение законченным и мысль до конца переработать его не покидала Толстого до конца жизни. Основная цель, которую преследовал писатель, создавая повесть – это завершить опыт работы над созданием художественного произведения об «юродивых», христианских правдоискателях, волнующихся греховностью собственной природы, отвергнувших «проторенный путь жизни».

«Монашеская» тема привлекала Толстого ещё в конце 1870-х годов. Он старался по возможности подробнее изучить этот стиль жизни, о чём свидетельствует находившееся в яснополянской библиотеке большое количество книг и брошюр с описанием монастырей и скитов, и также монашествующих подвижников благочестия.¹

Толстой не был первым, кто задумывался над данным вопросом. Эта проблема волновала многих мыслителей во всём мире на протяжении веков, в том числе, и художников слова, которые, каждый по своему стремились выразить собственное отношение к вопросу. Однако проблема духовенства всегда была «неудобной» и почти запретной в литературе. По словам литературоведа В. И. Кузнецова, «неудобной» эта тема оказывалась не только в силу антиклерикальной направленности большинства художественных произведений о служителях алтаря, но и оттого, что «второе сословие» в своих социальных и моральных устремлениях было

¹ <http://vopdiplom.ru/25/120> с. 1224

неоднородным¹ Определённый процент духовенства составляли люди бездушные, вступившие на этот путь по различным «темным» соображениям Но эта же среда рождала честных, добрых, истинно верующих церковнослужителей, которые помогали простым людям нести жизненный крест, облегчали их переживания, укрепляли в вере, наставляя их и сострадая им

Несмотря на «неудобство» и «запретность», тема эта получила своё отражение на страницах произведений мировой классики Примером могут служить в русской литературе – Фёдор Достоевский со своим неповторимым Алёшей Карамазовым, во французской – Эмиль Золя и его аббат Муре. В Грузии этой теме посвящена последняя поэма Ильи Чавчавадзе «Отшельник» Каждое из этих произведений оригинально решает проблему христианского аскетизма исходя из мировоззрения самих авторов

В отличие от героя Достоевского, который свободен от мирской тяжести и полностью принимает православные нормы, герои Золя и Чавчавадзе так же как и Толстого, становятся жертвами собственных жизненных инстинктов Все три писателя рпеиют борьбу природы и религии Во всех трёх случаях предпочтение отдаётся природе

В «Отце Сергии» стоит проблема себялюбия и самолюбования, отрицания природной необходимости Гуманизм и мораль счастья в телесной жизни в миру, вот основная дегать соединяющая произведения мировых гениев

Непосредственная задача, которую мы ставим в нашей работе – это уяснение основной идеи и мотивов повести Л. Н. Толстого Согласно писателю, задуманная им история могла бы подтвердить мысль, что «нег успокоения ни тому, который живёт для мирских целей среди людей ни тому, который живёт для духовной цели один Успокоение только тогда когда человек живёт для служения Богу среди людей»² Уже эта запись Толстого в дневнике свидетельствует о том, что в повести должно было раскрыться религиозно-философское отношение писателя к жизни, полное противоречивости и большой доли иллюзорности Хотя как образец

¹ Г. А. Дмитриевская. Это была структура жизни, из которой выходят святые http://www.oklandia.murcm.ru/oklandia/ofic/news/sar_histor5/Dmitriy.htm

² Л. Н. Толстой. Собрание сочинений в 20-ти томах. Т. XII. Повести и рассказы. М. 1964. с. 492

художественной прозы. «Отец Сергей» - одно из выдающихся творений Л. Н. Толстого

В дневнике писателя отмечено «Начал отца Сергея и вдумался в него. Весь интерес – психологические стадии, которые он проходит»¹ В этом произведении Толстой ещё раз заявил себя как психолог, желающий понять сокровенные законы, по которым движется сознание, ход мыслей «естественного человека». По его словам « для того, чтобы художник знал о чём ему должно говорить, нужно чтобы он знал то, что свойственно человечеству и, вместе с тем, ещё неизвестно ему, то есть человечеству».² Описанию этого «своего» и «ещё неизвестного» и посвящена повесть.

В «Отце Сергии» основным является проблема праведничества и лжеправедничества. В русской литературе трудно найти другое подобного рода произведение, в котором с такой силой была бы передана борьба между мирским и аскетическим, был бы такой конфликт между желанием приближения к Богу, потребностью очищения и соблазнами мирских утех.

Человек – частица мира и несет в себе его сложность и многогранность. Он, как существо духовное, способен разобраться в окружающем и, благодаря своей культуре, чувства и разуму, перестроить своё отношение к действительности на основе любви ко всему, что представляется ему истинной жизнью. Но из живущих на этой земле не каждому суждено пережить процессы внутреннего преображения. Людей, настроенных к внутренним переворотам к лучшему – небольшое число, только единицы обладают способностью к духовному перевороту.

В отличие от тех, которые не только живут, «как трава растёт» но даже и не замечают, что так живут, герою Толстого как и самому писателю характерна психологическая динамика. В раскрытии процесса духовного прозрения, нравственного возрождения, проявилось огромное искусство Толстого как мастера психологического анализа.

Работая над произведением, писатель был занят мыслью о создании художественного типа человека порочного, падшего, но хранившего в себе

¹ Л. Н. Толстой. Полное собрание художественных произведений. М. Л. 1930 с. 225

² В. А. Ковалёв. О стиле художественной прозы Л. Н. Толстого. М. 1960 с. 46

возможность нравственного воскресения Проступающая ещё в его ранних произведениях «чистота нравственного чувства» с новой силой раскрывается в «Этике Сергия», где путь к духовному совершенствованию человека рассматривается через призму индивидуальной духовной работы. Здесь решение не подражается лишь как слепое следование вере, но и как поиск нравственности Толстой с определённой точкой зрения отталкивается от главной идеи повести «Борьба с похотью» (у него) или скорее одна ступень в главной борьбе с грехом – славой похотью.¹

В произведении перед нами образ человека, который выносит на себе не только плотские соблазны, но и духовные. И соблазн духовный не менее актуален, чем соблазн плотский. Посвятив жизнь отшельничеству, к которому его во многом толкнуло желание освобождения от земных искушений, он и в монастыре не находит покоя. «Как только человек немного освободился от грехов похоти, так тотчас же он отступает и попадает в хушную яму славы людской»² – так передаёт состояние своего героя писатель.

История эта всё глубже и всё же собирает Толстого. С интересом «соблазны славы людской и православие, то есть обман, чтоб скрыть веру»³. С точки зрения художника, таковы главные опасности на пути к совершенству, подстерегающие человека, и с ними он сталкивает главного героя повести.

Конфликт человека со средой, с социально-эстетическим окружением всегда занимал писателя. Он хотел разобраться в роде человеческом в том «выроде, грандиозного типа». В своих произведениях он всегда с особым интересом обращается к этому вопросу и изображает всю остроту противостояния индивида с окружением, иногда доведённую им до безвыходности, трагедии. Примером может служить хотя бы роман «Анна Каренина», где нерешённость главной проблемы является одной из веских причин, которая доводит главную героиню произведения до трагического конца.

Нравственно-религиозный оттенок, сопровождающий все творчество Толстого, в особенности поздний его период, находит наиболее выражение именно в «Этике Сергия». Но это – религия как бы с обратной стороны, с изнанки. Перед нами

¹ Л. Н. Толстой. Полное собрание художественных произведений. Т. I. М., 1930, с. 215.

² Л. Н. Толстой. Собрание сочинений в 20 томах. Т. XII. М., 1964, с. 493.

³ Л. Н. Толстой. Полное собрание художественных произведений. Там же, с. 225.

приведя веры, сомнение в том, что подразумевается под классическим значением этого слова. Не ортодоксальное православие с обязательными обрядами и с беспрекословным принятием установленных норм, а протест сначала лишь в сознании героя повести, а затем выраженный и в действии «Отец Сергий» — это уход резкий и коренной переюм в жизни — обречение крестной и востановление веры.

В повести параллельно развиваются события жизни главного героя — князя Степана Касатского, того же отца Сергия — и история его души.

В молодости познав ложь в любви и отойдя от мира, от чувственной жизни, герой Толстого ищет истину в служении Богу в монастыре. Однако сложная внутренняя работа, происходящая в сознании отца Сергия приводит его к неожиданным разочарованиям и открытиям, новым постижениям мысли и новым сомнениям. Монастырское единение с Богом часто тоже проступает низменными страстями, борьба различных интересов — между парадоксом и мимолетной святостью маскируются нечестота и равнодушие, не дадут ему удовлетворения.

Писатель обращает внимание на изменение чувств и настроений в каждодневном состоянии человека на его отношение к действительности, обусловленном духовным состоянием личности. Толстой мастерски передеает замену старых взглядов и помыслов новыми символами и мыслями, не использует описание «подводного течения» психологической жизни. Столкновением положительных и отрицательных начал он передеает ощущение противоречий бытия и реакцию на эти противоречия в душе человека. Вообще скупое самознание, строгость предписываемых самому себе правил морали характерно для героев Толстого.

В отличие от традиционного взгляда на веру и обряды церкви у служителей алтаря, которые не сомневаются и не задают никаких вопросов, там где юлика бессильна и видит истину в том, что так и южко оставаться тайной, то что Богом оставлено в тайне от людей, герой Толстого выражает сомнение, что противоречит природе аскетизма. Аскетизм сам по себе, подразумевает возвышенный христианский спиритуализм, безграничную веру в Бога, иногда доходящую даже до фанатизма. Но этому писатель тоже находит своё объяснение.

Степан Касатский – та же жертва общественной несправедливости. Он ушёл из мира потому что везде на каждом шагу сталкивался с моральной нечистоплотностью, жестокостью и обманом. Толстой со всей силой своего таланта, ярко и достоверно раскрывает проблему невозможности сохранения душевного спокойствия живя «для мирских целей».

Будущий отец Сергей по рождению к высшим придворным кругам не принадлежал но вельчески гудя стре нился. Он с детства быт по ющён страстью быть выше всех, быть победителем, достигать поставленную цель и чувствовал к тому способность. Касатский быт одарён от природы он был высок, красив, и всякий, оказавшийся рядом с ним, чувствовал нечто такое, после чего приходил к выводу что это – родовитый, достойный человек. Кстати своё достоинство он сумел сохранить до конца, и даже превратившись в бродягу, поёмни которые встречаются на его пути, он воспринимается не как убогий нищий человек. «Ирхика его бранила злая хозяйка, ругал пошлый мужик, но боьней частью его кормили, поили, лавали даже на дорогу. Это господское они не, испоганало – всего пошу!»¹

Стива, как его называли в миру, умеет добиваться первенства во всём. Так раз заметив за собой ошибку во французском, он выучил его настолько что мог изъясняться на нём не хуже чем на русском. Возжелав овладеть науками, он превсепт и в этом, став в военном корпусе где он в го время учился, первым. И так во всём. По окончании корпуса князь поставил себе цель взобраться ещё выше, то есть быть принятым в придворных кругах. Эгого он мог достичь только женитьбой на девушке которая принадлежала бы к известному кругу в сити рождения. Он выбрал себе такую девушку, стал ухаживать за ней, даже страстно влюбился. Однако его любовь рухнула потому что на её пути встал российский монарх, столь обожаемый юным кадетом «поблизкий» император. Касатский сознавал, что взять верх в данном случае невозможно, невозможно ни убить, втирав на туэль, ни превзойти благородством генетического происхождения.

Но Стиву ещё до корпуса учили что есть иная сфера, в которой одни более значительны, нежели другие, независимо от происхождения. И он становится на этот единственный для него путь – уходит в монастырь. Нужно отметить что

¹ Л. Н. Толстой. Отец Сергей. Избранные повести. М. 1953 г. III с. 190.

определяющей чертой молодого Касацкого было стремление не столько к Богу сколько к своему нравственному совершенствованию. Именно с таким настроением он уходит в монастырь и живёт в нём. В грузинской литературе нечто подобное есть в романе Ч. Амиразджиби «Дата Гутахна», где главный герой, после многолетних моральных исканий, не найдя реальной опоры в жизни, обращается с вопросом к мудрому еврею. Вот их диалог:

«- მთრდებ-ბატონო, რთგორ მიიქცევი კაცო, რაცა აღარ იცოხ, რა ქნახ და რა აკეთახ? რახ მეტყუო შენ?»

- მასეთი კაცებისთვის თქვენს ხარჭმცინებლას ხედავებ უკეთესი ხამკურხანლო აქვს - მონახეცრო!¹

Схожая с этим мысль принадлежит и духовному предводителю буддистов Далай Ламе, «Человек приходит к Богу тогда, когда ему плохо. Религия – лучшее лекарство».² То есть, уход от мира, хотя бы временный – фактически единственное спасение для «потерявших себя» людей.

На монашеском поприще, уже с именем Сергия, Касацкий с усердием, свойственным ему, принимается постигать азы духовной науки и, как и везде, преуспевает, то есть, достигает всего чего, по мнению церковного руководства может достичь монах.

Из всех возможных форм монашества Касацкий выбрал форму, признанную наивысшей, наитруднейшей, наидуховнейшей наиболее привлекающей внимание – он выбрал старчество, что очевидней означало первенство. Звание старца является одним из наиболее уважительных среди духовных званий, заслуживающее особое отношение как монахов и аскетов, так и мирян. Старцами издревле становились выдающиеся представители церкви, которые как своим возрастом, так и заслугами, стояли выше других. Большинство из них, как показывает история, на самом деле достигали святости. Им подчинялась братия «Признанное мнение» и «мнение признанных» о старчестве таково: человек должен полностью отказаться от собственной воли и довериться Богу. За волю Божью признаётся воля монаха-старца.

¹ ა. ამირაჯიბის რომანებისათვის კარი 1 თბ. 2003 წ. 204-205

² Дж. Бауер. Религии мира. Великие вероучения от древности до наших дней. М. 2002 с. 200

На Руси история старчества начинается с XVIII века и связана с именем Панагия Величковского¹ Упоминание о нём есть и в «Отце Сергии» - говоря о духовном предводителе Касатского. Толстой пишет «Игумен был ученик известного старца Амвросия, ученика Макария, ученика старца Леонида, ученика Панагия Величковского»² Большой частью старчество на Руси утвердилось вмешательством простого народа, для которого образ монаха-старца уподоблялся с ликом святых Оно, как полагают, существовало и прежде, но широко распространилось благодаря христианству

Нужно отметить, что в Грузии фактор монашества был ещё более силён, так как посредством сто, и вообще ретинги, сохраняясь сто,ь необходимая для малочисленного народа духовно-национальная независимость И здесь звание старца которое на грузинском звучит как «ბუცვი» также было широкопотребительным с самого основания аскетического образа жизни и монастырей, этих «обителей созерцателей», которые здесь назывались «ვაბი» от «საბაბე», «დასაბაბებელი»,³ то есть «местом отдохновения» Этим духовным пастырям в Грузии оказывали такое же уважение, как к «დოკობი» и «ეპისკოპოსი» Примером может служить автор знаменитого «Мученичества Шушаник» - Иаков Цуртавели которого обычно называют «ბუცვი ბუცვი» - «старец Иаков» Замечательно, что переводчик использует именно слово «ბუცვი» при переводе «старца» и отца Сергия где это нужно, упоминает этим званием (хотя в грузинском варианте есть некоторые расхождения с оригиналом, о чём речь пойдёт ниже) Наряду с «ბუცვი», в Грузии была распространена и форма «ბუცვიძობისხეობი» Так, известный церковный деятель XI века - поэт, редактор, переводчик, ученик Георгия Мтацминдели – Теофил – носил именно это звание «თეოფილე ბუცვიძობისხეობი».⁴

Слово «старец» широко встречается и в Библии, как в русских, так и в грузинских изданиях «Старец – избранной госпоже и детям её, которых я люблю по

¹ Иеромонах Сергий (Рыбко) Кто такой монах? <http://www.deol.ru/users/krivtsan/aest26.htm>

² Л. Н. Толстой Отец Сергий Избранные повести М. 1953 с. 156-157

³ ს. ჯიქია IV-V სს. კვიტუბის, ქვემოთ დახმარების ერთი სტატუსების ძველი აღწერის შესახებ დოკუმენტი, 2002 წ. 46

⁴ ს. ჯიქია IV V სს. კვიტუბის, ქვემოთ დახმარების ერთი სტატუსების ძველი აღწერის შესახებ დოკუმენტი, 2002, 46

истине, и не только я, но и все, познавшие истину»¹ Тот же отрезок Библии на грузинском звучит следующим образом «ჩვენც - რწმუნულ დედოფალს და მის შვილებს, რომლებიც მე მიყვარს ჭეშმარიტებით, და არა მარტო მე, არამედ ყველას, ვინც შეიცნო ჭეშმარიტება»²

Старчество, может быть, было близко Сергию и потому, что эта форма жизни где-то напоминает жизнь военного «в армии всякий нижестоящий отказывается от своей воли и исполняет волю вышестоящего его собственная воля уничтожается чужой волей»³ Здесь надо учитывать и то обстоятельство, что события, изображённые у Тоистого охватывают период когда государственно-православная форма религиозности для населения Российской империи была обязательна царь носил военный мундир, считался помазанником Божиим, он отдавал приказания нижестоящим Те, в свою очередь, своим подчинённым и, следовательно, всё это воспринималось как воплощение воли Божьей

Сергий поставил перед собой цель достичь наибольшую высоту монашеского подвига и, тем самым, стать выше самого государя Однако принятие такого решения было обусловлено не только тем, что Касатский не нашёл другого, лучшего пути для того, чтобы доказать своё превосходство и пренебрежение над окружающими, но и его внутренней потребностью «Пострижение было важным духовным событием для Сергия Он и прежде испытывал великое утешение и подъём духовный, когда причащался, теперь же когда ему случалось служить самому, совершение проскомидии приводило его в восторженное, умиленное состояние»⁴

Внешние события жизни Степана Касатского, начиная с его отречения от мира, его пострига, совершаются по восходящей линии простой монах превращается в иеромонаха, то есть монаха-священника, имеющего право отправлять в храме богослужение,⁵ затем уже - в чудотворного старца что, нужно отметить, вызывает определённую долю недоразумения в самом отце Сергии «Он часто удивлялся тому, как это случилось что ему Степану Касатскому довелось быть таким необыкновенным угодником и прямо чудотворцем Как ни странно это было, это

¹ Библия Книги Священного Писания Ветхого и Нового Заветов Второе Иоанна 75 | М. 1988 | с 1223

² ღმრთელი დედოფალი და მისი შვილები თბილისში 1 | თბ. 1989 | 1117

³ с 1224

⁴ Л. Н. Толстой Отец Сергий Избранные повести М. 1953 гт III с 158

⁵ <http://www.Doel.ru/users/krivtsov/aest26.htm>

было так».¹ Во многом этот факт был обусловлен тем, что однажды совершив «чудо», исцелив маленького мальчика, Сергей стал вынужден, согласно христианской морали, не противиться просьбам нуждающихся в помощи « не отказав одним, он не мог отказывать и другим, и навешивал руку и молился и исцелялись многие и става отца Сергея распространялась дальше и дальше»²

Одновременно с этим, его внутренняя жизнь движется по нисходящей линии, раскрываясь как постепенное опустошение души. Как писал Данте, «йти от грешников ещё недостаточно. Надо самому достигнуть внутреннего совершенства». Именно внутренняя жизнь человека и есть настоящая жизнь, «нематериальная реальность» «Человек живёт только тем, что внутри него» (Ф Ницше)

Чувство правды жизни требовало от Толстого показа реальных сторон действительности «Цельзя и не должно скрывать лжи, неверности и дурное».³ - писал он в дневнике. Вначале простой отшельник, который думает лишь о послушании и смирении, и в желании достичь этих благ обретает свет и покой, постепенно, хоть и с долей протеста и вины, начинает думать о личной славе «И тогда монашеское честолюбие, то самое, которое как прогивно бычю в монахах поднялось в нём».⁴ - замечает Толстой. Отцу Сергию льстит сознание своей неординарности и он начинает заботиться о том, чтобы этот взгляд на его персону не переходил в сознании тех достойных или недостойных людей, которые его окружают. Касатский уже не протестует против того, что круг преклоняющейся перед ним толпы всё расширяется и расширяется. Герой идёт по пути духовной деградации. Непомерно разросшийся индивидуализм прикрывается служением Богу, которому он уже не служит в действительности. Именно этот фактор является основной мотивацией сюжета произведения.

Если провести параллель с поэмой Ил Чавчавадзе то видно, что проблема гордости и тщеславия грузинскому отшельнику чужда. Его не волнует мирская слава и, живя в келье на вершине горы куда достигают лишь птицы и солнечные лучи, он и

¹ Л. Н. Толстой. Отец Сергей. Избранные повести. М. 1953 гл VII, с. 180

² там же, гл VI, с. 173

³ Л. Н. Толстой. Собрание сочинений в 22 томах. Т. X. М. 1982 с. 54

⁴ там же

на земную жизнь смотри как бы свысока. Поэтому ему никак не грозит грех «славы людской», столь актуальный для героя Толстого

После того, как он стал ставен отец Сергий чувствует как уничтожается его внутренняя для Бога жизнь и заменяется внешней для людей жизнью «Он чувствовал в глубине души что никто не изменит всю его деятельность для Бога деятельностью для людей»¹ Считает Сергий был в нерешительности думая о своей разросшейся славе, о том, как об этом писали в газетах как его уже знали в Европе и даже до государя дошла весть о нем «ему стало совестно своего тщеславия»² и он обратился с молитвой к Богу, но безрезультатно молитва его сделала чудеса для других, но для себя он не мог выпросить освобождения от греха славы людской

Тщеславие отца Сергия в какой-то мере выражает настрой самого Толстого, который в одной из своих записей признаётся в личном недостатке, в том, что его преследует известный порок «Я честен по сути я люблю добро сделал привычку любить его когда отключаюсь от него от него не получаю собой и возвращаюсь к нему с удовольствием но есть вещи которые я люблю больше добра славы» Это герой тоже возлюбит славу больше добра хотя вначале сопротивлялся этому неуклюжению. Но постепенно Сергий привык и покорился. Эту покорность перед тщеславием и гордостью, осознаваемых но непоборотых им, Толстой передаёт следующим замечанием «Он тяготился посетителями, уставал от них, но в глубине души он радовался им радовался тем восхвалениям, которые окружали его»⁴

Сильная благородная личность хранившая в себе «источник воды живой» отец Сергий утрачивает лучшие свои качества. Духовная опустошённость делает его мелким. Писатель одним штрихом передаёт настроение героя «самое обыкновенное состояние его было усталость и смирение перед собой за эту усталость»⁵

Если раньше Сергий жил действительно смиренником отказывая себе во многом, не заботясь о богатополучии собственной персоны то с течением времени он начинает думать о мирских утехах. Так ранее ему было всё равно чем кормиться принимал пищу лишь для того чтоб иметь силы для молитвы но постепенно и это

¹ Л. Н. Толстой. Отец Сергий. Избранные повести. М. 1953 гл. VII с. 174-175

² там же, с. 180

³ Л. М. Мышковская. Мастерство Л. Н. Толстого. М. 1958 с. 17

⁴ Л. Н. Толстой там же с. 175

⁵ там же с. 175

процесс начинает приносить ему наслаждение «Давно уже прошло время, когда отец Сергей . питался одной прошивирой и хлебом (теперь) его питали постными, но здоровыми кушаньями Он употреблял их мало, но гораздо больше, чем прежде, и часто ел с особенным удовольствием, а не так, как прежде, с отвращением и сознанием греха».¹ - замечает автор

Ранее отшельник, находящий духовную пищу в одиночестве и в общении с Богом, Сергей постепенно привыкает к многочеловечию вокруг себя, начинает видеть в каждом человеке средство для удовлетворения тщеславия Он ставит себя наряду со святыми, угодниками божьими любит себя и теряет любовь к людям, которая должна переполнять сердце монаха «Ему приятно, нужна была любовь от них (людей), но к ним любви он не чувствовал Не было у него теперь любви, не было и смирения, не было и чистоты».² - вот результат к которому он приходит

В сцене, где простодушная толпа охвачена восторгом перед «святым» монахом, прослеживается истинная суть вещей контраст между представленным людьми о Сергии как о благородном светлом старце и его расположением к этим людям. «Отец Сергей заметил, что купец что-то строго действует, и слабым голосом сказал келейнику, чтобы он не гнал народ Отец Сергей знал, что он всё-таки прогонит, и очень желал остаться один и отдохнуть, но послал келейника сказать, чтобы произвести впечатление»³ Наивной вере народа, который столь высоко ценит святость духовного пастыря противопоставляется нравственная фальшь, в которой погряз Сергей В его душе уже нет ничего кроме усталости, холодности, равнодушия и себялюбия Он забыл наказ Божий любить ближнего своего и любить не кое-как, а всей душой, как самого себя Отношения священника с паствой не должны омрачаться какими-то ни было телесными вещами «Священник – это духовный пастырь, у него должны быть такие отношения с пасомыми, как у отца с детьми»⁴ В монастыре уходят именно потому, чтобы очистившись от страстей, стяжать большую любовь Замечательно, что толстовский герой уединившись в келье, в самой малой мере думал именно о подобном стяжательстве и несмотря на то, что в его душе была

¹ Л. Н. Толстой. Отец Сергей. Избранные повести. М. 1953 г. VII с. 179

² там же, с. 181

³ там же с. 177

⁴ Иеромонах Сергей (Рыбко). Кто такой монах? <http://www.deol.ru/users/krivisan/aest/26.htm>

любовь к Богу, монастырь он использовал для удовлетворения своего тщеславия и для того, чтоб отомстить миру. Поэтому и неудивительно (а может, и логично), что в конце он оставляет затвор. Как говорится, никогда не поздно раскаяться.

Монах, прежде всего, должен победить зло в себе, духовно подняться до Небес. Аскеты с самого начала воспринимали людми не из мира сего, в созвонии других они были подобны ангелам, обитающим на земле. И чтобы на самом деле быть достойным такого отношения, монахи удалялись от мира, оставались один на один с собой. Это было необходимо для обретения собственной души себя, «в спокойствии и тишине есть нечто нежное, утонченное, как любовь». Такой взгляд способствовал развитию и распространению отшельничества и пустынночества. Аскеты были уверены, что для угодения Богу жизнь нужно проводить в непрерывном покаянии и молитве. Пример того дал сам Христос. Но он был Богочеловек и ему хватило сорока дней. Обыкновенному смертному человеку же, чтобы «привести свою душу в порядок», чтобы понять добро и зло, задуматься о мире этом и о царствии небесном, нужен не один год. «Учить можно только тому, что знаешь сам, и людям можно дать только то, что имеешь». Человек удаляется в монастырское уединение для того, чтоб что-то стяжать, принести и дать это людям.¹ Для того, чтоб всецело служить Богу и людям, человек и принимает монашество.

Несмотря на свою внешнюю святость, которая общепризнанна окружающими, в глубине своего «я» Касагский знает, что не смог её достичь. Причиной тому является тот факт, что он отказался от радостей жизни не только для обретения высших духовных ценностей. В этой связи как в религиозной, так и в светской философии сформировалась мысль, что когда отказ совершается ради отказа, а не ради обращения к Высшему смыслу, тогда Бог не проявляется в человеке. Возникает то, что Бердяев называл «отрицательной аскезой», которая «совсем не просветляет целостного человека». Монах может двадцать лет сидеть в затворе, может весь отдаваться аскетическим упражнениям, молиться большую часть дня и, тем не менее,

---

¹ Иеромонах Сергий (Рыбко) Кто такой монах? http://www.deol.ru/users/krivisan/acst_26.htm

находиться в ужасном обскурантизме ума»¹ Келья в случае «отрицательной аскезы» становится тюрьмой, в которую монахи добровольно себя заточают

Отрицание мнимого служения Богу мы находим и у В. Соловьёва. Ему принадлежит положение «Ложная духовность есть отрицание плоти, истинная духовность есть ее перерождение, спасение, воскресение». Соловьёв высказал данное суждение в ходе своего исследования природы любви. Рассуждая о соотношении тела и духа он признает, что человек не должен изгнать плоть. Для того, чтоб вознесть дух так как поэзия «отделение духовного от чувственного» и без того наилучшим образом совершается смертью»²

В случае отца Сергия мы думаем, имела место именно упоминаемая отрицательная аскеза, особенно в последние периоды его монашества. Рассматривая вопрос с этой точки зрения, вполне нормальным является то, что Сергий обретает Бога только после оставления кельи. Здесь уместно вспомнить слова митрополита Московского Филарета (Дроздова) прекрасно иллюстрирующие православное воззрение на мирскую жизнь и монашескую святость: «Как никто не спасает отнюдь внешнее пребывание в пустыне так не погубляет никого внешнее житие в мире».³ Действительно, человек может жить обычной земной жизнью но в душе пребывать с Богом. Аскетизму не каждый может (или должен как Сергий) посвятить себя. Особый настрой духа, призвание необходимые для подобной образа жизни, даются не всякому.

Духовной деградации отца Сергия во многом способствует и то, что в самом монастыре потакают его «чуждоверству» говоря современным языком сами духовные лица делают ему рекламу. Хотя сам он с самого начала далёк от такой амбиции скептически относится к собственной ирреальной сущности. «Отцу Сергию и в мысль не приходило, чтобы он мог испепелить болящих. Он считал бы такую мысль великим грехом гордости»⁴ Но Сергий больше не принадлежит самому себе он вынужден покориться до конца. Это обязанностью становится укрепление монастырской и собственной репутации как носителей божественной благодати.

¹ Н. А. Бердяев. Философия свободного духа. М. 1994. с. 410.

² В. С. Соловьёв. Смысл любви. Избранные произведения. М. 1991. с. 163.

³ Там же.

⁴ Иеромонах Сергий (Рыбко). Кто такой монах? http://www.deol.ru/users/krivtsan_text/26.htm

⁵ Л. Н. Толстой. Отец Сергий. Избранные повести. М. 1953. т. VI. с. 173.

Окружение создаёт старцу комфорт, какой только возможен в тех условиях, в которых он живёт. Его освобождают от труда, ранее столь для него приятного «ему.. не давали уже совсем возможность трудиться. Для его удобства устроили дни, в которые он принимал»¹ – читаем в повести *Превращённый в орудие* притяжения посетителей и жертвователей к монастырю, он осознаёт, что жизнь его всё больше опутывается лицемерием и ложью.

Интересно отметить, что «чудо» присутствует и в поэме Ил Чавчавадзе. Но в этом случае, его непосредственным носителем предстаёт не монах, оно прямо нисходит с Небес – луч солнца, останавливающийся в келье отшельника как знак божественной благодати. Хотя, мы можем предполагать и то, что не лишён такой благодати и отец Сергей. Ведь люди действительно излечиваются от его молитвы. Однако, Сергея преследует духовное опустошение, съедающее и отдаляющее его от Бога: «Господь приходит к человеку тогда, когда разум последнего ничем иным не занят. В этом случае чувствуешь, что Он слушает тебя».²

Ко всем добавляется похоть, которая тем выше поднимается в герое, чем ниже он падает. Толстой в своей повести большое место отводит эпизодам, связанным с бунтом плоти, сценам искушения отца Сергея женщинами – сначала светской дамой Маковкиной, затем большой купеческой дочерью Марьей.

В повести развенчиваются человеческий ум и воля, рассудку противопоставляется тело и подсознательное. Перед читателем проходит борьба, внутреннее противоборство в человеке между его разумом и душой, с одной стороны, и плотью, с другой, сложность душевных импульсов, обусловленных переживанием полового чувства. В своё время Мережковский говорил, что Толстой «пользуется обратной связью физического с психическим»³. Отец Сергей начинает действовать с чувством, слушая более своё телесное начало и не обращая внимания на разум, который, конечно, выступает против совершения того, что для аскета является преступлением. Но разум бессилён: «Приступы половой похоти порождают

¹ Л. Н. Толстой. *Отец Сергей*. Избранные повести. М. 1953, гл. VII, с. 174.

² Дж. Бауер. *Религии мира. Великие верования от древности до наших дней*. М. 2002, с. 125.

³ В. А. Ковалёв. *О стиле художественной прозы Л. Н. Толстого*. М. 1960, с. 30.

путаницу мыслей, скорее, отсутствие мыслей. Весь мир потемнеет; теряется отношение к миру. «Случайность, мрак бесситие»¹, пишет Толстой, уверенный, что в подобное положение может попасть каждый. Известно, что есть что-то неизмеримо чарующее, ужасное и привлекающее в том, на что лежит запрет. Вспомним А. С. Пушкина

«Всё, всё, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таин
Неизъяснимо наслажденья»

Было время, когда физическая близость с женщиной не волновала отца Сергия. «Даже победа над грехом похоти, как жадности, так и блуда, легко давалась ему. Старец в особенности предостерегал его от этого греха, но Касацкий радовался, что был свободен от него»². Свидетельством тому является его пренебрежение к светским дамам, которые окружают его в столичном монастыре. Но, постепенно, вместе с духовным богатством, отец Сергий теряет и физическую стойкость, расслабляется и это бессилие проявляется не только в общей слабости тела, но и в нежелании противостоять плотскому, женскому соблазну. Страсть подминает под себя дух человека.

Таких страниц в повести много, где упомянутая «путаница мыслей», отсутствие «отношения к миру», эротические желания начинают волновать сознание героя. В этом смысле замечателен эпизод, где Сергей даже молитву произнести с душой не в силах, спешит, предвкушая встречу с дочерью купца. «Он читал молитву, в которой говорил о своём отречении от мира, и торопился скорее прочесть её, чтобы послать за купцом с больной дочерью»³. Он не против «нового лица» в образе этой женщины. Героя охватывает безудержная сила страсти, неподвластная ему и уже предсказывающая изменение его монашеского бытия, предсказывающая его грехопадение. Согласно вероучению «желание воздать молитву – уже молитва, желание согрешить – уже грех». Сергей не смог до конца устоять на высоте целомудрия. Герой вопрошает: «Боже мой! Боже мой! Да неужели правда то, что я

¹ Л. Н. Толстой. Собрание сочинений в 20-ти томах. Т. XII. М., 1964. с. 493.

² Л. Н. Толстой. Отец Сергий. Избранные повести. М., 1953. т. III. с. 158.

³ Л. Н. Толстой, там же, гл. VII. с. 178.

читал в житиях, что дьявол принимает вид женщины »¹ Здесь Толстой следует поучению церкви и признаёт, что для монаха самым большим искушением остаётся присутствие женщины

Старец осматривает тело стоящей перед ним 22-летней Марии и понимает, что она чувствительна и слабоумна, ему становится жалко ее Но он замечает что кожа у девушки белая, по-женски припухлая фигура, большая грудь Сергей сознаёт свои переживания, то чувство, с которым он смотрит на «чадо», приведённое к нему для исцеления, но не противляется ему Его падение вызвано не спешным влечением Он доходит до этой низости постепенно, всем естественным ходом событий, и кто бы ни был на месте слабоумной Марии, именно она и ни какая-нибудь другая женщина, Сергей, исходя из своего духовного состояния, всё-таки совершил бы такой поступок Он потерял человеколюбие – основной моральный принцип для Толстого, один из важных критериев, сближающий человека с Богом

В сцене, где Касатский соблазняется, читаем

«Он отдал ей (Марии) свою правую руку»

- Как тебя звать? – спросил он, дрожа всем телом и чувствуя что он побеждён что похоть ушла уже из-под руководства»² Старец Сергей уже не в силах противостоять натиску дьявола Он сдаётся без борьбы, даже не думая о последствиях, не замечая свою гибель, притаившуюся тут же, за спиной соблазнительницы Он забывает один из самых главных заветов Христа, то, чему он уже последовал однажды и что тогда спасло его, – когда он красавице Маковкиной, пришедшей в его келью по собственному желанию, противопоставил непреодолимую волю и чистоту вечного начала любви в душе Тогда Сергей победил искушение и усмирил плоть в прямом значении исполнив завет Христа «Госи же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя ибо лучше для тебя чтобы погиб один из членов твоих, а не всё тело твоё было ввержено в геену И если правая рука соблазняет тебя, отсеки её и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих а не всё тело твоё было ввержено в геену»³

¹ Л. Н. Толстой. Отец Сергей. Избранные повести. М. 1953. гл. V с. 165

² Л. Н. Толстой, там же, гл. VII с. 182

³ Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Матфея V. 29-39. М. 1988. с. 1016

Отец Сергей отсёк себе палец, чтобы истязанием и болью изгнать из себя вожделение « взяв топор в правую руку, положил указательный палец левой руки на чурбан, взмахнул топором и ударил по нём ниже второго сустава Палец отскочил легче, чем отскакивали дрова такой же толщины, перевернулся и шлёпнулся на край чурбана и потом на пол»¹ Толстой подчёркивает нравственную ситуацию живущего «во Христе» Старец смог совершить такой постыпок, он чувствовал, что в нём живёт избранник Божий. «... не все вмещают слово сие, но кому дано Ибо есть скопцы, которые из чрева матерного родились так, и есть скопцы, которые сделали себя сами скопцами для Царства Небесного Кто может вместить, да вместит»² Несомненно то, что быть верным добродетели – это «возвышенное мученичество»

Победа над самим собой и над ней на всю жизнь осталась для Касатского объектом гордости « он всегда с восторгом вспоминал эту ночь и её»³ Этот факт, эта высота прекрасная для него монаха, бесценно не прошла и для Маковкиной Пример столь незаурядного человека, требовательного к себе, преодолевшего великий соблазн, осветил её и толкнул на важнейшее решение в жизни – она отвернулась от искушений мира и ушла в монастырь «Через год она была пострижена малым постригом и жила строгой жизнью в монастыре »⁴

Замечательно, что Касатский ещё до пострига придерживался строгого морального правила в отношении женщин Примером может служить обожествление с его стороны невесты, пред которой он преклонялся и представлял её чистейшим созданием Но, вместе с духовным падением неизбежным стало и падение плоти Отец Сергей душу свою бессмертную убил из-за постыдной слабости убил свою веру, своё подвижничество Гляжеть совершённого греха, собственное нравственное падение так велико в глазах его самого, что можно сравнить только с убийством человека то есть, с самым ужасным грехом который можно себе представить Поэтому и говорит он подруге детства Пашеньке «Я убийца Я богохульник и обманщик»⁵

¹ Л. Н. Толстой. Отец Сергей. Избранные повести. М. 1953 гл. V, с. 171

² Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Матф. XIX. 11-12. М. 1988 с. 1036

³ Л. Н. Толстой, там же гл. VII, с. 175

⁴ там же

⁵ там же, гл. VIII, с. 187

Аналогичный соблазн и искушение монаха мы находим и в романе Зоя, и в поэме Чавчавадзе. Подобно отцу Сергию и аббату Мурз, отшельник грузинского писателя тоже не может устоять против красоты и обаяния прелестной пастушки, заставившей его усомниться в правильности выбранного им образа жизни. Однако, в отличие от Сергия, он лишь в себе, в своём разуме соприкасается с женщиной, но, как гласит Библия «...всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своём»¹. Это душевное искушение стало причиной того, что он чинился божественной благодати, посвятившее ему чудо – луч солнца в его келье – пропадает, и монах умирает, отчаявшись во всем.

Сергий, в свою очередь, тоже боится мысли о смерти: «Да, надо кончить. Как кончить?»² задаётся он страшным вопросом. Но и здесь Толстой остаётся верен своей жизненно-религиозной концепции и не даёт герою кончить таким образом. Самоубийство – величайший неоправимый грех, тем более для человека, который стремился всю жизнь быть послушным заповедям Христа. Не для этого создал писатель образ Касатского, а для того, чтобы доказать именно противоположное: силу жизненного инстинкта. В центре внимания Толстого кризисный момент, когда начинается духовное прозрение, скорбное понимание, что всё, чем жил его герой до сих пор, было «не его», и что «настоящая жизнь» начнётся после преодоления им кризиса.

Писатель ставит Сергия в исключительное положение. Перед самим автором и его героем с трагической остротой встаёт проблема выбора пути. Толстой рисует мир смятенной человеческой души, пережившей сильнейшее потрясение. Пережив катастрофу, в момент самого страшного кризиса, Сергий всё-таки находит в себе силы для морального возрождения. Ибо «истинная жизнь всегда хранится в человеке, как она хранится в зерне, и наступает время, когда жизнь эта обнаруживается»³. Способность человека изменяться таит в себе потенциальную возможность нравственного роста, умение не замыкаться в узких рамках открывает путь к бытию к миру. Автор показывает полный переворот в сознании героя, и чтобы совершился

¹ Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Матф. V, 28. с. 1016.

² Л. Н. Толстой. Отец Сергий. Избранные повести. М., 1953 гл. XII, с. 175.

³ Л. Н. Толстой. О жизни. М., 1963 с. 754.

для переворота нужен подобный шок. Он служит тем точкам, от которых пробуждается человек.

Самопознание всегда считалось самым трудным делом. Жизнь человеческая должна быть «произведением души. Действия отчаяния до мысли, что «бога нет». Сергей уходит из заповедничества в одинокий мир и там вновь обретает себя. В глубине души он не утрачивает то хорошее, с чем был рожден. Тому свидетельством являются его глаза, сохраняющие прирожденное благородство: «И черные прекрасные глаза пристально смотрели на неё (Пашеньку) и заблестели выступившими слезами»¹.

Главным для Касатского остается преодоление эгоизма и замкнутости в своем превосходстве над остальными, подобными себе. Служить Богу – это значит служить ближним. От горды и эгоистичности он приходит к осознанию своей сопричастности с другими людьми и ближним своим. Серой уверен, что духовное возвышение возможно не в искусственных условиях, а в миру, в преодолении повседневных испытаний в осуществлении реальной любви и самоотдачи. Согласно Толстому, отсекаясь от мира, человек отсекается от ближних и от любви к ним. Эта изолированность распространяется и на процесс постижения Бога. Отсюда следует, что любовь к Господу и любовь к ближнему нераздельны.

Отец Сергей приходит к выводу, что не пассивная молитва, не чудотворство своё, в сущность божественности которого с самого начала сомневаясь, он, несмотря на всё своё огромное себялюбие, а деяние блага присному является прямым путём к Богу: «кажется только людям, что они заботой о себе живы, а живы они одною любовью»².

Минное величие, обитающее под неприкосновенной рясой «святого» в конце приводит к сознанию тщетности и нужности этой жизни. Пьедестал падает, возвращая Сергея к чистому началу. Безумию прошлой жизни противопоставлена правдивость нового миропонимания, открывающая смысл. Зачем делать дело, в реальность которого сам не веришь и тем более, зачем навязывать его другим как святыню, тогда как жизнь требует от человека естественности и правды, и ничего более? Вель основа

¹ Л. Н. Толстой. Отец Сергей. Избранные повести. М., 1953 г. VIII с. 185.

² Л. Н. Толстой. Собрание сочинений в 22 томах. Т. X. М., 1982 с. 511.

основ. гребуемая от того же Бога – это истина, следуя которой и достигает человек желанного духовного просветления

Одним из основных требований, предъявляемых Толстым к людям вообще, является естественность. Эту линию он проводит и в своём творчестве. Писатель убеждён, что человек должен жить без маски, какой категории бы эта маска ни была, тем более, он не имеет права надевать маску апостола Божия. Но если сам отец Сергей в какой-то мере заблуждаясь по этому поводу, всё-таки сохраняет песчинку совести, то у многих служителей культа таких переживаний вовсе не наблюдается, нет личной нравственной ответственности. Многие из них, например, типичные карьеристы, что противоречит самой сути взятого на себя добровольного духовного подвига. Толстой прослеживает мысль, что карьерные устремления должны быть чужды духовному лицу.

В повести таковым представлен игумен столичного монастыря, который строит своё будущее на духовной карьере и к которому у Сергея явная неприязнь. В эпизоде, где игумен призывает его для того, чтобы представить знакомому генералу и этим как бы оказать им обоим светскую услугу, прослеживается реальное отношение Касатского к такого рода ненужным милостям.

Сергий прямо и грубо обращается к игумну: «Ваше преподобие, я ушёл от мира, чтобы спастись от соблазнов – сказал он, бледнея и с трясущимися губами – За что же вы здесь подвергаете меня им? Во время молитвы и в храме божием»¹. Именно после этого случая Сергей ушёл в затвор, чтобы окончательно освободиться от мирских искушений.

Уход Отца Сергея – это не утрата веры в Бога, а утрата веры в служении церкви, тем её требованиям, которые, по его убеждению, противны чистому началу в человеке. Как пишет Толстой, церковь представляет собой «набор льстивых речей и стремление к славе людской». Путь к добру в сознании писателя лежит в преобразении внутреннего мира человека, через «религию сердца», то есть веру в новое, свободное от церковного догматизма христианство: «Царство божие внутри».

¹ Л. Н. Толстой. Отец Сергей. Избранные повести. М., 1953, гл. III, с. 161.

«де»,¹ – пишет он. Эта мысль представляет собой как бы перифраз овидиевского «Est Deus in nobis»

Отношение к этому глобальному замечанию писателя не у всех может быть одинаковым, тем более если учесть взгляд на то самих представителей русской церкви и её последователей. Это очень важный вопрос, который не так просто решить. Субъективную точку зрения Л. Н. Толстого выступившего с собственной религиозной философией, можно разделять или не разделять. В данном случае перед нами художественное произведение, где главный герой в своём поиске Бога приходит к логическому для него заключению. Вывод сделанный им, таков не аскетическая, неполная себя любящая жизнь есть истина, а то что всё божественное состоит в служении людям.

Скитское уединение трудное и мучительное затворничество оказалось нужным подвигом. Только реальная жизнь и реальное действие представляются Сергею сферой настоящего бытия, настоящей духовности и нравственной истины. Для него только тогда есть истина когда она явлена и воплощена самой жизнью. Всё остальное – неправда, или жалкая позу на духовность, в какие бы красивые и умные слова или формы она нерядилась.

Толстой уверен что между людьми не должно быть барьеров они должны быть вместе. Человек не имеет права оборачиваться спиной к людям он должен найти себя среди них, их посредством узнать цену себе. Замечателен тот факт что Касатского - бывшего монаха - привлекает идея покаяния не перед Богом а перед собой и перед людьми. Путь такого покаяния и избирает он. Эта черта толстовского героя автобиографична. Известна следующая дневниковая запись писателя «Мне не гордиться надо прошлым а смириться просить прощения у людей (написал «у Бога» и вымарал). Пред Богом я меньше виноват чем пред людьми он сделал меня допустил меня таким»². Трагедия жизни описанная в повести в какой-то мере отразила трагедию самого Толстого, хотя сам он никогда не удалялся в монастырь.

Писатель уверен что каждый индивидуум является в первую очередь социальным существом поэтому всё человеческое проявляется в общении с себе подобными.

¹ Л. Н. Толстой. О жизни. М. 1963 с. 270

² <http://vip.diprom.ru> 25.120 с. 1224

Стать в стороне от людей – это иллюзия. Толстой художественно передаёт свою мысль, именно в одиночестве у человека возникает подсознательное, а иногда и сознательное тяготение к людям. Отец Сергий, находясь в монастыре, думает о том, как течёт жизнь за его стенами и временами на него находит желание жить той закрытой для него жизнью – были минуты, когда вдруг всё то, чем он жил, тускнело перед ним: он переставал не то что верить в то, чем жил, а воспоминание и ужасно скаять – рассказание в своём обращении охватывало его».¹

Толстой указывает, что вокруг олушет жизнь и уйти от неё невозможно. Никакие старания, никакие просьбы, молитвы, плач и истязания плоти не смогут устоять против потребностей природы: не смогут уничтожить её естественный закон, который сразу даёт знать о себе, как только рядом с одиноким человеком появляется другой. Отшельник начинает какой-нибудь формой выявлять свою социальную природу, будь то умственное, чувственное или физиологическое тяготение. У живого человека есть тело и осязание, поэтому в иные моменты невозможно сказать «нет» его потребностям. Разумеется, человек может собственной волей и жертвией бороться против инстинкта, в какой-то мере ослабить его, но по природе освободиться от притяжения земли невозможно.

Вспомним момент встречи отца Сергия с молодым неверующим студентом, где он очень старается показать ясно свой интеллект, свою образованность, и этим отдаёт дань тому, что ценно в земной жизни.

Основная мысль, которую писатель проводит в повести, именно такая: «жизнь есть жизнь, и её надо использовать как можно лучше».² Он остаётся сторонником живого, покровного бытия, убеждённый, что народная демократия, простые отношения между людьми – счастье для человечества, позволяют обрести каждому свою естественную сущность. Цель жизни в самой жизни: «Пока есть жизнь, есть и счастье».³ Толстым утверждается красота и значительность нашего мира, самого по себе, его сила как единственная непреходящая и бесспорная ценность.

Самим Богом Земля создана как олицетворение прекрасного, и если наивысшее из его созданий – человек – не будет жить в нём, тогда зачем же нужна вся эта

¹ Л. Н. Толстой. Отец Сергий. Избранные повести. М., 1953, т. III, с. 158.

² В. Виноградов. Критический анализ религиозно-философских взглядов Л. Н. Толстого. М., 1981, с. 36.

³ Л. Н. Толстой. Собрание сочинений в 14 томах. Т. I. М., 1951, с. 21.

красота? Не случайным является то, что отца Сергия волнует вопрос «Зачем весь мир, вся прелесть его, если он греховен и надо отречься от него?»¹ Подобный вопрос задаёт и молодая пастушка ასკეი Чავჩავაძე

«ფეტიქრობდი ნეტა მაძ რისთვის მოართო
უგრე ღამიზად წუთისოფელი,
განა მისთვის, რომ აღამიანმა
შეაჩვენოს და აიღოს ხელი»²

И Илья Чавчаваძე, и Лев Толстой проповедуют не убегать от жизни, а опуститься в её глубины и «вместе с грязью собрать и жемчужины», пессимизм пересилить оптимизмом

Интересно отметить, что подобной рода проблема жизненная, природная сила в человеке и красота, которая, в свою очередь должна породить новую красоту, проступает и у Шекспира Вот один его сонет

«From fairest we desire increase,
That thereby beauty's rose might die,
But as the ripper should by time disease,
His tender heir might bear his memory
But thou, contracted to thine own bright eyes
Feed'st thy light's flame with self-substantial fuel,
Making a famine where abundance lies,
Thyself thy foe to thy sweet self too cruel
Thou that art now the world's fresh ornament
And only herald to the gaudy spring,
Within thine own buduriest thy content

¹ Л. Н. Толстой Отец Сергий Избранные повести М. 1953 гл V с 165

² იდე ჰაფტავაძის პანდემონი თბ. 1957 თ. XIX კ. 15

And, tender, churl, mak st waste in niggarding

Fit to world, or else this glutton be

To eat the world's due by the grave and thee»¹

Смысл сонета достаточно скрыт, но можно сказать, что автор в нём кого-то обвиняет в эгоизме и себялюбии, в самолюбовании. Шекспир уподобляет своего лирического героя богатому урожаю, а его нежелание жениться сравнивает с голодом среди изобилия. Поэт говорит о скудости, скудость в расходе себя он противопоставляет цветению розы, не трости природы, творящей новую жизнь. Однако, прямое обвинение сокрыто под вечной темой прекрасного, которое не должно погибнуть. Красота, по мысли английского драматурга дана не для того, чтобы хоронить её в землю. Гло надо наслаждаться в миру, как и другими дарами жизни.

Толстой писал: «Цель суужник не в том чтобы неопоримо разрешить вопрос, а в том чтобы заставить любить жизнь в безграничных, никогда не истощимых всех её проявлениях».² С этим связана и категория свободь, которую писатель рассматривает как инстинктивную силу жизни, неподвластную разуму. Он отождествляет понятия свободы и необходимости. Для него стремление к благу не грех, а естественная потребность. Человек, прежде всего, должен до конца реализовать себя как человек. Поиск блага – общий исток, равный для всех, который не разделяет человечество на отдельные субъекты в зависимости от социального положения и других факторов. Все каждый начинает свою жизнь в надежде достигнуть собственного личного счастья. В этом своём стремлении индивид рассматривает себя, свою жизнь как центр мира. Писатель оправдывает полюбного рода эгоцентризм: «Осуждают эгоизм. Но эгоизм – основной закон жизни»³ пишет он. Подобную мысль развивает и грузинский учёный Т. Буачидзе: «*„ეგოიზმი“* – *„ეგოიზმი“*

¹ William Shakespeare, Sonnets, Sonnet 1, Moscow, 1965, p. 15.

² Л. Н. Толстой. Собрание сочинений в 12-ти томах. Т. 1. М., 1984, с. 5.

³ http://vopdiploim.ru/75_120_e1224

ბუნებრივებს ეძებს კვებს აქ, ხალხ, ძიხთვის არაფერის თკვალსეკვქლო
ეძებს, წაღვან ხუჯრას, წიბ იზვიბ

Человек приходит в этот мир не только для страданий и с тём, тия лишений не только для пассивного принятия жизненных ударов хотя к этому он тоже должен быть всегда готов Он должен стараться переносить их с достоинством так как в конечном итоге выступает та непреложная истина, что всё временно прошедшее умирает и остается страдание И только внутренняя жизнь непреходяща и именно она дарует блаженство В достижении этого блага, по Толстому, может помочь деятельная любовь к людям труд на благо другим Такое решение вопроса точно соответствует мысли писателя об активном служении добру и в таком подходе к вопросу не ошибок Тот же Г Буачитязе пишет «თქმებდ ხატრქდ უბთობრთ ბუნებორქობის მისხლქდო უხუბის დორქს მობო ქიბს და მქორქობს სნის სნს მხოლოდ დიხსხო უბოფისს, არაძრე დობო ქრთხერბთ გამარბოდქობს»

Конец повести представляет главного героя именно таковым работающим в огороде занимающимся с детьми, хотя ирив за больными, обрешим бота там где раньше меньше всего предполагал Его наличие Отец Сергей наконец находит своё место в жизни и в свою миссию для чего и был он рождён Только дожив до зрелого возраста он осознаёт, что его жизнь посвящённая монашеству постепенно превращающаяся в средство удовлетворения корысти и поэтому носящая в себе зёрна греха - бы за ошибкой которая в конце обернулась страшным наказанием

Вообще следует отметить что тип кающегося совестьного дворянина это образ, который во повал воображение Л Н Толстого на протяжении всего его творческого пути в особенности в так почитаемый его период Тот же Дмитрий Нехлюдов из повести него романа писателя «Воскресение» - это классический пример осуждения со стороны представителя привилегированного класса несправедливости и жестокости существующих социальных порядков извращённости несправедливости устройства общества В этом романе перед нами тоже история греха, раскаяния и возрождения человека который для искупления своего преступления перед женщиной из народа - Катюши Масловой обращается к простым и мудрым формам жизни Замечательно, что Нехлюдов тоже выбирает религию как спасение, но опять-таки, релнино в том понимании в каком проповедовал Л Голстой Здесь же отметим

что «Воскресенне» - это произведение где наиболее остро критикуются церковные обряды что и послужило одной из причин отлучения Толстого С вятейшим Синодом от церкви в 1901 году

Приводя своих героев к известному финалу писатель этим фиксирует и свое отношение к реальности. Он развивает собственную мысль, которая заключается в следующем: как бы противны ни были жизненные явления всё равно нужно покориться им, так как рано или поздно они погребуют своего и будет поожалён каждый, кто не отдаст своей доли жизни

То же самое мы находим в произведении Ил Чавчавадзе Грузинский писатель тоже выступает проповедником поповенной жизни в миру. Его герой также оказывается наказанным за то что повстрчался спиной к естественной жизни человека. Но в отличие от Сергия грузинский ошетьник умирает не в ситах пережить дальше. Толстовский герой же уходит от собственных соблазнов в глубинные пласты народа и этим обретет Бога. Именно после ухода он чувствует действительное Его бытие. И он для себя решает как жить дальше и каким образом посвятить себя служению правде. Пройдя ступень князя, военного иеромонаха, чудотворца он в конце принимает роль смиренного в миру побеждает гордость. «Если у авалось ему послужить людям или советом или грамотой или уговором ссорящихся он не видел благодарности потому что уходил. И понемногу бои стал проявляться в нём»¹ Именно то как отец Сергей начинает идти по пути смирения и есть самый важный пункт повести. Хотя такое смирение не является традиционным христианским оно носит в себе отпечаток религиозной философии Толстого, которое несмотря на то что называет себя «христианством» отлично от всех направлений по е шего. Отлично не только от православия но и от катоцизма от всех разветвлений протестантизма, вообще от его фундаментальной сути. Толстовство – нечто совершенно новое в практике комментирования Нового Завета и, как показала история, совершенно несостоятельная попытка реализации земной жизни.

Сергий становится на путь, приемлемый для Толстого. Соблазн славы перестает волновать его воображение и он начинает следовать евангельской

¹ Л. Н. Толстой. Отец Сергей. Избранные повести. М. 1953 г. VIII с. 190

мудрости, гласищей. «Смотрите, не творите милостыни вашей пред людьми с тем, чтобы они видели вас: иначе не будет вам награды от Отца вашего Небесного.. Когда творишь милостыню, не труби перед собою чтобы милостыня твоя была в тайне. и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно».¹ Эта библейская цитата полностью соответствует мысли автора повести, что никто не должен делать добро напоказ, Бога не обманешь, обманываешь только себя. Нет спасения без вмешательства Бога.

Касатский сближается с нищими странниками и странницами, и уже в образе просящего Христа ради начинает проповедовать слово Божие среди людей «Он часто, находя в доме евангелие, читал его, и люди всегда, везде все внимали и удивлялись, как новое и вместе с тем давно знакомое слушали его».² Сергей дошёл до приемлемой для него истины, непротивления, пережил своего рода катарсис и стал в действительности носителем добра, вновь обретая в себе любовь. Затерявшись среди людей и, тем самым, по его убеждению, исполнив волю Божию, он оказывается задержанным полицией за беспаспортность, не отвечает полиции на вопрос кто он такой, говорит, что он «раб Божий». Его осуждают и ссылают в Сибирь.

Несмотря на скупость в выявлении собственной позиции, собственных оценок, мировоззрение писателя в произведении очевидно. Толстой остаётся верен своей концепции «Во всяком художественном произведении важнее, ценнее и всего убедительнее для читателя собственное отношение к жизни автора и всё то в произведении, что написано на это отношение. Ценность художественного произведения заключается в цельности и определённости отношения самого автора к жизни, которое пропитывает всё произведение»³.

Повесть Толстого и его главный герой с самого начала были восприняты общественностью неоднозначно. Если одна часть читателей полностью принимала её сюжет и соглашалась с автором в решении поставленной в произведении проблемы, другая часть, особенно, представители русской православной церкви и её последователи, считали, что образ монаха-праведника, тем более, святого объективно отсутствует в повести. В ней наоборот написан образ лжепророка.

¹ Библия. Книга Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Матфей VI | М. 1988 с. 1017

² Л. Н. Толстой. Отец Сергей. Избранные повести. М. 1900, т. VIII с. 190

³ В. Виноградов. О языке художественной литературы. М. 1959 с. 136

Доказательством тому, отмечают они, служит текст произведения, который показывает несостоятельность Сергея как монаха: он не смог духовно приобщиться к церковной праведности и в конце отрёкся от неё. Касатский в принципе до конца остался светским человеком. Несколькими мнениями придерживалась определённая часть учёных, считавшая что Сергей – это «владыкий праведник» и «кающийся грешник»¹

Вообще для Толстого основной концепцией остаётся моральная сторона вопроса. Ведь писатель в христианстве в первую очередь, видел именно эту сторону. Он, исходя прежде всего, из собственного духовного начала, относящийся к жизни не иначе, как к серьёзнейшему нравственному делу, и в своём творчестве не изменяет этому принципу. И этот принцип находит выражение в «Отце Сергии». Замечательна по этому поводу мысль армянского писателя (Шаховского), высказанная им в 1917 году в статье «Революция Толстого»: Христа нет в рассказе! Это поражает как Толстой мог описать жизнь искреннего и подчёркнутого праведного человека – его монашество – коснуться глубин его внутренней жизни, и всё так будто бы Христа, Живо Снасите ля, Живо С това Божия – не было вовсе!»²

Правда по этому вопросу сокрыта в мировоззрении Л. Н. Толстого «В этом мире невозможен идеал праведничества» – вот одна из его цитат. В повести он развивает главную суть своей религиозной философии – непотупление к этому нашему и возможность осуществления христианских заветов в мирской жизни, где по его глубокому убеждению тоже можно быть праведным и для достижения духовной чистоты не надо отрекаться от жизни и уходить в затворничество. В мире, где властвует объективная закономерность, ограничивать себя во всём невозможно. Подавленные влечения берут верх над человеком не менее эффективно тем же, которым человек угождает. В этом проявился отрицательное отношение писателя к самому факту аскетизма. Для него нравственное очищение достигается не уходом из мира, изоляцией, а моральным самоперевозложением, самоулучшением в миру.

В дневниковых записях Л. Толстого прослеживается его однозначно отрицательное отношение к институту монашества. Он пишет, что монастырь

¹ В В. Виноградов. О языке художественной литературы. М. 1959 с. 136

² <http://soch.sto.ru/biograf/tolstoy.htm>

представляет собой «духовное сибиритство»¹ У писателя возникает желание обличить монашество, показать его духовную несостоятельность. И он создаёт «Отца Сергия». Сама композиция повести построена именно в этом ключе: сначала идёт описание жизни отца Сергия, затем показан его духовный кризис и потом уже – его падение, как основной итог его «неправильной» жизни.

В таком подходе к вопросу вины несомненные следы философии Шопенгауэра, в которой «воскресение» может произойти только в соприкосновении с вечными законами жизни, перед лицом такого неизбежного акта, как смерть.

На наш взгляд, Л. Н. Толстой в своей повести даёт образ типичного «папашено» человека, вообще характерный для литературы в особенности – русской. Перед нами материально обеспеченный, здравомыслящий, образованный интеллигент, князь, не вшедший своего места в жизни. Его нельзя воспринимать однозначно – строго положительно и ни строго отрицательно. Это приводит в монастырь духовный поиск, поиск истины, протест против той бездуховности, которую он видит в мире. Он уходит в затвор, предаётся аскетизму, но и в нём не находит удовлетворения, обнаруживает, что это поприще – не его стихия.

Толстой хотел доказать, что и в монастыре нет идеальной чистоты, там тоже снижено божественное начало. Писатель подчёркивает тот момент, что церковнослужители – те же обычные грешные люди. Разумеется, среди служителей православия есть по-настоящему выходящие личности, носители христианской добродетели, проводящие жизнь в истинном праведничестве (существование коих был вынужден признать и Толстой), но таких всегда мало, они более относятся к категории исключений. Большинство же из них и в монастыре сохраняют человеческие слабости – гордость, корыстолюбие и тому подобные пороки.

У Сергия мы думаем, не было и той могучей веры, которая помогла бы ему, несмотря ни на что, ни на какие искушения, сохранить духовную и телесную чистоту, и стать рядом с теми известными истории церкви исключениями, о которых говорилось выше. Однако Толстой, исходя из замысла произведения, хотел показать не исключение, не превознести институт монашества, а наоборот, снизить его

¹ <http://encyclopedia.narod.ru/BSI/PRIS1TO12.htm>

значение, выявить несостоятельность лиц относящихся к этому сословию, нести духовный подвиг, хотя, выбор такого образа жизни исходя из сложности его претворения, из необходимости иметь душевную склонность к тому, призвание, благодать, которые поддерживают человека в этом подвиге, а также физическое здоровье, является добровольным актом и силой никого не заставляют вступить на этот путь Для этого требуются внутренние силы, которые нужно в себе воспитать Без этого монахом быть невозможно

В произведении нет и наличия фатальности, которая столь характерна, скажем, для романтической литературы и для академических религиозных трудов Писатель не прослеживает известную мысль о предписании судьбы человека с Выше В повести выражена уверенность в необходимости свободной воли каждого индивида, жизнь рассматривается не как наперёд запланированный Богом ход событий, а как выбор личности жить по собственному усмотрению Человек волен стремиться к самосовершенствованию, но путь, который он изберёт, полностью зависит от него Фатальным остаётся одно – смерть – и поэтому, уходя из мира, каждый должен стремиться быть чистым перед собственной совестью Если вдуматься, именно к этому заключению и приходит Сергей в конечном итоге своих духовных исканий

*«Отец Сергей» как отражение
религиозно-философских исканий Льва Толстого*

«Я разуберился в Евангелии за четыре месяца до своей смерти» - слова Л. Н. Толстого, записанные его личным врачом Душаном Маковицким¹. Фантазия это или способность гения прозревать будущее? Неоспоримо одно - это мысль, которая вызывает совершенно противоречивые мнения и огромное количество вопросов, на которые не так легко ответить: в каком смысле разуберился? верил ли когда-нибудь? какого рода была эта вера?

Сам факт того, что человек смог «разубериться» - очень непрост. Разубериться в Евангелии - при этом в России второй половины XIX столетия с её культурно-религиозным фоном - морально некая нелепость. Например, этого не в состоянии был сделать простой народ, составляющий подавляющее большинство населения империи, для которого вера в большинстве случаев была единственным спасением в жизни, а также значительная часть интеллигенции, которая часто по-настоящему и иногда и по неосознанности не задумываясь, исходя из многовековой традиции воспринимали православие как основной догмат. Для всех этих людей Христос был Спаситель, Богочеловек, другое дело, что многим не удавалось жить по законам Божиим, или не хотелось того. Следовательно «разубериться» мог только тот, кто никогда в действительности не верил в Бога, для которого Он был не более чем умственным построением.

Писатель дошёл до отрицания всех установившихся форм государственной, общественной и религиозной жизни. Этим начался новый этап литературной деятельности Толстого, длившийся более 20-ти лет, во время которого и создаётся «Отец Сергей».

Толстой опирается на представление о христианстве как о чисто нравственном учении, эстетические идеи православия осмысливает им в гуманистическом ключе. Предприняв анализ Евангелия и других богословских сочинений, он написал философско-религиозные трактаты «Исследование догматического богословия»

¹ <http://katharica.narod.ru/k1/71>

(1875-1880), «Соединение и перевод четырех Евангелий» (1880-1881), «В чём моя вера» (1884), «Царство Божие во рти нас» (1893), а также, несколько художественных произведений среди которых особо выделяется «Отче Сергий» как самая в объёме художественная и поэтическая социально-философских, эстетических, этических, нравственных исканий писателя.

Исходя из содержания перечисленных книг, можно утверждать и противоположное мысли самого Л. Н. Толстого – он не то что разочаровался, «разуверился» в Библии, а интерпретировал учение Христа по-другому, чем это делает церковь.

Сознание ленности всего сущего, тьмы жизни вообще и в особенности, «перед лицом неизбежного то привлекательности и известного каждому, но словно бы впервые открываемся ему факте»¹ что вопреки всему, в конечном итоге всех его стремлений, нажатия усилий - неотвратимая смерть ничто - приводит Толстого к выводу о важности религиозного чувства, нереальности многих его аспектов, что постепенно перерастает в протест против господства церкви, особенно, против привилегий высшего духовенства. Именно такое отношение к религии и проступает в «Отце Сергии». Вместе с не достатками мирского высшего света в повести показана несомненная для писателя несостоятельность верхов церкви. Толстой не скрывает своего негативного отношения «Если допустить, что жизнь человеческая может управляться разумом, то уничтожается возможность жизни. Разум человека так же слаб и ничтожен в сравнении с тем, что есть. Разум ничего не приказывает, он только освещает»² - пишет он почти прямыми стихийными законами жизни. Несколько иначе относится к этому вопросу религия «Совершенствование разума – единственный источник истины и успокоения. Это способность, которую могут открыть в себе все люди»³.

Писатель не хотел признавать тех ограничений, которое заключает в себя православное христианство, он говоря современным языком, был космополитом своей эпохи, выступал проповедником свободной воли, свободы в выборе того же вероисповедания. Над волей человека не должно быть никакого внешнего диктата и

¹ http://katharic.com/word/ru/k1_24

² Л. Н. Толстой. В чём моя вера? М. 1991 с. 215.

³ Жизнь Иисуса Христа. Поступки и деяния Ростов: Изд. Дом 1990 с. 5.

руководствоваться в своих решениях он должен только голосом совести или, как понимал это Толстой, голосом Бога в своей душе. Дефицит именно подобной духовности заставляет Сергия сначала пасть, а затем по-настоящему начать поиск в себе Бога. Вообще, эта проблема была очень актуальна в России времён Толстого, когда церковь играла доминирующую роль.

После пятидесяти лет, достигнув «вершины жизни», Толстой впервые ясно увидел перед собой бездонную пропасть неизбежно предстоящей ему впереди смерти и неразрешимость тех жутких вопросов, которые она ставит перед человеческим сознанием. Трагичность человеческой жизни болезненно переживалась писателем. Толстой-мыслитель, стремящийся во всём разобраться и всё познать, с болюю размышлял о жизни. Но ещё библейский пророк писал, что «во многой мудрости много печали, и кто умножает познание, умножает скорбь»¹. Как счастлив бы ни был человек, как бы мало его ни постигала беда – трагедия остаётся – всё кончается, ничто не вечно, сама жизнь недолговечна. Стремление к благоденствию, если вдуматься, не имеет ту значительность, которую ему придают люди: «все суета и томление духа!» Что было, то и будет, и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем»². Время слишком скоротечно: оно плёт и забирает самое ценное – жизнь. Рассуждая подобным образом, Толстой дошёл до того вывода, что человеку нужно обрести что-то, что долговечно, не подчиняется течению времени: «Всякий предел предполагает существование чего-то за ним» (В. Набоков).

Обрести смысл жизни, неуничтожаемый смертью – вот что составило пафос духовных поисков Л. Н. Толстого, то, что можно назвать его «личностным» элементом.

Отношение к действительности обусловлено как объективными, так и субъективными факторами. Человек может с рождения быть лишён надежды, исходя из строгого закона природы, где все рождается для того, чтобы умереть. Или, он может не обращать внимания на этот фактор, скорее, не думать о нём. Но в мир приходят и те, которые всю жизнь проводят в поиске себя, смысла своего.

¹ Библия. Книга Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Книга Екклесиаста или Проповедника. I XIII XII М., 1988, с. 618.

² там же, I, IX XII, с. 618.

существования и в глобальном варианте и в поисках смысла жизни других, вообще человечества. Для мудреца преходящая природа человека – это естественный ход времени, забирающий свет и готовящий к темноте. Но перспектива соединения с Вечностью не для каждого является из-за умником душевной ратости и спокойствия. Земное бытие, согласно большинству философских течений и всем религиям, без исключения, есть не что иное, как подготовка к жизни после смерти. В ней есть две пути: к Богу и против Него. Выбор одного из них определяется потребностями самой личности. Бог даровал человеку способность мыслить, а воплощение мысли – это воля самого человека.

Л. Н. Толстой не был лишь сократителем течения времени. Это основное убеждение состояло в том, что в центре всякого мировоззрения должен стоять вопрос о сущности жизни. Душа человека открывает в своё творчество, придавая ей нравственно оценочный характер. Особенно в глубокому анализу писатель подвергал вопрос о назначении человека. Он стремится захватить духовное бытие личности, «напряжение омысли»¹. Для него душевная жизнь имеет принципиальное значение, путём которой он открывает в своих героях возможность изменения, развития, внутреннего обновления. М. Храпченко замечал: «Идеи возрождения человека, народа, человечества составляют пафос творчества Толстого. Начиная со своих ранних повестей писатель глубоко и всесторонне исследовал возможности человеческой личности, её способности к духовному росту, возможности её приобщения к высоким ценностям человеческого бытия»².

Для Толстого человек – не просто «разумное животное», употребляющее свой ум всего лишь как орудие приспособления к среде, борьбы за существование. Он обладает не только инстинктами, но и духовным началом, которое помогает ему сознательно строить свою жизнь. Поэтому и характерна человеку потребность в «безусловном принципе жизни», который обладает достоинством неуничтожимости. Это достоинство преодолевает онтологический страх смерти. Л. Н. Толстой совершенно по существу выражал это, когда писал: «С тех пор как есть люди, они отыскивают для жизни цели вне себя, живут для своего ребёнка, для семьи, для

¹ <http://dmitryrus.ru/ru/124>

² М. Б. Храпченко. Из Толстой как художник. М., 1971, с. 316.

мира, для человечества, для всего, что не умирает с личной смертью»¹ Душа человека представляется писателю бессмертной и, поэтому, «она не может удовлетворяться смертным. Ей нужно дело бесконечное»² Писатель жил с сознанием того, что человек только тогда становится человеком, когда воспринимает свою конечность в бесконечной цепи жизни. Подобную мысль выражал и Ф. М. Достоевский. «Гайна бытия человеческого не в том, чтобы только жить, а в том, для чего жить»

Не удивительно, что к сопричастности со всем остальным миром приходит и Сергей, который в конце начинает воспринимать себя не отдельным, стоящим в стороне от всех субъектом, а частицей мира. Толстой сам начертал этот путь как спасение и поставил на него своего героя.

Главнейшим итогом всех мучительных раздумий писателя было создание им основ того религиозно-философского учения, которое позднее приобрело название «христианства». Учение представляет собой эстетическую проповедь «разумной веры», которая ищет непротиворечивый логический смысл человеческого существования. Толстой полагал, что создание такой философии, которая помогла бы, с одной стороны, быть всеединой, универсальной, приемлемой для каждого, с другой – не нарушала бы в человеке индивидуального, неповторимого начала и приближала бы нас к раскрытию тайны преобразования личности вполне возможно. Но, как оказалось впоследствии, он создал учение не только не свободное от внутренних противоречий, но поражающее кричащими противоречиями. Утверждать подобное, на наш взгляд, можно хотя бы потому, что Толстой, в отличие от того же Евангелия, отличающегося простотой и всепонятностью речевого и этим уже универсального для каждого человека, независимо от ступени индивидуального интеллектуального развития, предлагает сложный стиль развития мысли, очень трудный для массового понимания. Кроме того, в одних местах отрицая доминирующую роль разума, в других превозносит его возможности, рассматривает разум как необходимое условие для постижения законов бытия. Но, в общем, он ставит разумность после веры, последняя

¹ В. В. Виноградов. Критический анализ религиозно-философских взглядов Л. Н. Толстого. М. 1981. с. 13.
Человек. Художник. Мыслитель. <http://www.tula.net/tpu/Tolstov/Painter/painter.htm>

принимается им в большей мере вынужденно, как необходимость, так как логическое рассуждение не смогло удовлетворить его потребность познания законов жизни «люди боже возлюбил тьму, нежели свет, потому что дела их были злы. Ибо всякий, делающий худое, не любит света и не идет к свету, чтобы не обличились дела его. Я понял, что для того, чтобы понять смысл жизни надо прежде всего, чтобы жизнь была не бессмысленна и зла, а потом уже разум для того, чтобы понять её».¹ пишет он

Для Толстого чувство и разум протекают из одного источника. Точно так же, жизнь и смерть – это две формы бытия, связанные процессом извечного движения мира и человека. Идея творения лежит в основе видения и понимания писателя сущности жизни «Всё находится в движении «Люди как реки» - принцип, который ломает узкие рамки обусловленности. Текучесть жизни подразумевает наличие в ней как отрицательного, так и положительного начала и одновременно, возможность выбора между ними, возможность перехода от падения к высоте («одно из величайших изумлений при суждении о человеке в том, - пишет Толстой, - что мы называем, определяем человека умным / глупым, добрым / злым, сильным, слабым, а человек есть всё - все возможности - есть текучее вещество»³

Художник обращает внимание на тот факт что в жизни всё переменчиво, и по этому процессу во многом способствует духовное состояние человека. Символизированное постижение истинного смысла бытия, преодоление эгоистических стремлений, разобщающих людей, единение со всем миром – идеал к осознанию которого пришёл Толстой «Свет» озаривший писателя его новое жизнепонимание внесли глубокие и существенные изменения и в его искусство «Океан человеческого горя»⁴ постигнутый им толкнул Толстого к определённом выводу, который нашёл выражение в том же «Отце Сергии», где к логическому заключению вместе с автором приходит и главный герой. Если углубиться в содержание повести, то становится очевидным что она представляет собой художественное воплощение религии человека написавшего ее Освобождение от

¹ Л. Н. Толстой. Исаковск. Л. 1991 с. 87

² Л. Н. Толстой. Собрание сочинений в 12 томах. – М. 1984 с. 28

³ там же т. X. М. 1984 с. 5

⁴ Человек. Художник. Мыслитель. <http://www.tolstoy.ru/ Tolstoy/Painter/painter.htm>

гордой единичности и соединяет себя со всей вселенной, стремление ко всеобщей человеческой любви, активная деятельность во имя этой любви являются основными концепциями учения Л. Н. Толстого

Вот коротко суть этого учения – отпечаток которого мы находим в «Оте Сергий» Мир есть, собственно, большая загадка. Кто Его создал как и зачем – очевидно не известно и не может быть известно «Едиственное, что можно довольно уверенно предположить – что за Его конечностью, ограниченностью, скрывается некая бесконечность, которую условно можно назвать Богом. Объективно жизнь человека совершенно бессмысленна, а поскольку она сопряжена с разнообразными тяготами и сложностями – то смерть и самоубийство зачастую представляются совершенно законным и правильным решением всех проблем. Но последнее рассуждение ошибочно – оно исходит из человека, а значит находится в ложном и бессмысленном положении. Тот, кто находится в правильном, не ошибочном положении, всегда будет считать свою жизнь осмысленной и достойной проживания»¹

Встает вопрос – что же это за «ошибочное положение»? По Толстому – это положение человека, живущего грядями других людей и тем самым нарушающего требование любви к ближнему. К такому относятся почти все философы, поэты, мыслители, интеллигенция, аристократия. Все они, рассуждает Толстой, если достаточно честны с собой, обычно приходят к выводу о тщетности жизни, когда задаются вопросом об её смысле. Трудовой народ же «всей своей жизнью, грядёй жизнью покаивает, что вины в ней, смысла и умереть вовсе не собирается. Труд на благо других очевидно совершается в соответствии с любовью к ближним, которая естественна для человека и собственно является благом, искупающим все переносимые во имя её трудности»¹. То есть в правильном, безошибочном положении, по Толстому, находится только простой народ. У интеллигенции же, хотя любовь тоже есть, она, не реализуясь в делах добра, не может приложить цену её существованию.

¹ Человек Художник Мыслитель <http://www.tula.net/~p1/1olstov/Painter/painter.htm>
2

К числу нарушающих любовь к ближнему согласно Толстому, относится и определенная часть духовенства. Отсюда так это происходит он и рассказывается в своей повести. В лице отца Сергия автор представляет потерявшего себя и Бога человека, и это несмотря на то что он монах и большую часть времени проводит в молитве. И лишь после того, как он соединяется с остальным человечеством, Сёргий постигает Бога и своё назначение.

Именно проблема смысла жизни не уничтожаемом смертью стала для Толстого важнейшей. И здесь на первом плане, как уже отмечалось, выходит идея единения людей и опорой в этом деле выступает нравственность. Вот мысль писателя, которую он проводит в этой связи: «Все христианские церкви всегда признавали, что все люди, неравные по своим умениям и уму, умные и глупые, равны перед Богом, что всем доступна божеская истина. Христос сказал даже, что воля Бога в том, что никому не открывается то, что скрыто от мудрых»¹. Каждый человек, независимо от происхождения и социального положения, должен пробивать себе путь сквозь инерцию жизни, служить добру и в постижении истины руководствоваться этим источником.

Историческая перспектива данной проблемы уходит в далёкие века. Её решение – и философской и художественной мыслью разных времён и народов – связывалось всегда с существующими представлениями о добродетели. Как известно, понимание этого постулата исторически менялось. Четырём основным добродетелям древнегреческих этических концепций – Мудрости, Мужеству, Справедливости и Умеренности – христианская этика противопоставила Веру, Надежду, Любовь, обуславливающих сущность всех остальных стремлений к добру. Из этих трёх добродетелей для Толстого – так же как, впрочем, и для церкви, главным является любовь, без которой не смогут быть полноценными ни вера, ни надежда. В Библии читаем: «А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь, но любовь из них больше». Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я – медь звенящая, или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, то я ничто. И если я раздам всё имущество моё и отдам тело моё на

¹ Л. Н. Толстой. В чём моя вера? М., 1991, с. 118.

ложение, а любви не имею, - нет мне в том никакой пользы»¹ Толстой полностью разделяет данную концепцию. Но если для церкви любовь к ближнему начинается с любви человека к Богу, то для Толстого её источник тежит во всеобщей любви людей друг к другу и в свершении добрых дел. И здесь каждый из нас может задать себе вполне точичный вопрос: если всё дело сводится лишь к нравственной ответственности, тогда зачем же Бог? Для чего же нужно наличие этого Высшего источника, идеала, свободного от зла всякого рода, если можно составить свод правил и ограничиться этим? В толстовстве нет необходимости божества, нет необходимости Личности. Перед нами моральный кодекс, включающий в себя и Добро.

Проповедь добра имеет, конечно, высокий гуманистический смысл. Не случайно, что идеи Толстого оказали влияние на творчество таких выдающихся писателей как Ролан, Хемингвей, Голсуорси, Шов, Манн, Рильке и др. Однако, несмотря на несомненную ценность того, что обострение поисков добра не является единственной и основной функцией ни одной мировой религии, изучению которых, кстати, Толстой отдавал столько времени. Универсализация добра имеет место именно в его философии, этим знаком отмечена вся его деятельность и его жизнь. Единственным разумным средством борьбы со злом он считал его публичное обличение и пассивное неповиновение. Согласно его мировоззрению, люди должны объединиться идеей любви и всепрощения. Любовные отношения между ними должны быть нормой человеческой нравственности. Именно развитие данной мысли мы находим в «Отце Сергии», где любовь к ближнему и соединение себя со всем миром есть та цель, к которой направлено повествование.

Толстой в своих выводах о сущности жизни сходитя с выводами сильнейших умов человечества – Сократа, Шопенгауэра, Соколова, Будды, Магомета и считал, что « бессмыслица жизни – есть единственное несомненное знание, доступное человеку»². Мысль о бессилии перед законами бытия проступает ещё в романе «Анна Каренина», где Левин говорит Облонскому: «Весь этот мир наш – это маленькая

¹ Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. 1-е Коринфянам XIII 1, 2, 3, 13. М., 1988. с. 1236.

² Человек-Художник-Мыслитель. http://www.tula.net/igpu/Tolsto_PainterPainter.htm

плесень, которая выросла на крошечной планете. А мы думаем, что у нас может быть что-нибудь великое – мысли, дела! Всё это песчинки»¹

При слабой власти над Толстым традиционной церковной веры, подтачиваемой в нём скептическим анализом, трезвая разумность и его надежда на личное бессмертие и он стремился сохранить свой «оптимистический и деализм»² как надежду на бессмертие своей души. Для этого «разумнее» постижение вещей было недостаточно и Толстой стал вынужден обратиться к вере как к спасению. Вера для него начиналась там, где разум говорит «не знаю». Признать существование Бога и поверить в Него стало необходимо Толстому, так как он понимал, что сколько бы он старался человек логикой дойти до истины, это невозможно. Без Бога жизнь и мир вообще превращаются в бессмысленную жизнь, отыскивая Бога, и тогда не будет жизни без Бога, и тогда из тьмы перейдём в свет. И Толстой стал искать Бога, по-своему стремится доказать несостоятельность древней философской сентенции о том, что «между Богом и землёй нет ничего общего, они ненавидят друг друга»³

Принимая веру, писатель признавал её «неразумное», которое его разум принять не мог, а мог только «покориться». Но он принимал её так как видел, что именно религия и только она одна открывает величайшую истину из всех, которыми обладает человечество, именно, что в мире существует нечто непреходящее и абсолютное, религия вводит понятие и образ бесконечного Бога и Вечной жизни, чем в конечном человеческом существовании вносит тот элемент Бесконечного, имать который так жаждал Толстой. И он обратился к проповеди Христа «И вдруг я услышал слова Христа, понятия и жизнь и смерть перестали мне казаться злом и вместо отчаяния я испытал радость и счастье жизни, не нарушимые смертью»⁴

Как представлял Толстой себе Бога – деистически или пантеистически? Вопрос, на который нелегко найти ответ. Несмотря на то, что в его философии видны явные следы пантеизма (развитие которого мы находим и в «Отце Сергии») Утверждаемый им идеал гармонического строя, в котором не нарушена связь

¹ Л. Н. Толстой. Собрание сочинений в 14 томах. Т. I. М., 1951. с. 21

² Человек-Художник. Мыслитель. <http://www.tula.net.ru/Tolstov/Painter/painter.htm>

³ Там же

⁴ Л. Н. Толстой. В чём моя вера? М., 1991. с. 119

человека с природой, включение перестать силами в простоте и естественности проявления своих чувств и вера в то что природа – извечная посетительница жизни и человек должен быть связан с землёй – куда проистекает плесковитость, полностью вместить его учение в рамки данного философского направления – невозможно. Так же невозможно воспринимать толстовство и чисто деистически.

Бог как венец жизни не фигурирует в философии Толстого. В нём нет того главного постулата, на чём построено христианское вероисповедание – самой личности Иисуса Христа и его богочеловеческая (как то проповедует православие) природа, то, что последний был не просто мыслитель, не философ-правоведатель и не судья диктующий набор нравственных принципов, а Сын Божий, сошедший на землю для того чтобы собственной жизнью, собственными страданиями выкупить человечество от греха, носящий истину в самом себе и желающий приобрести к этой истине людей.

Толстой рассуждал следующим образом: «Говорят: Бога надо понимать как личность. В чём большое неточное понимание личности есть ограничение, человек чувствует себя личностью только потому что он соприкасается с другими личностями. Если бы человек был один, он бы не был личностью. Человек среди мира не мыслим иначе, как личность. Но как же про Бога сказать, что он личность, что Бог личный?»¹

Этим самым он выступал против индивидуального божественного начала как отдельного субъекта мира и противопоставлял индивидуальности человека. Это убеждение состояло в том что личность – только человеческая категория. Однако такое понимание личности исторически неверно – играет роль и человеческая психика. Вот разъяснение, данное в словаре современного русского языка по этому поводу: «Личность – совокупность внутренних признаков и свойств, присущих человеку как существу общественному, личное индивидуальное начало в человеке»². Особое внимание мы обращаем на последнее разъяснение данного понятия. Индивидуальное начало является той необходимостью, которой осуществляется коммуникация между Богом и Человеком. Человеческой индивидуальности

¹ Л. Н. Толстой. Полное собрание художественных произведений. М.: ГИИЛ, 1930, с. 75.

² Словарь СРЛЯ. Т. XVI. М.: Л., 1957, с. 295.

необходимо общение с божественной индивидуальностью. Основной признак религии – это вера в сверхъестественное отношение объединяющее человека с Богом¹ Церковь как известно того же Иисуса Христа рассматривает не иначе как Личность.

Такое расхождение во взглядах стало одной из важных причин вражды между Л. Н. Толстым и русской канонической православной церковью, которая, кроме нравственной стороны, в христианстве видит Слово Божие, наказ Личности (Бога) людям.

Как известно, в своём походе к вопросу о вере Толстой не был одинок. Даже поверхностный взгляд на вторую половину XIX и начало XX веков убеждает, что обращение к религии и религиозной философии – явление в ту пору самое обыкновенное. В философии того же Шопенгауэра мы найдём подобного рода рассуждения. Вообще, Толстой очень высоко ценил влияние немецкого мыслителя. Вот его мнение о Шопенгауэре высказанное им когда ему был 41 год. «Не знаю переменил ли я когда мнение, но теперь я уверяю, что Шопенгауэр гениальнейший из людей. Читая его, мне непостижимо каким образом может оставаться имя его неизвестно (объяснение только одно – то самое которое он так часто повторяет что кроме идиотов на свете почти никого нет)»² Не удивительно, что философия Шопенгауэра имела большое влияние на мировосприятие Толстого. Писатель был уверен, что каждый человек должен заниматься нравственно-религиозным самовоспитанием и в этом деле помочь ему может только помощь его учение его интерпретация веры.

Л. Н. Толстой шёл к своей философии через «книгу детства человечества» – Библию. Эта книга, несомненно открывает человеку новый мир, заставляет «без знания полюбить знание». Часто писатель говорит что никакого его учения нет единственное что он сделал, это приобщил известное с древних времён знание мудрость к современным условиям. Но мы тут же оговоримся, что «приобщил» он эти знания с достаточными изменениями содержания и формы и не всё подряд, а то что самому ему казалось важным. В этом определённую свободу давало ему само Святое

¹ А. Кулиджаншвили. Культурология. Тб. 2004 с. 117

² <http://vypdiplom.ru> 5/129 с1224

³ Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений в 90 томах. Т. VIII с. 89

Писание Великая Библия – это книга, заключающая в себя всю многозначительность мысли и интерпретировать ее можно по-разному.

Л. Н. Толстого особенно волновал вопрос о личной свободе человека и он критиковал каноническое христианство как вероисповедание в значительной мере ограничивающее стремление к свободе. Так по его мысли церковный догмат о безбрачии и полном аскетизме духовенства противостоит и религия выступает силой, враждебной человеку. Эту мысль он и развивает в «Отце Сергии» где вынуждает главного героя повести Юрия Ю приемлемого самому ему заключения – жить Касаткин после мучительного затворничества, после аскетической жизни возвращается в мир.

Здесь актуальным становится противостояние между душой и телом, волнующее человечество со времен Адама. Этому вопросу оказывали огромное внимание святые отцы и богословы. Согласно их учению жизнь духа начинается там, где заканчивается жизнь тела. Последнее представляет собой ю нашей внутренней сущности. Поэтому смерть означает освобождение духа, жизнь ценна настолько насколько она приготавливает нас к смерти. Стремление к греху есть инстинкт, который заставляет человека пасть. В этом вопросе взгляд Л. Н. Толстого в большой мере сходится со взглядом отцов церкви. Но его убежденно плоть, чувственные страсти и потребности ищутся в непримиримой вражде с духовной субстанцией и поэтому «воскресение» человека – его возвращение к своей настоящей природе к человечности – произойдет только тогда, когда он будет свободен от своей материальной оболочки, от власти физиологических житейских интересов и влечений. Но писатель отмечает и то, что обретение такого рода свободы чрезвычайно трудно, практически невозможно в то время как церковь проповедует уверенность в возможности сохранения телесной чистоты. Институт иночества призван именно для этой цели «Наилучший путь, чтобы войти в православную духовность, через монашество»¹ пишет о нем один из современных авторов. Но подобные суждения имеют место и за юго ю современности.

¹ С. С. Хоружий, Владимир Соловьев и мысль о аскетическом традиция Православия <http://www.hesychem.ru/libray/thlg/horujj.htm>

Одной из главных отличий православной религиозности признана особая, выделенная роль монашества и аскетического образа жизни и тех, кто её осуществляет. Роль высшего авторитета в Православии играют аскеты – люди мистического опыта и святой жизни. Они и созерцатели Бога: «Сфера аскетической практики – ядро православного вероисповедания»¹

Религия как высшая ценностная категория, занимает особое место в культуре. В ней «как самостоятельной сфере общественного сознания существуют свои особые средства мирозидения свои приемы через которые человек воспринимает действительность»² Одним из таких средств является отшельничество, аскетизм. По своей сути аскетизм – это «религиозное учение, проповедующее необходимость крайней степени воздержания, умеривания и нощи (типениями и постом), ухода от реальной жизни»³

Известно, что аскетики имеют густую историю. Он характерен почти для всех вероисповеданий, но особенно распространён в буддизме и христианстве. Но если буддизм, сам по себе, является религией отказа от всего земного и с рождения готовит к смерти христианство позволяет свободно жить в мире и не думать о смерти как об единственном спасении. Свидетельством тому служат и тот факт что в начальной стадии существования христианского отшельничества человек, решивший уйти в затвор вовсе не избегал общения с людьми с миром. Уход был временным явлением а не самоцелью (вспомним уход Иисуса Христа в пустыню в течение сорока дней прежде чем он вышел на служение миру)

Мягкий климат Индии откуда берет начало источник аскетического образа жизни (его великие буддистские монахи) даёт возможность довольствоваться малым и уединившись отдаться самосозерцанию в юне природы проникнуть в тайны бытия, а затем проповедовать собственные открытия людям и сделать их своими последователями. Свою классическую форму монашество приняло в средние века. В XIII-XIV веках в Византии произошёл подъем религиозной жизни, центром которой стала мистико-аскетическая традиция ставшая идеалом совершенства жизни

¹ С. С. Хоружий. Владимир Соловьев и мистико-аскетическая традиция Православия <http://www.besucham.ru/library/zhizn/horuzji.htm>

² И. Б. Капанак. Формирование ставяно-русской религиозной терминологии. Научные труды серии Филология Т. X С. 11-Т6. 2005 с. 135

³ Словарь СРЛЯ. Т. 1. М. Л. 1950 с. 209

Православное учение о монашестве заключается в следующем: есть спасение человека, то есть достижение им Царства Божия и оно только совершится ещё в этой жизни. Религиозная метафизика опирается на предания Ветхого и Нового Заветов, следуя которым человек и природа являются святым ликом Бога до грехопадения. Именно это их первоначальное положение есть идеальное мерило. Раз Бог сотворил человека образом и подобием (своим, то и обязанностью человека является приближение к этому первоначальному образу. Поэтому, последователи Христа поставили себе цель уподобления Господу, цель безгрешной жизни, достигнуть которую можно путём отказа от государственных догм, социального положения, собственности, брака. Испанский епископ Исидор говорил: «Стремление к Богу есть добро. Зло же есть стремление к мирской выгоде и к преходящей славе»¹ (Уместно будет провести параллель между данным высказыванием и духовным положением отца Сергия, который и в затворе продолжает думать о «преходящей славе», никак не может побороть этот грех). Другой духовный деятель средневековья так учил верующих страху Божию: «Забудь дом твой, родной дом, откажись от требований плоти, забудь земные дела, защищай себя от греха»² То есть, самоцелью личности должно стать спасение души. Оно подразумевает определённую степень победы над грехом, степень духовности, чистоты, добродетели, которых человек может достичь в этой жизни. Но кроме спасения, к которому должны стремиться все христиане, независимо от того посвятили они свою жизнь служению Богу или нет, есть ещё духовное совершенство – святость. Цель монашества – достижение святости. «Духовное совершенство есть полная победа над страстями, полная победа над злом – прежде всего в себе. Потом, если Бог благословит и человек достигнет таких высот, он становится носителем благодати в мире. Поэтому, если человек стяжал духовное совершенство, он начинает сиять как светильник, через него начинает изливаться свет благодати Божьей и преобразовать окружающий его мир»³

¹ «Ὁ ἀγαθὸς ἀνὴρ οὐκ ἔστιν ἐπιθυμῶν τῆς ἐπίγειας δόξης, ἀλλὰ τῆς ἐπουρανίου, ἧς οὐκ ἔστιν ἀπολείπειν»
1 Кор. 4:18-19

² там же

³ Иеромонах Сергий (Рыбко) Кто такой монах? <http://www.deaf.ru/users/krivtsan/aest/26.htm>

В философской мысли существует и следующее понимание природы аскетизма: большинство темпераментов есть условие внутренней споты и живости и вот почему во всех случаях, где пожеланием или задачами жизни требуется особенная теплота и живость, лучистость человека, он запирается как бы в плотинах воздержания – то есть, он доводит до высшего достижимого темперамент в себе и тогда начинает лучиться. Вот объяснение аскетизма»¹

В классическом понимании монах – это человек, взявший на себя подвиг противостояния злу, которое есть в мире. Так как одной из основных функций религии является учение о том, что есть добро и что – зло (это и способствовало развитию и разнонаправленно вероучений с самого начала человеческой истории) и «никогда не было ещё народа без религии, то есть без понятия о добре и зле», монахи призваны наглядно представлять «выродетель». Они вникают в сущность мира, в его духовный принцип.

Ошибочна мысль, что монашество подразумевает обязательно пассивную жизнь, проходящую в одной молитве, на что у Толстого сделан особенный акцент. Церковь учит, что монах является не личностью, которая ничего не делает, которая заботится только о своей душе, а тем, кто приносит много пользы. Несомненным является тот факт, что с самого начала монахи были носителями духовной культуры человечества. Кроме того, что они «несли слово Божие» людям, помогали обыкновенным смертным «встать на истинный путь» они творили музыку, живопись, литературу – писали иконы, фрески, занимались созданием оригинальных духовных сочинений, переводили и издавали книги. Когда начинались гонения на христиан, а как известно, на протяжении истории такое случалось часто, первый удар принимали монахи. «Их считали самыми главными фанатиками, потому что они были самыми главными носителями веры. Своим внешним обликом и всей своей жизнью они проповедовали иные, чуждые миру, идеи»². Инок – так по-другому называют монаха. Это человек, живущий иной, не такой как все жизнью. В идее – это совершенный христианин, который посвящает себя исполнению заповедей.

¹ Наслаждение и ограничение <http://www.deol.ru/users/kristian/ast26.htm>

² Иеромонах Сергий (Рыбко). Кто такой монах? там же.

Евангелия. Он живёт уединённой жизнью, но не одинок, а присутствует «один на один с Богом».

Особое место среди монахов занимает аскеты – отшельники, живущие совсем уединённо, занятые исключительно созерцанием и молитвой. Следуя мысли, что «у каждого места свой гений» можно сказать, что аскеты – это гении пустынь. Уход от мира, отвержение мира – исходная установка аскеты, помогающая в лучшем постижении самого себя и Всевышнего в отдалении от мирских суеты. Стремление к изоляции вызвано и тем, что «стуженик» поям как показывает опыт, связан с необходимостью входить в их скорби, в их страдания, в их борьбу со страстями и слишком часто их примитивными нуждами. К сожалению, это не помогает пребыванию в созерцании и безмолвной молитве.¹ Между прочим, доказательство того мы находим и в повести Толстого, где к отцу Сергию – аскету – приходит огромное количество посетителей и значительная часть их просьб к нему относится именно к категории «примитивных нужд» – выдачи замуж дочери, разрешения ссоры и т.п. – желаний, о которых действительно трудно думать, когда человеческий ум занят постижением истины. «Поистине человек – это грязный поток. Надо быть морем, чтобы принять его в себя и не стать пачистым» (Ф. Ницше). Забывая о «суете сует» мира, аскет думает о более высоких материях: его молитва – молитва за спасение человека и всего человечества.

Но, вместе с тем, отшельник внутренне остаётся один с людьми. Это единство церковь выражает следующими поучениями: «монах тот, кто от всех отделяясь со всеми состоит в единении», «монах молится за весь мир», «монах плачет за весь мир», «монах через любовь Христову воспринимает в себя жизнь всех людей».² Исходя из этого, монах соединяется с людьми в любви и молитве (хотя такое «пассивное» соединение Толстой не признавал, считая достойным божественности только активность, деятельность, что мы и видим в финале его произведения).

Аскет ставит своей целью духовное возвышение и подчинение плоти собственной воле, обретение над нею абсолютной власти. Движение души от простых

¹ С. С. Хоружий, Владимир Соловьёв и мистико-аскетическая традиция Православия <http://www.besycham.ru/libraries/hlg/horuzji.htm>

мощий к сложным, до богатых переживаний требует превращения себя¹ «Человек есть нечто, которое должно превозмочь (Ф Ницше) достижение телесного удовольствия не требует специальных усилий напряжения и, поэтому как то разъясняет церковь, дорога всегда открыта для искушений и соблазнов Шлоские наслаждения по убеждению многих мыслителей, порочны и тем, что они не достигают максимума и их потребность всё увеличивается (на наш взгляд, может быть, из-за того и получила наркомания ксати, признанная церковью одним из величайших грехов, такое распространение посредством её для многих, наперек, достигается тот пик удовольствия которого в обычной жизни не достичь.) Многие мыслители отдают дань силе человеческих желаний и считают их движущей силой мира «Человек – это ничем не ограниченное желание» (Ал Толстой), человечеству светит «далое солнце желания и решимости (из этих двух и создётся живой мир!)» (В Набоков)

Однако одно удовлетворённое желание порождает потребность другого. Возникает цепь – которая всё больше и больше отдаляет человека от Бога, поэтому отказ от потакания телу является основой для приближения к божественному началу. Вот слова Будды относительно этого «Что есть о монахи благородная истина о причине страдания? Это желание – которое приводит к новому рождению, желание, вместе с жадной обладания и алчностью ищущее удовлетворения то в одном то в другом – то жажда ощущений – жажда бытия – жажда саморазрушения»² Отметим что в направлении собственного внимания на цель более высокую и возвышенную, чем наслаждение – цел свой призывание и Иоанн Креститель.

«Сын Адыма грешен» и не в силах до конца уподобиться Христу, но он обязан стремиться к тому. Н. А. Бердяев утверждал, что «человек» нужно упражнение, нужна отрешённость и концентрация, чтобы он стал господином самого себя и стал способен с максимальной силой выполнить поставленную цель»³ Как известно подобные рассуждения имеются не только в философии XIX-XX веков, но и во многих древнейших восточных религиях, особенно в буддизме, где нирвана

¹ Наслаждение и ограничение <http://www.deol.ru/users/krivisan/asm/26.htm>

² Дж. Бауер. Религия мира. Великие вкровления от тревожности до наших дней. М., 2002 с. 65

³ Н. А. Бердяев. Философия свободного духа. М., 1994 с. 399

достижима только путем медитации – уходом в самого себя, концентрацией на своем внутреннем мире

Исходя из вышесказанного, экзистенциальная ситуация человеческой жизни – ситуация выбора между потаканием плоти и её обузданием. По рассуждению церкви, в определённой точке духовной эволюции личность оказывается перед проблемой самоопределения в отношении собственного тела. Выбор, который он сделает во многом предупредит его жизненный путь и то «какой след на земле он оставит». Человек может следовать потребностям плоти и следовательно жить обыкновенной земной жизнью; но может из Грешивности своего существа (о сущности которого речь пойдёт ниже) выбрать Дух и следовать Ему, покоря телесные потребности. Так как человек фактически не в состоянии совместить оба удовольствия – телесное и духовное (согласно христианству, одно исключает другое) – он выбирает одно из двух. Исходя из данной концепции актуальным становится вместе с другими моментами, и общение с противоположным полом.

Если древнегреческая и древнеримская философии придавали огромное значение женщине её обаянию и красоте, воспринимали её «венцом творения» (вспомним статуи Венеры Афродиты) и доказывали что женщина – существо прекрасное и она рождена не для того чтоб мужчина поворачивался к ней спиной а должен соединить свою жизнь с ней (почти все греческие и римские Боги имели возлюбленных и ш были женаты) что «поприще женщины – возбуждать в мужчине энергию души – пыл благородных страстей»¹ христианство представляет союз с женщиной для монаха греховным. И одним из основных стремлений личности, посвятившей себя Богу, должно быть освобождение от желания близости с женщиной, освобождение от плотского вожделения, являющегося одним из главных врагов достижения духовной чистоты. В философии существует положение что «женщина, при всей своей слабости, сильнейшее существо на земле она управляет миром, принимает разные формы стучится во многие двери». Многими духовными деятелями женщина воспринимается как первопричина гибели человечества дверью, ведущей в ад виновной во всех грехах начиная от грехопадения Адама и кончая

¹ Наслаждение и самоограничение <http://www.deaf.ru/users/krivisan/aes/26.htm>

² там же

важно Спасителя. По словам Св. Антония «когда вы видите женщину, считайте, что перед вами стоит не человеческое существо, а сам дьявол»¹

Однако, христианство не всегда столь последовательно жестоко к своему полу «Можно смотреть на женщину как на женщину, а можно смотреть на неё как на создание Божие, как на образ Божий. Эта духовная красота гораздо удивительнее и выше, чем красота телесная»² Но увидеть в женщине «образ Божий» может только чистый, целомудренный человек. Церковь учит, что такое отношение в основном тоже достояние монахов. Видеть в человеке не тело, а «искру Божию», душу – это тоже становится монахами.

Замечательно, что в образе двух персонажей христианского вероисповедания – Иисуса Христа и Девы Марии – по-новое различие бытия вынесло за пределы земного и стало обитать в Небе. Особенно интересен тот факт, что Христос стал центром и той фигурой культа для женщины, для мужчин главным лицом поклонения являлась Мария, представляющая собой идеальный пример небесной любви и предостерегающая мужчин от плотского вожделения»³ Особенно сильно эта тенденция проявилась в католицизме, где религиозные увлечения были доведены до предела, иногда и до мистицизма. Духовное удовольствие связанное с этим нераздельно с «утонченным эмоцией»⁴ в чём определённую роль играет и культура Религия как одна из величайших достижений человечества являющаяся «причиной и следствием преворачивающих сознание открытий» касающихся сущности и предназначения человека всегда оставалась и неиссякаемым источником вдохновения для искусства. Она требовала глубокого осмысления фактов и образов, что со своей стороны вело к созданию настоящих шедевров. Наверное, этим тоже было обусловлено то, что на Деву Марию вместе с философской была перенесена и вся эстетическая нагрузка религии, всё великолепие женственности. Мария превратилась в предмет религиозного романтизма⁵. Ей поклоняются как благородной красоте, самой прекрасной из женщин. Прелестные образцы посвящённые ей часто ничем не

¹ ἡ δὲ ἐκείνη, ὁμοίως ἀγασσάμενη, βιάετο εἰς τὸ ἐπιβουλεύειν αὐτῇ, ὡς εἶπε, ἵνα ἀποκτείνῃ αὐτήν. (Матф. 23:29) http://www.dcol.ru/users/krivtsov_text26.htm

² Иероним Стридонский (Рыбко) Кто такой монах http://www.dcol.ru/users/krivtsov_text26.htm

³ С. С. Хоружий, Владимир Соловьёв и мистико-аскетическая традиция Православия <http://www.besycham.ru/library/ilug/horuzji.htm>

⁴ Наслаждение и самоограничение http://www.dcol.ru/users/krivtsov_text26.htm

⁵ Дж. Бауэр, Религия мира: Великие верования от древности до наших дней М., 2002 с. 65

отличаются от обычной любовной пирки. Поэты сравнивают своих возлюбленных с Пречистой Девой, когда хотят подчеркнуть их красоту.

Для православных монахов Мария не менее значительна, чем для остального христианского мира, она для них является олицетворением непорочности и духовной красоты, в каждой женщине монахи ищут её подобие. Исходя из этого чистого женского начала они и в себе находят силу для противостояния вожделению и многие благодаря именно ей достигают святости. Причина превознесения Богородицы и в миру, наверное, исходит из особенного отношения духовных лиц к ней, тем более, что это сословие всегда, во все времена и во всём мире – в том числе, и в России, и в Грузии, пользовалось особым уважением, имело давнюю традицию и служило примером для людей.

Таким образом, два начала – тело и дух – переплетены в человеке взаимодействуют друг с другом. Голстой уверен, что зачастую причиной падения души может стать душа человека. Та же музыка, которая не является материальной сущностью, может повлечь за собой грехопадение. Он пишет «Музыка страшно на меня действует»¹ Музыка и женщина – по его мысли, есть зло, которые независимо от воли человека отрицают мужество, разум и справедливость «И музыка, и женщина доводят до плотского греха»² Но замечательно, что ему же принадлежит обратное этому положение «Музыка – немая молитва души»³ Противоречивость его мыслей проступает почти на каждом шагу.

Как уже отмечалось, для него человеческое «я» совпадает с понятием любви, со слиянием себя с другими, со всей вселенной. Его мировоззрение перекликается с философской мыслью, что человеческая личность распадается на две части: одна эмпирическая, являющаяся совокупностью ощущений и находящаяся в непрерывном умирании, другая – это чистый разум, представляющий собой часть мирового разума, того же Божества «Истинное благо есть растворение своей временной личности в Божестве»⁴ Для этой цели вошёл в земную жизнь Христос и вся проповедь

---

1. ... c1224

Человек-Художник-Мыслитель <http://www.tula.net/tpu/Tolstoy Painter/painter.htm>

² там же

⁴ там же

христианства есть проповедь любви. Истина и то, по мнению Толстого, любовь к отдельным субъектам, в том числе и плотская, есть мираж. Такого рода любовь так же временна, как и другие земные стремления и достижения. Подлинной любовью же, заключающей в себя моменты вечности и бесконечности, является любовь духовного «я» к Высшему существу, по подобной любви, согласно Толстому, опять-таки, берёт своё начало от любви к ближнему. Когда эта любовь слабеет, падение человека становится неизбежным.

Развитие мысли о греховности вожделения мы находим и в повести «Крейцерова соната», где писатель выдвигает в качестве идеала жизни полнейший аскетизм и безбрачие. Противоречивость стоицистической философии проявляется и здесь с одной стороны пантеизм и полное следование естественным потребностям, отрицание аскетизма и симонизации с другой - столь же полное отрицание плоти и возвеличение жизни «в духе».

В отличие от представленной проблемы, в решении которой мнения церкви и Л. Н. Толстого в чём-то сходятся, есть вопросы, которые решаются ими совершенно различно. К категории таких расхождений во мнениях относится Троичество Бога, главнейший постулат церкви и абсолютно непонятный и критикуемый Толстым (таким образом Один не может являть собой Три, и наоборот). Разумная необъяснимость этого явления раздражала писателя, стремящегося всему найти объяснение.

Церковь разъясняет этот момент следующим образом: основной догмат Троичества Бога есть откровение тайны Бога - Тайны Трёх: Тайны Бытия и Тайны Человека. Только в свете Троичества Бога (Бог-Отец, Бог-Сын, Святой Дух) становится понятным Троичество Бытия в его аспектах: Троица (Бога), Космоса (Мира) и Антропоса (Человека). Сам Человек тоже Троица - Дух, Душа и Тело, которым соответствуют Мысль, Желание и Чувство.¹

Толстой не мог, а в большей степени не хотел понять это, с его точки зрения, ирреальное положение, которое никак не укладывается в его «разумное» мировосприятие. Его отлучили от церкви не потому что он был атеистом, и не столько потому что показывал так резко не идеальную ситуацию в церкви, хотя бы по

---

¹ А. Позов. Основы древнецерковной антропологии. Мадрид, 1965, с. 13.

составу духовенства, а в большей мере из-за того, что он отрицал основные догматы православия, толковал Евангелие по своему, драматизм которого видела церковь в том отношении, состоял в том, что у Толстого в своё время появилось множество последователей, которые полностью принимали его учение, распространяли его и, тем самым, выступали против церкви «Богоскатель, нанедавший обоснование жизни в вере. Толстой, в сущности, подрывает её основы»¹ – пишет по этому поводу протоиерей Александр Мень.

Вот выписки из определения Святейшего Синода 20-22 февраля 1901 года об отлучении Л. Н. Толстого от церкви: «Известный всему миру писатель, Русский по рождению, православный по крещению и воспитанию своему граф Толстой в прельщении гордого ума своего, дерзко восстал на Господа и на Христа Его, на святое Его достоинство, посвятил свою литературную деятельность и данный ему от Бога талант на истребление в умах и сердцах людей веры православной. В своих сочинениях и письмах он проповедует с ревностью фанатика ниспровержение всех догматов православной церкви и самой сущности веры христианской, отвергает личного живого Бога, в святой Троице славимого, отрицает Господа Иисуса Христа – Богочеловека, Искупителя и Спасителя мира, пострадавшего нас ради человек и нашего ради спасения, и воскресшего из мёртвых, отвергает все таинства церкви, не признаёт загробной жизни, ругается над самыми священными предметами веры»².

Серьёзная критика давно уже показала несостоятельность толстовского учения с богословской и философской точек зрения. «Новая вера» в своих основаниях мистична, опирается на иррациональную интуицию. Но Толстой думал, что ему удалось логически доказать свои взгляды, создать «очищенное» христианство, многие характерные черты которого он художественно развивал в своём литературном творчестве.

Толстой был уверен, что религия, созданная им, была очищена от «вековых искажений», которым следовало православие, и от церковной обрядности. «Высокая культура» церкви вызывала недовольство в нём, особенно – ее культовая сторона. Во

¹ Протоиерей Александр Мень. Л. Н. Толстой. Исповедь. М. 1991. с. 7.

² <http://encyclopedia.narod.ru/BSI/PRST/1012.htm>

многих его художественных произведениях мы замечаем это отношение к обрядности, в том числе и в «Отце Сергии» где сжата и чётко выделена чуждость чудотворства духовного лица, в то время как для самой церкви данное явление возвышенно. Церковь немаловажна без процесса возведения Бога, к этому направлены и её ритуалы, заключающие в себя «повторяемую последовательность определённых действий, вносящих элемент упорядоченности в неуловимое течение времени»¹ Однако, русский мыслитель не признавал этой упорядоченности. Как замечал Ш. Цвейг, Толстой «был искусственным христианином и насильственным монахом»,² его учение было «своеобразной часовенкой, где он спасался от мучительных библейских противоречий». На самом деле Л. Н. Толстой дошёл до веры не потому, что «предразположение к религии – универсальное свойство человеческой природы»,³ а потому что не видел иного пути к Вечной жизни, спасения в смерти, которую он так боялся, но воспринял он эту веру искажённо.

Нужно отметить, что оригинальная интерпретация богословских сочинений со стороны Толстого – не первый прецедент в мировой практике. Как известно многие мыслители и до него, и после посвящали свои труды данной теме и значительная их часть сходилась в своих взглядах с Толстым. Вот что писал по этому поводу известный церковный деятель архимандрит Кириил: «Первоначальная православная церковь – эта Византийская высокая культура – столь оклеветанная враждебными ей церквями и так плохо понятая теми прогрессистами, которые с половины XIX века поверили в осуществление реального эсхатологизма здесь на земле – вся эта особая рода культура, весь этот особый род просвещения был лишь развитием, объяснением основного евангельского учения, а никак не искажением его, как думают те, которым бы хотелось из христианства извлечь один лишь осязаемый практический утилитаризм»⁴. Универсальность религии состоит именно в её необъяснимости логикой, поэтому разумный прагматизм никак нельзя приложить к ней.

Протоиерей Иоанн Мейендорф писал: «Византийская этика была заведомо «теологической этикой». Фундаментально положение о том, что всякий человек, будь

¹ Дж. Баккер. Религия мира. Ветхие верования от древности до наших дней. М., 2002 с. 9.

² Человек-Художник. Мыслитель. <http://www.tula.net.ru/Tolstov/Painter/painter.htm>

³ Л. Н. Толстой. Собрание сочинений в 12 томах. Т. 1. Пов. М., 1984 с. 28.

⁴ Дж. Баккер там же с.

⁵ Антропология Св. Григория Паламы. Париж, 2002 с. 7.

он христианин или нет, создан по образу Божию и, следовательно, призван к Богопричастию, к обожению¹

Известно, что Толстого с самого начала не полностью удовлетворяло его собственное учение. По словам писателя и историка И. М. Концевича, для него «трагично было то, что сам он не мог считать в глубине души ни один из выводов, сделанных им, окончательным и сознавал непрочность и слабость этой веры. Не зная, как выйти из своих сомнений, он терял равновесие. Недовольство собой находило выход в раздражении, которое направлялось против господствующей православной религии. Со свойственной ему страстностью, Толстой дошёл до яростной озлобленности и до самых грубых и непристойных кощунств»². Писатель стал жертвой собственной мысли, что «всякое учение истины - мечта для заблудших»³

Попытка Л. Н. Толстого всё объяснить логическим рассуждением, возможностями разума, когда речь идёт о вере, которая подразумевает обязательное наличие Высшего начала, будь то Личность, дух или другая инстанция, которая не материальна – невозможно. Тем более, что «религии искусственно не создаются, не изобретаются»⁴

* * *

Так как в нашей работе мы особое внимание обращаем освоению творчества Л. Н. Толстого в Грузии, интересным является то, как мировоззрение русского писателя воспринималось грузинской общественностью начиная с его современников и кончая критической литературой нового времени. Замечательно, что еще грузинские современники Толстого не только превозносили русского писателя, «пели дифирамбы» ему, но и серьёзно критиковали его религиозные воззрения, признавая противоречивость и несостоятельность вероучения, созданного им.

¹ С. С. Хоружий. Соловьёв и мистико-эстетическая традиция Православия. <http://www.besucham.ru/library/thlg/horujj.htm>

² А. Иванов. <http://www.tula.net/igpu/Tolstov/Painter/painter.htm>

³ Л. Н. Толстой. В чём моя вера? М. 1991 с. 156

⁴ Протоиерей Александр Мень. Л. Н. Толстой. Исповедь. Л. 1991 с. 9

Ещё в 1886 году газета «Иверия» опубликовала статью (автор которой остаётся неизвестно), в которой говорилось как русская газета «Современные Известия» критикует жизненное кредо писателя

«ამ დღეებში გაზეთები ძიგუთხსნიბენ ერთ ამბავს, რომელიც ეყრდნობოდა ვხადად გემიტციცებს გრაფ ტელსტოის უანგარობას გრაფს თავისი ნაწერები წინათხად გაუყუდისია მართალიაო, ამბობს გაზეთი, თვისიან გრაფი არ ეჩქევა და ძთელი თავისი ქმნება ცოდ-შვიდს გადასცა, აგრეთვე იმისი ცოდ-ძიელი იცებს იმ უკუღსაც, ანკ ბირიცებსაც (ფელი ტელსტოის აზრით ზორიცებაა), რომელიც იმის ნაწერებს შქმთაქეთო, მაგრამ ეს მასიც გრაფს არ ამართლებსო ამ ქმნის ქებაში ახად იმ ხარწმუნოების მქადაგებელი განსრახ გაციცრებელ კაცს ძიგუთხსნიბენო ესენიც სჯიარად ასე ხნადიან თელს თავისი ძიქლქება ცოდის ხსიქლქება აღადგანენ და მერე თავს გულარსენად ვუბნებთან «რა ექნა, მე ხემი სჯიკუთრება არა მქვეს რაო» ეტყობა კეთილის ქმნა ხიტკით ეყრო ადვილი ყოფილა, ვედრე სქმით, - დასხენს ხტატიის აქტორთო»¹

В той же газете, в номере выпущенном 22 марта 1887 года можно вычитать следующее

«ხელციანი მწკრავი დღეც ტელსტოის ამ ბიელი ძროს აღარ ანებებს თავს ფილისიფოსობას და ისეთი სავგების განხილქაძი შედის, რიცხიც მაგალითად ისა, თქ რა არის ხეენი ხიცოცხლქა და რა აზრი და მნიშენელთა აქვს კაცის ცხოქრებას»²

Ещё сильнее отзываются о Толстом грузинские духовные деятели Церковный журнал «Мцкემსი» в том же 1887 году печатает короткую информацию, в которой прямо говорится о том, что русский писатель «не в своём уме»

¹ ამ გაქრქული ქრონიკის სტრუქტურა და მნიშენელობა დასტუქმნილია მ. ბერიძის მიერ, «საქართველო», № 364, თბ. 1987, გვ. 133

«გრაფი ტოლსტოი ამ ბიუტო დროს ცოტა არ იქნა, აზრის და ისინი ნაწერებშია, ხანს ეს არეუდ-არეკა»¹

Что бы на реакция грузинской церкви (и не только церкви) на известные произведения позднего Толстого в том числе без сомнения и на повесть «Отец Сергей» Данное произведение, которое в XIX столетии хоть и не было переведено на грузинский, с уверенностью можно сказать что было знакомо здешним читателям и вызывало также как и на родине писателя противоречивые мнения в том числе и явное недовольство

Большинство грузинских исследователей XX века тоже критически оценивают толстовство Сергей Даниелия в своей монографии пишет

«თავის სარწმუნოებას ტოლსტოი სთვლიდა ქრისტიანობად, მაგრამ ტრადიციული ქრისტიანობისაგან იგი ძლიერ განსხვავდებოდა. რადგან, მისი აზრით, კაცობრიობა უნდა განთავისუფლებულიყო ქრისტიანული ეკლესიის დამლაშველი გავლენისაგან კაცობრიობის უმადდეს მიზნად ტოლსტოი აღიარებს სკარდ უხეობრივ თეოთკამჯობესებს, რთქლიც, მისი აზრით, მისაღკეპია ხსენი დ მადის თქ ადამიანები, ნაცქლ ად ბორტუტებასთან ძალის ხაძქ კლით ბრისღისა, ქეუტისცქრად კქცქსან არ გაქქოს ად ბორტუტებას პირდაპირი წინააღმდეგობა»² В труде подчёркивается что христианство по своей сути, является не таковым в каком виде представлено у Л Н Толстого

О рассказах писателя 80-90-х годов своё мнение высказывает Олар Лорткванидзе Исследователь говорит о несостоятельности философско-религиозной направленности его произведений хотя отмечает их явный гуманизм «ამ დროსინ კებში დიქსქლ-აქ ძასო ძქდარს იდქ ქრი ხაყქქქქქქებსა, ხათლად იტრინობა ღქქ ტუდსქეთის ძქქქქ ე რწმქნა ად სახისადმი»³

¹ ძ ბაკქქქქი ქროქქი სქოთქქი სქქსა ღ ქოქსქქის ცქი პისა და შქსქქქქი ძ შუხსქქქ ქუტრ ცსქკარი № 364 თბ. 1987 ძქ 133

² ხ დანქლია ნ რქსქსქში XIX ხაუქქქის რქსქქა ღ ცქქქქქ ქრისთტორ დან თბ 1959 ძქ 374-375

³ თ ლორთქივაძის ღვეუ ტოლსტოი თბ 1979 ძქ 78-81

О том что в этот период писатель переживал духовный кризис, который оставит значительный след и на его художественное творчество говорит и I Буачишვილი «თბილისის მხარეთმცოდნეობის ინსტიტუტის გამგეობის წევრების მიერ 80-იანი წლების დასაწყისში დაწერილი წერილებიდან». მისი მოხელისა და მისი მოხელის იმდროინდელი და შემდგომი პერიოდის მხარეთმცოდნეობის ინსტიტუტის ხელისუფლების მიერ შექმნილი წერილების ხასიათზე, მისი შეხედულებებზე ხელისუფლების ამოცანებზე ყველაფერზე, რაც ძალის მქონე და ეჭვრიტა, მუდამდებია მისი ძალაუფლება და სხვაზე»¹

Однако в грузинском литературоведении есть прецедент и положительной оценки мировоззрения Того Учёный Вахтанг Гоговадзе полностью разделяет негативное отношение русского мыслителя к институту аскетизма и принимает решение этой проблемы именно в том виде, в каком предлагается в повести Того «არის, ალბათ, მასში (ბანდუკილობაში) რაღაც დუმიანობა; განთქმული ასპექტის ცვლილების ძალა დიდია მანდილოსანთათვის გაკვირვებით უდაბნოში გახსნილი კახატისი (ამაჰ სერგო) ფრიად მისხიბლული მანდილოსანი ცდილობს მის ცვლილებას ტელსურად ამ ცვლილების ძალას სწორედ ისეთ ზრდის, რომ მათ სერგოში სახელი გაითქვას, ვითარცა ექარება ასპექტისა»² Исследователь говорит что Христос признавал естественную жизнь, союз между мужчиной и женщиной Разумеется идеальным Он считал пребывание человека в уединении, но то, что делают люди в этом отношении когда они по сорок лет живут одни - это фанатизм, и такая позиция детрагирует чужеземную сущность, так как отшельник убожествует, далек от истины и ага «ახსენებია არის ბიბლიის საწინააღმდეგო წესით ცხოვრება ხიცოცხლის დასაწყისში კლამბულთა მათთვის, ვინც მის წინააღმდეგ ილაშქრებს ბუნების დაძლევის ხორციული არსება ვერ ახერხებს ბანდუკილობა ყველაზე არასასურველი ნიშნისა, როგორცაა კი შეუძლია თავისი თავი აღმოადგინოს ხიცოცხლისათვის, ქმედითი ხიცოცხლისათვის აღკვეთისა ინიციატივას»³

¹ თბილისის მხარეთმცოდნეობის ინსტიტუტის გამგეობის მიერ 1962 წ. 24

² თბილისის მხარეთმცოდნეობის ინსტიტუტის გამგეობის მიერ 1980 წ. 133

Кроме того, по убеждению В. Гюгана подобный образ жизни является главным источником красоты и искусства «ადამიანური ცხოვრების ყველა ყონიას შორის ხიკოცხდისმე ყვარე უადისხისათვის არაკის ის რთი მისაწყენი არაა, როგორც განდგეილი ასკეტის ხში ხიღამას ხის პირველი სკერი»¹

***

В общем, можно сказать, что религиозное мировоззрение Л. Н. Толстого его учение его духовная деятельность, многие аспекты которого нашли отражение в «Отце Сергии», до сих пор рождают самые противоположные точки зрения, хотя в главном – в несостоятельности «новой религии» – почти все единодушны

Действительно, его религиозные воззрения были не верными. Его религия не хватало той силы, убедительности, живности, утверждающего начала, мудрости и, вместе с тем, той поэзии и вдохновения, которыми выделяются религиозные учения. Этот факт в значительной степени обусловлен тем, что писатель был лишен переживания как догматического вероисповедания, так и уверенности в абсолютную правильность собственных взглядов, рассматривал христианство только как нравственную категорию, был суров в своих выводах. Как известно, вера – это убежденность в том, что истины, возвещаемые религией, заслуживают доверия.

«Ошибочно и безнадежно писать историю религии безрелигиозному человеку. Кажущаяся объективность и так называемая научная беспристрастность при безверии исследователя приведут к псевдо-науке, неоплодотворенной внутренним дыханием религиозного чувства. Об истории этого чувства может правдиво говорить и писать только тот, кто сам обладает религиозным опытом»² Продолжением этой мысли является высказывание, что «невсходящий деятель ничего не сделает, даже будь он искренен сердцем и умом гениален»³ Поэтому, наверное, и осталось толстовство лишь теоретическим рассуждением.

¹ ვ. გიუგანის უადისხის თეორია, ქართული ენის ინსტიტუტი, 1980 წ. გვ. 133

² Антропология Св. Григория Паламы. Париж, 2002, с. 7

³ А. Иванов. <http://www.tula.net/igpu/Tolstov.Painter.painter.htm>

Однако, несмотря на то, что «Отец Сергей» во многом повторяет религиозные взгляды своего автора, она остаётся высокого уровня художественным произведением, которое далеко отстоит от проповеди религиозно-философских мыслей. Это снова доказывает, что Л. Н. Толстой – гениальный художник и его творчество – вершина достижений русской и мировой литературы.

Глава III

Стиль и перевод

Стилистическое своеобразие повести

Каждое художественное произведение – это памятник индивидуально-словесного искусства. В этом отношении «Отец Сергей» – одно из наиболее интересных произведений Л. П. Толстого, в котором, как и в других рассказах писателя 80-90-х годов XIX века, повествование сосредоточивается на духовной драме человека. Повесть отличается огромной силой художественного воздействия.

Как известно, творчество писателя, его авторская личность, его герои, темы, идеи и образы воплощены в его языке и только в нём и через него могут быть постигнуты. Образ автора-писателя как и образ оратора имел в истории литературы разные типы, разные формы своего воплощения, обусловленные различными композиционными функциями¹. Интеллектуальный писательский труд неизбежно предлагает множество позиций художественных манер, методов.

Стиль художественного произведения не может быть оторван от содержания. Состав речевых средств и их функциональное употребление зависит от характера отношения автора к изображаемой действительности. Здесь важным является и то, что для толдыкских и другим языке стилистик сопоставлений нет фиксированных закономерностей, так как часто предметное значение слова в процессе перевода меняется, оно меняется и при его взаимодействии с другими словами, и только в контексте возможно определение того, что обуславливает смысловую нагрузку с юва или необходимость его использования.

Господствующей формой изложения прозаических жанров является повествование, сочетающее сообщение и описание. Автор, показывая людей и события, даёт конкретно-чувственное представление об явлениях с точки зрения своего эстетического идеала, своего теоретического осмысления событий, пытается

¹ Г. А. Дмитриевская. Это была структура души, из которой выходят святые. http://www.oklandia.ru/oklandia_ofic/news/sar_histor5/Dmitr.htm

раскрыть глубокие существенные связи изображаемых явлений.¹ Главная роль в процессе создания художественного произведения принадлежит, с одной стороны, изобразительной, а с другой стороны – комбинирующей и синтезирующей работе писателя направленной одновременно и на изображаемую действительность, и на формы её отражения в творческой композиции произведения в его языке в его стиле «Словам надлежит подчиняться и идти следом за мыслями, а не наоборот» – так в XVI веке писал М. Монтень.

Сюжет – это не просто совокупность событий, но и средство познания действительности, способ раскрытия проблемы. Как говорил Вольтер, «искусство и гений (одарённость) заключаются в том чтобы найти всё в самом своём сюжете и ничего не искать вне своего сюжета»² В этом отношении Льва Толстому был присущ неукротимый дух исканий новых художественных форм и средств выражения нового содержания своих произведений.

Беспокойство, тревога и волнение вызываемые сознанием огромной ответственности за каждую выходящую из-под пера, характерная черта его писательского облика «Мыслитель и художник, – писал он – никогда не будут спокойно сидеть на олимпийских высотах как мы привыкли воображать – он всегда, вечно в тревоге и волнении. Уладных журирующих и самодовольных мыслителей и художников не бывает»³ Его проза последнего двадцатилетия XIX века сохраняя основные особенности реализма преобразовывается, приобретает новые свойства. Она в значительной мере утрачивает поэтический и эпический характер, становится более аналитической. Писатель ищет иные художественные принципы, заново определяет цели и стимулы художественной работы. Характерные для классического эпоса понятия рока и фатализма заменяются у Толстого понятием жизни с торжеством её вечной новизны.

Изменения коснулись и жанра в котором работает писатель. Известно что жанр – это повторяющееся во многих произведениях на протяжении истории развития литературы единство композиционной структуры

¹ Т. Москаленко, К. Ченшвилл. Отражение социального статуса личности в стратегиях ведения диалога. Сопоставление как метод исследования и обучения языкам. Т. 1. 16. 2005. с. 198.

² Л. Н. Толстой. Собрание сочинений в 14-ти томах. Т. 1. М. 1951. с. 5 там же.

Главное место в творчестве Толстого этого периода занимает не большое эпическое повествование, не роман со многими сюжетными линиями и с большим числом действующих лиц, а повесть-рассказ об одной или двух судьбах. В них проследить критический подход к действительности: срываются маски, прикрывающие подлинную суть, обнажается жёсткая безправность, варварство человеческих отношений. Перед взором читателя проходят рассказы об несчастных судьбах и жизненных драмах.

Лаконичная и страстная, наполненная глубоким драматизмом, нравственным содержанием, проповедью смирения и всепрощения, философией добрых дел и аскетического самоотречения, произведения Толстого этой поры направлены на «просветление человека» и преобразование «осквернённого мира». Наглядным примером того выступает «Отцы Сергий».

Повесть состоит из восьми частей, повествование ведётся от автора. Это своего рода философское произведение с глубоким содержанием и актуальностью поставленных в нём общечеловеческих вопросов и их решения. Оно отличается своеобразной манерой повествования, оригинальностью художественного воплощения.

Как известно, структура художественного текста имеет огромное значение в фиксации той позиции, которую использует автор при повествовании. В этом отношении значительный интерес представляют язык и стиль повести, тем более что сам Толстой главным считал языковую лексическую выразительность своих произведений, языковое персонифицирование. Последний момент очень важен в характеристике социального статуса того или иного персонажа, определяет его положение и роль. (Исходя из специфики нашей работы, мы должны отметить и то, что в переводе особенное внимание также надо сконцентрировать на эти особенности автора, на то, как, в данном случае, эти категории сохранены и переданы в грузинском варианте текста.)

Мы должны оговориться, что термин «повесть» не подразумевает единый жанр и осложняется таким специфическим обстоятельством, как несуществование точно соответствующего аналога данному слову ни в западноевропейских, ни в грузинском

языках. Это чужой русский термин, которому лишь отчасти соответствуют немецкий «*erzählung*» французский «*conte*» или «*nouvelle*» или польский «*tales*» или «*opow*» а также грузинский «*ძეგობრები*» или «*საბჭო*». Кроме того, в различные исторические периоды это слово подразумевало житийные, агнографические, апокрифические, хроникальные, воинско-эпические произведения русской письменности. Не случайно, что этот термин в русской литературе появился ранее терминов «рассказ» и «роман».

В современном виде повесть зарождается в XVIII веке, когда обособленно стала расти русская беллетристика, отделяясь от церковной, исторической, публицистической литературы.

Повесть «Отец Сергий» созданная во второй половине XIX столетия, когда художественная, светская литература в России уже имела до конца сформированную отшлифованную форму, является классическим произведением этого жанра, заключающим в себя элементы с экспрессивной значимостью, образительностью, морфологией и синтаксисом, акцентологическое, эмоциональное содержание создающее определённое впечатление. К этому добавляется особенность писательской манеры самого Л. Н. Толстого, характерной чертой которой является переход от одного приёма описания к другому, что позволяет выявить внутреннюю организацию текста. В произведении выступают сложные формы смещения конструкций, пересекаются формы речевого действия. Это определяет богатство и разнообразие его языковой коммуникации. Структура речи повести определена композиционной категорией, приспособлена к жанру. Язык выступает как символическая система письменного выражения, являющая лицо произведению.

Как известно, совершенствование языка художественной литературы выявляется не только в развитии и расширении словаря, системности и определённости строя языка, но и в совершенствовании выразительности и образительности средств языка. Эдгар По говорит: «Я не верю, чтобы какая-нибудь мысль, справедливо называемая быта, вне пределов речи»¹. Рассматривая творчество Л. Н. Толстого на фоне современных ему и предшествовавших литературно-языковых традиций, нужно отметить, что во многом оно было

¹ В. Виноградов. О языке художественной прозы. М., 1980, с. 70.

беспредельна и, поэтому, беспредельны и возможности художественного её выражения. Художник должен облечь свою мысль в новую им самим найденную художественную форму¹

Изображая человеческие переживания, Толстой не ограничивается лишь теми из них, которые освещены сознанием. Увидеть и показать человеческие ощущения в их первозданном виде, проникнуть в область подсознательную и бессознательную, уловить всё тёмное и неясное, всё светлое и привлекательное, что таится в многоликости чувства – всё это он считал достижимым искусству и воплощал в своём творчестве «(…) главная цель искусства – писал он, – высказать правду о душе человека высказать тайны которые нельзя высказать простым словом»²

Следуя этому принципу, писатель ввёл в обиход художественной прозы живописность, пластичность речи украсил её народными выражениями, подверг определённой деформации, трансформировал в контексте литературного произведения. Всякий художественный материал, «переплавляясь» под его пером, приобретал качества, усвоенные им из народной поэзии, вообще из народной словесности. Эти качества «определённое, ясное и красивое и умеренное»³ – на позднем этапе своего творческого пути Толстой стал считать обязательными для искусства вообще.

Вместе с тем, писатель внёс в художественную литературу строго конкретное, каноническое значение слова – то оно встречается только в научной и религиозно-философской литературе. У него художественные детали имеют эстетическую ёмкость, обладают силой выразительности. Синтаксис Льва Толстого в каждом отдельном отрезке текста определён его эмоционально-экспрессивной направленностью, философско-психологической обрисовкой. Писатель выступает как наблюдатель происходящего который фиксирует действие. Отсюда педантизм и скрупулёзность в передаче деталей, тщательное обдумывание и взвешивание буквально каждой детали. По его мысли в произведении каждое слово должно быть внутренне оправдано, мотивировано и связано с композицией целого.

¹ В. Виноградов. О языке художественной прозы. М. 1980 с. 72.

² Л. М. Мышкова. Мастерство Л. Н. Толстого. М. 1958 с. 19.

³ Л. Н. Толстой. Собрание сочинений в 22-ти томах. Т. X. М. 1982 с. 508.

На склоне лет по мнению литературоведов и лингвистов, Толстой достиг вершины художественной силы того «стихиального мастерства», которое дается только народным сказаниям, потому что в них вопиющее творчество целого народа. Именно в это время в его произведениях «добро» и «красота» слились в одно гармоничное целое. Вместе с тем, проступающая почти во всех произведениях писателя тенденция обожествления природного начала особенно усилилась именно в это время. Пантеистическое утверждение величия и мудрости законов природы стало характерной чертой его творчества. Тут же отметим, что такой взгляд на бытие не составляет новизны и для грузинской литературы, ведь вся поэзия гениального Важа-Пшавелы носит в себе отпечаток философии пантеизма, является феноменальным достижением в мировой литературе.

Л. Н. Толстой тоже был склонен рассматривать жизнь с точки зрения единства Бога и Природы. Его арсенал литературного самовыражения безграничен. Распределение «света и тени» речевыми средствами, переходы от одного стиля изложения к другому, сочетание совесных красок, синтаксическое движение повествования создают целостное представление об идейной сущности, о внутреннем единстве творческой личности художника, определяющей стиль художественных произведений и в них находящей своё выражение.

Передавая впечатление, полученное от его рассказов этого периода, Л. Леопов отмечал: «Язык писателя окреп ещё более, стал грезвее и мужественнее, он поражает своею библейскою простотою. Кроме того, в нём видны явные следы сильного влияния народной речи, в которой автор умеет замечать меткость и выразительность её оборотов»¹. Широкий контекст литературного языка и его стилей, а также общенародного разговорного языка с его разветвлениями - является фоном осмысления и оценки стилистического построения художественного произведения. Примером этого может служить одно из позднейших творений Л. Н. Толстого - повесть «Хаджи-Мурат», которая «поражает гармоническим совершенством художественной формы, чистотой и прозрачностью языка»².

¹ Л. Н. Толстой. Собрание сочинений в 22 томах. Т. X. М., 1982, с. 523.

² там же, с. 525.

Такой акцент на художественную выразительность в определённой мере противоречит мысли писателя о том, что «чем больше мы отдаёмся красоте, тем больше мы отгораживаемся от мира»¹. Исходя из такого суждения, Толстой в значительной мере умаляет художественное значение Гете, Рафаэля, Гёте Шекспира, Бетховена².

Как известно, в истории литературы не раз противопоставляли творчество Шекспира и Шиллера, отмечая, что произведения Шиллера, зачастую выступая рупором идей автора, обладают не столь большим художественным потенциалом. В противовес тому, в пьесах английского драматурга наблюдается такое богатство оттенков в изображении действительности, что это освобождает его творения от всякой назидательности, несмотря на то, что лицо писателя в той или иной мере всегда проступает в его произведениях. Такого рода художественное воздействие на читателя и оказывается наиболее сильным. Ведь приятность искусства не может быть объяснена присутствием в нём сколько угодно больших и глубоких идей.

Философское и художественное содержание различны по форме, невозможно свести к единому знаменателю. От такой попытки произведение всегда страдает³. Толстой учитывал эту особенность искусства и, несмотря на то, что в его позднем творчестве наблюдается противоборство двух начал – художника и проповедника – он никогда не смешивает философию с поэзией, проповедничество никак не сказывается на художественном уровне произведений. Он остаётся верен той позиции, что искусство в первую очередь должно быть источником «властной магии» захватывающей чувства человека. Но в отличие от изящных искусств – живописи, скульптуры, музыки, театра – которые имеют чисто эстетическое воздействие, литература всегда расценивается как творчество, обладающее возможностью воплощения смысло-жизненного содержания. Хотя, при самом благожелательном расположении к морали, писатель не может восприниматься лишь как проповедник идеи. Сколь бы тщательно не были разработаны им идейно-нравственные мотивы, художественное произведение не может быть полностью аналитическим, в нём всегда присутствует свободная ассоциативность и

¹ <http://encyclopedia.narod.ru/BSF/PRST/TO17.htm>

² <http://www.akantplus.ru/tolstoj/otec.htm>

³ <http://www.doel.ru/users/kristin/acet26.htm>

многоплановость. В этом состоит существенная разница между философской и религиозной, с одной стороны, и художественной литературой – с другой.

Так как в данном случае основой нашей работы является произведение, созданное на религиозных мотивах, то мы обращаем особое внимание именно на способ раскрытия этой проблемы в нём. В отличие от чисто церковного искусства подчиняющегося строго выработанному канону, повесть «канонична» лишь в той мере, в какой это служит средством описания общего фона. В ней заметно влияние древнерусской житийной литературы, частично – моральных схем патерикографии,¹ но всё переосмысленно художественно.

Такая тенденция приспособления христианского искусства к художественным высотам заметна и в других отраслях. Так произведения Чайковского и Рахманинова, написанные для исполнения в храмах, своей эмоциональностью выходят за грани канонической музыки.² Аналогичное можно сказать и о творениях гениев Возрождения – Рафаэля, Микеланджело, Тициана и др., величественные полотна, скульптуры и фрески которых, хотя большей частью созданы на библейских мотивах, являются вершинным достижением изобразительного искусства. Точно так же далёк от чисто научного подхода к проблеме и Л. Н. Толстой, который отдаётся выразительным возможностям языка.

Писатель проникает в тайны человеческих переживаний, в самые отдалённые уголки внутреннего мира личности и запечатлевает их в слове. Обстоятельность и методичность изложения, умение точно обозначить жизненные явления или душевные переживания – это черты присущие стилю Л. Н. Толстого. «Когда его читаешь, то получается ощущение как бы физического бытия его героев, до такой степени ловко у него выточен образ, он как будто стоит перед вами, вот так и хочется пальцем тронуть».³ – писал М. Горький. Нужно отметить, что Толстой в одно из посещений Горьким Ясной Поляны, рассказал ему о намерении написать повесть об отшельнике (будущий «Отец Сергей») и передал его основное содержание. Повесть

¹ Г. А. Дмитриевская. Это была структура жизни из которой выходят святые http://www.oklandia.ru/om/ru/oklandia/office/news.sar_histor5/Dmitr.htm

² http://www.oklandia.ru/om/ru/oklandia/office/news.sar_histor5/Dmitr.htm

М. Горький. Собрание сочинений в 30-ти томах. Т. I. М., 1930, с. 68.

произвела огромное впечатление на Горького: «Я слушал рассказ ошеломлённый и красотой изложения, и простотой и идеей»¹

Все произведения Л. Н. Толстого отмечены ощущением реальности изображённых в них событий и характеров. В этом отношении не составляет исключения и повесть «Отец Сергий» [главный герой произведения - князь Степан Касатский - может служить отличным примером того, как под пером мастера художественного слова «оживает» созданный силой фантазии образ, как реальны его переживания и действия, вся атмосфера произведения]

Новаторство Толстого этим не ограничивается. Он первый в русской художественной литературе трактует создаваемые им сцены с точки зрения персонажа. Этот приём встречается и в данной повести. Примером может служить эпизод, в котором Касатский после оставления им кельи приходит к окончательному пониманию тщетности проведённой в монастыре жизни и вспоминает свою двоюродную сестру, которая становится для него образцом правильной жизни в миру: «Пашенька именно то, что я должен был быть и чем я не был. Я жил для людей под предлогом бога, она живёт для бога, воображая, что она живёт для людей. Да, это доброе дело, чашка воды поцеланная без мысли о награде, дорожка благодетельствованных мною для людей. Но ведь была для искреннего желания служить богу? Да, но всё это было заижено заросло славой подскок. Да, нет бога для того, кто жил, как я, для славы людской. Буду искать его»² так, от первого лица монологом рисует герой свою жизнь.

Писатель раскрывает душу своего героя, вкладывает в текст огромное богатство собственных психологических наблюдений, однако в произведении нет обширного психологического анализа, оценки происходящего. Толстой на этот раз не докапывается до самых глубоких истоков душевной жизни. Он избирает иной способ раскрытия переживаний, употребляя его собственную фразу: «душевную жизнь, выраженную в сценах»³. Основное место занимает описание самих событий, факт фиксируется таковым, каков он есть, без натяжки иности того, насколько нравится или

¹ Л. Н. Толстой. Собрание сочинений в 20-ти томах. Т. XII. М., 1964, с. 508.

² Л. Н. Толстой. Отец Сергий. Избранные повести. М., 1953, т. VIII, с. 190.

³ Л. Н. Толстой. Собрание сочинений в 12-ти томах. Т. I. М., 1984, с. 35.

нет определённое явление или действие самому автору. Но часто, включением одного единственного слова или одной фразы становится совершенно очевидным отношение автора к изображаемому.

В этом отношении интересным представляется отрезок повести, где Сергей соблазняется девушкой. Вот их диалог:

« - Вот вы помолитесь да руки на меня наложите. Я во сне вас видела.

- Как видела? »

- Видела, что вы вот так ручку наложили мне на грудь. - Она взяла его руку и прижала её к своей груди»¹

Здесь мастерство Толстого-художника потрясает. Себе на грудь женщина руку угодника «прижала» - писатель употребляет слово с оттенком, выражающим страсть. Сама девушка в обращении к старцу использует другое слово, имеющее совершенно иной оттенок: «наложили». Наложить можно на себя руки, и это будет означать самоубийство. Наложить – это насилie стилистика здесь играет решающую роль. Не случайно, что после падения Сергей называет себя именно убийцей и помышляет о самоубийстве.

Что касается грузинского варианта в переводе Л. Титвинидзе эффект в значительной степени утерян.

«- აი თქვენ იგოცეთ და დამადეთ ხელი მე თქვენ სიზმარში გნახეთ

- როგორ მნახე?

- გნახეთ, რომ თქვენ ასე დამადეთ გულსკ ხელი - მან ხელი

მოჰკიდა მამა ხერგის ხელს და გულთან მიიტანა»²

В грузинском «наложите» переведено как «დამადეთ». Точным соответствием последнего является «потожиге». В этих двух вариантах вложена совершенно отличная друг от друга эмоция. Более-менее близкими грузинскими эквивалентами предстают «დაწყობა», «დალაგება», «დაკრეფვა», хотя последнее используется по отношению к покойнику.

¹ Л. Н. Толстой. Отец Сергей. Избранные повести. М. 1953 г. VIII с. 190.

² ლ. ნ. ტოლსტოის მამა სერგიის თხზულებანი ათ ტომად. ტ. X ძიუხრობები თბ. 1966, თ. VIII გვ. 300.

Слово «прижала» переведено как «მხოვად», что также неверно («Прижали ჩვენი, ჩახუტვბი».¹ - читаем в русско-грузинском словаре «მხოვად» же имеет соотвествия «поднести», «приблизить»

Действительно, в данном случае точное сохранение стиля в переложении чрезвычайно трудно, но в определенной мере приближение к оригиналу возможно

Психология толстовских героев в повести высказывается через их поступки и действия. В обрисовке индивидуальностей нет описания черт внешних или внутренних, нет общих эпитетов, всё изображение личности дается в действии. Необходим анализ происходящего в тот или иной момент и уяснение мотивов, которые толкнули героя на те или иные поступки. Один и тот же человек может проявлять разные, часто противоположные стороны характера и душевного настроения. Акцент делается не на связи эмоций и размышлений, а на борьбе противоположных качеств и моделей. Как отмечает сам Толстой, «из собрания недостатков составляет иногда такой неслыханный, но чарующий характер что он внушает любовь тоже в известном смысле».

Необходимо иметь в виду и то обстоятельство, что для искусства привлекательны экстремальные аффективные стороны человеческой психики. «Великое произведение искусства всегда оригинально: оно по самой своей сущности должно потрясать и изумлять, то есть, шокировать» (В. Набоков). Данное положение в большей мере относится именно к негативному в эстетическом смысле материалу, который выполняет очень важную роль. Именно «через испытание аффективными переживаниями происходит приобщение к самым разнообразным сторонам бытия».³ Занимаясь концентрированным выражением больших страстей художественное творчество способно выявлять жизнь в той форме, в какой она ускользает от нас в повседневности. Один из выдающихся мыслителей прошлого отмечал: «Художник должен вкушать от всех плодов земли, попробовать из всех ее сосудов и быть полностью обученным в опыте, для того чтобы затем питать им свое искусство».⁴

¹ რუსულ-ქართული ლექსიკონი თბ. 1983 გვ. 569

² Л.Н. Толстой. Полное собрание художественных произведений. Т. I. М.-Л., 1929 с. 28

³ <http://www.doel.ru/users/krivitsun/best26.htm>

⁴ там же

Любознательность такого рода и есть движущая сила, толкающая художника на любой риск. Исходя из подобного отношения различные аномалии побуждают писателя к эстетической добродетели. Сама же по себе добродетель не способна диктовать ему верный поэтический выбор («Можно быть святым, но тогда не напишешь романа»). Но, с другой стороны, истинная святость может породить мысль и осуществить её в реальности. Единственность в любых условиях проявляет себя

Толстой не был святым, в его религиозном «обращении» тоже было много заблуждений, но как настоящий мыслитель он пытался понять и объяснить происходящему вокруг. Главное внимание он уделял гуманистическим и моралистическим идеям. Здесь искусство выступает как зеркало, в котором человек видит своё собственное несовершенство, «соприкасается к «скрытому хаосу» Толстой работает над уяснением нравственной стороны поступков и природы переживаний. В этом писатель видит отражение социальных и моральных сторон жизни.

Однако, в отличие от его предыдущих произведений, повесть «Отец Сергий» необъёмна, отличается сжатостью, её характерной чертой является простота и краткость, сосредоточенность на главном. Именно это «опрошение» стигая веёт за собой требование краткости: «(О) сокращения изложение всегда вынырывает»¹ – пишет Толстой. В этом писатель находит источник «истинно прекрасного и простого прекрасного»². Он воплощает в повесть овладевшую им мечту о произведении «чистом, изящном, где не было бы ничего лишнего, как вся древняя греческая литература, как греческое искусство»³. Скупыми средствами, иногда одним словом, создаётся неповторимый художественный эффект.

Говорить художественно и в то же время лаконично – большое искусство, замечательным образом чего предстает («Отец Сергий»). Предыстория занимает сравнительно небольшую часть текста, дается в виде авторского краткого пересказа. В произведении на первый план выходит описание событий жизни главного героя. Интерес писателя устремлен не столько на создание яркого характера, сколько на изображение положения и условий жизни героя. Но как истинное произведение искусства, текст повести заключает в себя всю полноту информации о персонаже.

¹ В. А. Ковалёв. О стиле художественной прозы Л. Н. Толстого. М. 1960 с. 50.

² Л. Н. Толстой. Собрание сочинений в 22 томах. Т. X. М. 1982 с. 507.

³ Там же с. 508.

Одно из главных ценностей произведения в том и состоит что о герое в нём рассказано достаточно

Стремясь к исследовательскому характеру повествования, писатель обращает внимание на смысловую точность, которая достигается метким выбором слов их сочетанием, которое вынуждает образные ассоциации. Для обстоятельности изображаемого Толстой создаст большие, сложные предложения, охватывающие различные стороны явления. Особенность стиля Толстого заключается в настойчивом повторении наиболее важных, характерных деталей чтобы основная мысль не ускользнула от читателя. Отсюда повтор одного и того же слова, столь естественный для его прозаических произведений. Эта особенность присутствует и в «Отце Сергии», который хоть и отличается сжатостью, но не проходит мимо многословной, повторяющейся одни и те же выражения манеры передачи мысли.

Так преодоление эгоистического «я» своей гордыни – одно из основных целей отца Сергия. И он находит то что помогает ему преодолеть себя, – это послушание, смирение. «Ещё многие требования монашеской жизни в монастыре, близком к столице, и много посещаемом не нравились ему, соблазняя его всё это уничтожаться послушанием. «Не моё дело рассуждать моё дело нести назначенное послушание, будь ли то стояние у мощей, пение на клиросе или ведение счетов по гостинице». Всякая возможность сомнения в чём бы то ни было устранялась тем же послушанием старцу. Не будь послушания, он бы тяготился и продолжительностью и однообразием церковных служб, и суетой посетителей и дурными свойствами братии, но теперь всё это не только радостно переносилось но составляло в жизни утешение и поддержку»¹

Чуть ниже мы опять встречаем повтор тех же «послушание» и «смирение». Замечательно, что именно эти слова являются объектом настойчивого повторения так как выражает то основное что хочет сказать автор. Радость давало и сознание смирения и несомненности поступков всех определённым старцем. Интерес же жизни состоял не только во всё большем и большем смирении, но и в достижении всех христианских добродетелей которые в первое время казались ему легко достижимыми. Смирение перед низшими было не только легко ему но доставляло

¹ Л. Н. Толстой. Отец Сергий. Избранные повести. М. 1953 г. III с. 157

ему радость»¹ К этим двум лексическим лейтмотивам – «послушание» и «смирение» – ещё ниже добавляется «молитва» «Спасение в этом по южении было послушание – работа – и весь занятой день молитвой Он, как обыкновенно, молился, клял поклоны, даже больше обыкновенного молился но молился телом, души не было»² Неоднократное повторение указанных слов подчёркивает осознание их необходимости и всегдашнего присутствия в монашеской жизни Касатской о

Тут же отметим что грузинский перевод этих мест повести является вполне адекватным оригиналу В нём сохранён повтор ключевых слов, которым в грузинском соответствуют «მორჩილება»³ и «ღოცვა»⁴ «თუ ბევრი რამ მონასტრკლი ცხოვრებისა, სადაც ბევრი ხალხი ირეოდა, არ მოსაწონდა და ცდუნებას იწვევდა მასში (სერგოში), კოჲკლივე მორჩილებით განიდევნებოდა მორჩილება რომ არა, გასტანჯაჲდა ეს გაკთაუბკლი, ერთფურცელანი საეკლესიო წირუა-ღოცვანი, მამსკლკლთა ფეხსეკისი და მათა კუნუაბა, ახლა კი ყოველივე ამას არათუ სიხარკლით იტანდა, არამედ ეს იყო მისი ნუბეშისმცბეკლი და საკრდკისი ცხივრუაშა»⁵

«(სერგის) სიხარკლს ანიჭებდა ძეგნება მორჩილებისა და ის, რომ კკვი არ ეპარებოდა ყოველივე იმაში, რასაც ბერი შთაავანებდა მისი ცხივრების ინტერესს შეადგენდა არა მარტო ის, თუ რამდენად მეტად დაორტკნაკდა საკუთარ ნებას, რამდენად მირხილი იქნებოდა, არამედ ის, რომ მიკლკა ყოველგვარი ქრისტიანული სათნოებისათვის, რაც ჰირველ ხანებში იყო მისადწვევი ეწეენა თავმდაბლობა მდაბიოთა მიმართ არათუ იოლი იყო, სიხარულს ანიჭებდა»⁶

«საშველი ამ მდგომარეუბაში იყო მირხილება მკშობა – და დღენიდაღ ღოცვა ის (სერგო), რიკარც წესი, ღოცულობდა, წელში

¹ Л Н Толстой Отец Сергий Избранные повести М. 1953 т. III с. 157

² там же, с. 158

³ რუსულ-ქართული ლექსიკონი თბ. 1983 გვ. 546

⁴ იქვე გვ. 319

⁵ ლ. ნ. ტელბერი შიდა სერგის თხზილკლანი ათ ტომად ტ. X მოთხრობები თბ. 1966 თ. VIII, გვ. 273

⁶ იქვე

იღრიკებოდა, ნვეუღებობესკ მეტხას დოცკლადა, მაგრამ დოცკლადა სხეკლი, სკელი კი არა»¹

Явная тафтология в переводе полностью оправдана является точным повторением исходного текста

Стилистическое оформление произведения вообще представляет собой один из важнейших моментов художественного творчества и занимает особое место в литературе. Стиль – это та категория, которой узнаётся и характеризуется персонально каждый отдельный поэт или писатель и в этом отношении стиль П. П. Толстого – выдающееся явление не только русской, но и всемирной литературы

Перевод заглавия

Детальный разбор грузинского перевода повести мы хотим начать с проблемы передачи её заглавия

В мировой литературе – наверное – практически невозможно найти ни одно прозаическое произведение, у которого не было бы заглавия. Заглавие, как первый знак художественного произведения – это определённая перспектива для дальнейшего развития событий. Оно как бы вбирает в себя весь текст, даёт ему лицо. Поэтому столь важна его адекватная передача на иной язык. Необходимо чтобы в нём точно передавалась мысль, вложенная автором.

В мировой практике есть случаи, когда в переложении заглавия не всё ясно. Заглавия произведений того же Толстого переводиться не всегда «понятно», то есть, соответственно своему значению. Как отмечает профессор И. Цибахашвили, перевод заглавий, смысл которых кроется в тити подтексте сопряжён с трудностью. Так, «Войну и мир» на грузинский язык сначала перевели как «ომი და ზაღი» (Ом и Заги). Неточность была очевидна. Во втором переводе появилась формула «ომი და

¹ ს. ბ. ციხლაძის მიერ დადგენილი ტექსტის დოკუმენტური აღწერა, 1966 წ. № 1, გვ. 11

«მამა» то есть вслед за русским эти два слова были поняты как антонимы. Однако, в настоящее время серьёзно сомневаются в правильности такого решения. Важно уточнить, как писал Толстой: мир или мѣръ. Если мѣръ – это покой, отсутствие войны, если мѣръ, то это свет, общество.¹

Но языковому оформлению заглавия может состоять из одного слова, из словосочетания, реже – из предложения.

«Отец Сергей» – заголовок, который дал своей повести Л. Н. Толстой. Перед нами имя человека и звание, которое он носит. Но языковой структуре – это словосочетание, несущее определённую фонемную информацию.

Как известно, для именованья людей используются не только изолированные антропонимы, но и их сочетания, а также их соединения с другими антропонимическими единицами: названиями титулов, профессий, степеней родства.

Специфика образно-художественного осмысления слова сказывается и в выборе и функционировании собственных имен. Они значимы, выразительны и социально характерны. Персонаж – основной мотив.

Собственное имя связано с социологическим, историческим, этнографическим, культурным, философским фоном. Употребление той или иной модели именованья человека как правило обусловлено социальным статусом, принадлежностью типа к определённому состоянию. В художественном произведении имя – один из существенных признаков для характеристики персонажа, для его общественной дифференциации. Толстой обращается к этой традиции. Название повести сразу создаст ассоциацию, что в произведении речь идёт о личности – главном герое – о событиях его жизни и что эта личность – служитель культа, христианской церкви. Связь имени с его носителем очевидна. Перед нами сочетание канонического собственного имени, употребляемого в России только для именованья духовных лиц – «Сергий», и форма обращения к упомянутым лицам – «отец».

Грузинский перевод заглавия звучит как «მამა სერგი» – вполне адекватное соответствие подлинника. Слово «отец» как в русском, так и в грузинском языках.

¹ Г. Цибавашвили, Е. Элиава. О переводе и непереводимости заглавий. Сопоставление как метод исследования в обучении языкам. Т. II. МАИПРЯИ. Гб. 2005. с. 291-292.

вместе с другими имеет и следующее значение «Отец» название с пужителей культа, монахов, а также обращение к ним»¹ (соответствующую интерпретацию мы находим и в толковом словаре грузинского языка «მანა – მკაცრობ, მიზნების დახატულება»²

В Грузии при упоминании или обращении к духовным лицам прибегают и к форме «მანა» - к застывшему звательному падежу. Однако, в данном случае, использование этого варианта нарушило бы стилистику.

Более сложно обстоит дело с именем «Сергий». Своими корнями оно восходит к греческому родовому имени «Sergius» что значит «высокий» «достойный»³ а после утверждения христианства распространилось во всём мире.

Личные имена существовали всегда и у всех народов, однако, обычаи, связанные с присвоением имени, в разное время и у разных народов были весьма различными. История становления и развития собственного имени определяется культурой и фонетической традицией того народа, который создал или заимствовал его.

Специфическими особенностями собственных имён как известно являются их коминативность, неимение множественного числа (ведь ими называют одного конкретного человека – мужчину или женщину), возможность производить от них уменьшительно-ласкательные формы.

Тесная связь имени человека с традициями общества в котором он живёт, привела к тому, что у каждой этнической группы сложились свои обычаи связанные с именем, его выбором и употреблением, трансформациями фонетического строя, требующихся от системы конкретного языка. Вообще, нужно отметить, что вначале каждое имя представляло собой слово или фразу того языка, в котором оно было создано, носило определённое содержание. Но с течением времени имя утрачивало первоначальную семантику и главным становилась функция именованности личности и, в какой-то мере, его звучание, тем более, если оно попадало в другой язык.

¹ Словарь СРЛЯ Т VIII М 1987 с 104

² ქართველთა ღმრთის განმარტებანი და კლასიკური ენის თარგ 1986 წ. 1 281

³ ს. ჭავჭავაძის ძეგლი 2003 წ. 1 199-200

Переходя из одного языка в другой заимствованное слово, в том числе и имя собственное стремится найти свое место в системе языка-приёмника, для чего ему необходимо получить наиболее подходящее фонетическое и орфографическое изображение. Древнееврейские, латинские и греческие имена проникли в Россию так же как и в Грузию посредством греческого языка – колыбели православного христианства. Новая религия, вместе с культом святых, вводила и их имена в культуру разных народов.

Среди христианских проповедников пришедших на Русь из Византии было много славян и церковные имена, которые они несли с собой, быстро обрусели так как уже имели славянский вид прошли через южнославянские говоры – болгарский, сербский, македонский. Дальнейшая фонетическая адаптация антропонимической системы происходила на месте, имена приспособлялись к условиям русского произношения – меняли суффиксы и окончания, и затем входили в русский церковный календарь – так называемые мисии или святцы – вплоть до XVII столетия.

Однако, после церковной реформы проведённой патриархом Никоном в XVII веке, когда русская православная церковь вернулась обратно к исконным образцам Византийского богослужения и установила церковнославянский язык как обязательную норму литургии, на реформа коснулась и произношения и написания имён. «Ни в одной стране не было столь сильного давления церкви на выбор не только самого имени но и той формы в какой его следовало писать, как в России» – отмечает в одной из своих работ посвящённых проблемам антропонимики А. Сулеранская. Канонические собственные имена стали ближе к греческим оригиналам и перестали подчиняться эволюции языка.

Но «застывшими» формами было неудобно пользоваться в быту где уже сложились свои обычаи что повлекло за собой расщепление многих русских то есть обрусевших имён на официальную, календарную внесённую в русский месяцеслов и мирскую формы. В церковном варианте имени было больше иноязычных черт, мирская форма – максимально русифицированная.

¹ А. В. Сулеранская. Ономастика и грамматика. М. 1981 с. 86

Так, все жители государства, придерживавшиеся православного вероисповедания, получали имя при крещении где оно оформлялось согласно церковному календарю. Но в повседневной жизни того же человека называли в большинстве случаев иначе.

Именно после реформы русским народным формам имён, оканчивающихся на *-ей* и *-ея* были приданы окончания *-ий* и *-ия*. Алексей-Алексий, Евдокья-Евдокья. Латинский *-us* с прешествующей гласной заменился в русском буквой «й». Архим-Архий. В составе церковного именика используются урванские фонетические возможности русского языка. Они были ограничены составом фонем греческого языка.¹ Наиболее отчётливое различие канонической и неканонической форм имени проявляется в ударении. Первая сохраняет традиционное произношение того языка, из которого произошло имя, в то время как народная форма учитывает русскую акцентуальность при ударении. Так мужские имена с «русским» ударным окончанием на *-ей* имеют соответствующий церковно-славянский вариант с безударным окончанием *-ий*.

Так в России появились две формы интересующего нас имени – *Сергий* и *Сергей*. Первая – церковная, сохраняющая латинское ударение, вторая – живая, произносительная форма языка. Но, с течением времени, церковь утратила роль доминанта в государстве и произошло разграничение церковнославянских и собственно русских форм антропонимов на штургическую и мирскую. Остаются функционировать церковные антропонимы, используемые только для называния круга лиц, причастных к религиозной деятельности.

Таким образом во II ой половине X столетия, ко времени создания повести «Отец Сергий», в России существовал круг монашеских имён и русский читатель легко может узнать по форме имени, что главный герой данного произведения – представитель духовного звания.

Относительно грузинского варианта имени «*სერგი*» - можно сказать что по своему фонетическому звучанию оно ближе к русской канонической форме «Сергий». Нужно отметить что сам по себе грузинский язык лучше, нежели

¹ А. В. Смирнская. Ономастика и грамматика. М. 1981 с. 94.

русский воспринимает латинские и греческие формы произношения. Нет-тогда сказать, что заимствованные имена оставались совершенно оригинальными, попадая на грузинскую почву, здесь они тоже подвергались определённой ассимиляции, но здесь этот процесс протекал плавнее. То же самое, кстати, можно сказать и о германской подгруппе индоевропейских языков. Например, в английском, как правило, используют вариант «Sergius» - почти без изменения передавая форму источника. Заглавие английского перевода толстовской повести выйдит как «Father Sergiu» и именно этим именем называется на протяжении всего произведения главный герой¹.

Адаптация имён в Грузии имела разнородный вид, в зависимости от исходной формы антропонима. Так, с имён, оканчивающихся на -us грузины, за редким исключением, сняли окончание и получили формы идентичные с исконно грузинскими формами имён, имеющих окончание -ი (-i). Имя «Sergius» в грузинском получило вполне соответствующее этому языку грамматическое оформление «სერგიო», и, в то же самое время, осталось близким к исходной латинской форме.

В грузинском обосновался ещё и другой вариант этого имени «სერგო» (то, наверное, звательный падеж, произведённый от «სერგიო», как, например, «ქალი-ქალი», «ხეივანი-ხეივი», «გაქვდი-გაქვდი» и др. В книге З. Чумбуридзе «Как тебя зовут?» читаем «სერგიო - ხსენების კარიბჭე, კლი ფიგურა ქართულში სერგიო-სერგი»². Но, нужно отметить, что эта форма не смогла стать вполне нормативной, её сопровождает определённый просторечный оттенок, хотя в народе довольно распространена.

Так же, как и в России, в Грузии христианские имена сначала были заимствованы церковью. Основным источником заимствования были книги Священного Писания - Ветхий и Новый Завет. Фигурирующие в них антропонимы распространялись как посредством письменности, так и устной традиции. Подобно России, орфография имён в Грузии тоже отмечена определённой пестротой. На это оказывали влияние миграция населения, культурно-экономические контакты между государствами и другие причины.

¹ Leo Tolstoy, Father Sergius and other stories, Moscow, 1988, p. 7.

² ზ. ჩუმბურიძე, «როგორ ხსენებენ» 2003, გვ. 200.

В Грузии заимствованные имена быстро распространились и в народе так как не представляли трудности в произношении. Здесь не различают отдельно литургических и мирских имён, поэтому определить по имени относится ли данное лицо к духовному званию или нет невозможно. Поэтому ассоциация которая сразу встаёт перед нами при чтении русского «отец Сергий» невозможна при грузинском «მამა სერგი». В последнем случае носитель этого имени может быть как духовное так и светское лицо. Грузинский читатель толстовского героя кроме как духовного лица, может воспринять как родителя, отца семейства просто как человека к которому используют такую форму обращения. Имя «სერგი» ничего не говорит для разъяснения социального положения персонажа. Но как мы уже отметили, грузинский перевод имени и заглавия в целом адекватен. Найти другое соответствие фактически невозможно. Чтобы уяснить о ком идёт речь когда перед нами грузинский вариант повести нужно сесть и прочесть книгу.

Перевод ономастической лексики

Антропонимы

Кроме имени «Сергий», в повести Толстого встречаются и другие церковные и мирские антропонимы.

Среди имён, которыми в произведении упоминаются духовные лица встречаются: Амвросий, Макарий, Леонид, Пансий, Серапий. Грузинское звучание данных имён таково: ამბროსი, მაკარი, ლეონიდი, პანსი, სერაპი.

Между русским и грузинским вариантами имён есть фонетического характера различия. Эти языки, согласно законам своего правописания и произношения, по своему передают имя. Каждый из представленных антропонимов имеет свою этимологию.

Амвросий – от Амбросим греч Амбросиос «ниспосланный небесными, то есть божественный» Форма «Амвросий» - книжное заимствование¹

Макарий – от Макар, греч Макариос «блаженный, счастливый», эпитет Зевса²

Леонид – греч Леонидос леон – лев+идос – патронимический суффикс.³

Пансий – греч Паисиос паис - ребёнок, дитя Эпитет Зевса, Асклепия, Гермеса⁴

Серапион – греч Серапион серапис – эпитет Юпитера и других богов по имени египетского бога жизни, смерти и исцеления⁵

Кроме вышеуказанных в повести встречаются ещё церковные имена Агния, Арсений Иларнион, которым соответствуют грузинские формы აგნია სენიონი, არსენიონი

Агния – (в миру Агнеса), женское имя мужская форма – Агний Греч Χαπιος чистый, непорочный, праведный Эпитет многих древних богов, например Апполона Артемиды, Деметрия.⁶

Арсений – (в миру Арсений), греч Арсениос арсен - муж мужчина⁷

Иларнион – (в миру Иларнион) греч Хиларнион хиларос - весёлый, радостный⁸

Следует отметить, что данное имя Голстой пишет через два «л», несмотря на то, что называет им духовного лица Паверное. Это именно влияние мирской формы имени

Представленные в переводе грузинские варианты имён верны, имеют каноническую грузинскую форму, несоответствий в этом отношении не наблюдается

¹ А В Суперанская Имя через века и страны М 1990 с 150 151

² там же с 165

³ там же

⁴ там же с 168

⁵ там же с 172

⁶ там же с 151 177

⁷ там же с 153

⁸ там же с 162

Нужно отметить, что исходя из различной специфики русского и грузинского языков данные имена, за исключением, пожалуй, Амвросия и Илариона, - это антропонимы более распространённые в русской церкви, нежели в грузинской. Несмотря на то, что ономастикон как одной так и другой церкви почти одинаков, есть имена которые более распространены в одной из них и менее - в другой. В этом определённую роль играет, опять-таки, различие в фонетической структуре в этих двух языках - одни формы более приемлемы для русского, другие - для грузина.

В фонетическом и орфографическом оформлении антропонимов, без сомнения, значительную роль сыграло и то обстоятельство, что Россия и Грузия в равное время внесли в состав своего языкового фонда греческие и римские имена. Как известно, христианство государственной религией Грузии стало в IV веке, а в России - в X. Надо учесть и то, что находясь в непосредственной близости с Византией на стыке культур, Грузия и до того могла внести данные имена в состав языка. Кроме того на протяжении веков менялся сам греческий язык, посредством которого распространялось православие. К X столетию язык и, соответственно, имена, несомненно, звучали иначе, чем в первые века нашей эры.

Интересен перевод антропонима «Николай Павлович» (русский император). Перед нами - имя и отчество человека исторического лица, проблема передачи которых на грузинский язык несколько иная. У Л. Гитвинидзе присутствует только имя - «ბოდუძეოვი», отчества, как такового, в переводе нет.

Имя «Николай» тоже греческого происхождения - «Nicolas», но в Грузии оно не изменило форму, сохранив почти оригинальное звучание - «ბოდუძეოვი» (это своего рода исключение одно из тех, которые имеют место в грузинском языке при заимствовании имён). В русском оно получило форму «Николай». Здесь всё логично. Но в грузинском варианте как мы отметили присутствует неточность - потеряно отчество («Павлович»).

Известно, что традиция трёхкомпонентного собственного имени (имя, фамилия, отчество) имеет исторические корни как в России, так и в Грузии. Но форма

обращения к лицу в этих странах различна. В России обращение по имени-отчеству - естественная уважительная форма, тогда как в Грузии отчество неупотребительно при обращении или упоминании лица и его использование в таких случаях неэтично. Может быть, поэтому и пропустил его переводчик. Однако, такой неполный перевод - это явное отклонение от правила. «თუ საუბროს წარმოშობის მქონე სახელის მატარებელი ისტორიკული ან რეალურად არსებული პირი, მისი სახელი გადადის მთარგმნელ ენაში დადგენილი ნიშნების შესაბამისად»¹ Император Николай Павлович - но историческое лицо один из известных правителей Российской империи и для сохранения точности и адекватности в переводе наличие отчества необходимо разумеется с учётом грамматики грузинского языка.

Мы считаем нужным следующий перевод «ნიკოლოზ პავლეს ძე», с сохранением в грузинском тексте отчества в виде «პავლეს ძე» - установленной нормой грузинского языка.

За исключением, пожалуй, этого примера нарушений в передаче имён не наблюдается.

Несколько иная проблема стоит при переводе антропонимов «София Ивановна» и «Прасковья Михайловна». Несмотря на то что мы опять-таки имеем дело с упоминанием лиц в классической русской форме имя-отчество, в отличие от предыдущего примера переводить эти антропонимы следует по-другому, чем «Николай Павлович».

София Ивановна и Прасковья Михайловна являются не историческими лицами, а плодом фантазии писателя чисто художественными персонажами. Л. Гитвинидзе эти имена переводит так «სოფია ივანის ქალი», «პრასკოვია მიხაილოვნა». Переложение совершенно адекватно.

Теория перевода имеет свои правила передачи имён героев литературных произведений «თუ სახელის მატარებელი ცალკეობა ქვეყნისაა მისი სახელი მთარგმნეში უკეთესია გადავიდეს დედნის ელვადობით, რაც

¹ ზ. წიბაძე, ენაობის მთარგმნის თეორიისა და პრაქტიკის საკითხები თბ., 2000 გვ. 76

უმზრუნველყოფს ერთიანული კოლონიის მკაფიანებას»¹ Здесь учитывается и тот фактор что имя персонажа может нести семантическую нагрузку, указывать на тот или иной признак лица, который автор желает выделить

Кроме того, имя может иметь форму скажем ласкательную, и эту форму как выражение конкретного языка нужно без изменений переносить и на другой язык Так и у же Прасковью Михайловну Голстой называется «Пашенькой» Соответственно и в переводе читаем «*პაქეკა*»

Топонимы

Теперь мы хотим остановиться на другой категории ономастической лексики и разобрать перевод топонимов встречающихся в «Оте Сергии»

Географические названия также как и большинство имён, не отражают свойств называемых объектов Основное их назначение фиксировать эти объекты на поверхности земного шара и вся конкретность их состоит только к этому.² Разумеется в художественном произведении тот или иной топоним, также, как и антропоним, может быть плодом фантазии автора его созданием и носить в себе признаки свойств людей или объектов Особенно эта тенденция прослеживается в народном творчестве сказках былинах и т.д. в которых язык и его назывательная функция являются выражением этнокультуры и в таких случаях перевод топонима обязателен для понимания того о чём рассказывается в произведении

В данном случае все использованные Л. П. Голстым названия географических объектов являются реально существующими номинативными, относятся к категории общераспространённых Они сохраняют одну установившуюся форму и на другой язык переходя согласно традициям

¹ ა. ციხელაძის კვლევის თეზისის და პრაქტიკის ს. რეზიუმე თბ., 2000 წ. 76

² А. В. Суперанская. Как вас зовут? Где вы живёте? М. 1964, с. 38

В повести упомянуты такие топонимы как: Петербург, Валахия, Гамбино Саратов

Петербург – «город Петра» - комментированное название (имя основателя города великого русского монарха Петра I)¹

Валахия – место проживания румын и молдав. Позднее преобразование немецкого *Walachei* по другим источникам оно восходит к русскому «волах» - румын

Гамбино – название пустыни (Гамбинская пустынь). Со времён принятия христианства там были основаны монастыри, похоронены святые.³

Саратов – как полагают является персидским названием (сары тау – «жёлтая гора»)⁴

В грузинском переводе они звучат следующим образом ჰეგერბურგი, ვალახია, ღამბინო. ხაროვანი. Все эти топонимы в переводе сохраняют оригинальное звучание. Они не нуждаются в смысловом переводе, этимология перестала иметь функциональную нагрузку.

С точки зрения перевода интересен также фигурирующий в повести топоним «Царское Село»

Известно, что одни географические названия, состоящие из двух или трёх слов переводятся полностью (например, Скалистые Горы); в других случаях переводится только определительная часть (Северная Америка),⁵ но есть и такие случаи когда топоним полностью сохраняет оригинальное звучание. Именно к последнему относится «Царское Село». Несмотря на то, что в любом языке, в том числе и в грузинском к обоим из слов – и к «царскому», и к «селу» - имеются точные соответствия – это название принято переносить прямо. Поэтому Л. Титвинидзе в

¹ А. В. Суперанская. Как вас зовут? Где вы живёте? М. 1964 с. 50

² М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка Т. I М. 1986 с. 269

³ там же

⁴ там же с. 52

⁵ ღამბინო. ტრფილი. თარგმანები საქართველოს ლიტერატურის რედაქციის მიერ, 2000 წ. 81

В 1-ой же главе повести мы встречаем определённую неточность У Голстого написано «...командир лейб-эскадрона кирасирского полка»¹ Титвинидзе на грузинском представляет данную фразу следующим образом « ლეიბ-ესკადრის კომანდირმა »² Русское «кирасир» имеет два грузинских соответствия собственное « კირასირი » и заимствованное « კირასიონი ».³ По нашему мнению, в данном случае, в переводе лучше писать «კირასიონი» Это будет точным повторением подлинника и никак не нарушит стилистического строя грузинского языка в нём это слово вполне употребительно Хотя использованное კირასირი имеет с тем же семантическую нагрузку никак нельзя считать ошибкой

Более серьёзно обстоит дело с лексической единицей «командир» одинаково звучащей как у Голстого, так и у Титвинидзе В словаре иностранных слов мы читаем «Командир (начиная с Прокоповича и Петра I, через немецкий «Kommandeur», или прямо из французского «commandeur») Имеет несколько значений 1) одна из высших степеней в рыцарском ордене, 2) звание председателя клуба 3) начальник автомобильного аэросанного и гонимого и на авиационного перелёта»⁴ В грузинский язык это слово попало из русского «კომანდირი - კერძო «kommandeur» რეკლამის მუშაკობით ხაზბედრი, თბილისი რაიკომის მეთაური»⁵ Это интернациональное слово и его сохранение в переводе возможно Но, в отличие от русского языка, в котором оно общепотребительно, в грузинском менее распространено и звучит как то неестественно Как в сложественной нормированной, так и в каждодневной речи грузинский язык обходится без подобных иноязычных калькировок и предпочтение оказывает родному выражению Поэтому, вместо «კომანდირი» лучше использовать «მეთაური» которое одновременно сохраняет и смысл оригинального слова, и природу того языка на который выполнен перевод Наш вариант «კომანდირთა ზედიხის ლეიბ-ესკადრის მეთაურმა»

¹ Л. Н. Голстой Отец Сергей Избранные повести М. 1953 г. т. 1 с. 150

² ლ. ნ. გოლსტოის ძაღვი მარჯოს მარჯობის თემაზე და ს. შინდის ბიძგის თბ. 1966 მ. I კვ. 265

³ რუსულ-ქართული ლექსიკონი თბ. 1983 წ. გვ. 249

⁴ Словарь иностранных слов М. 1955 с. 336

⁵ ქართული ენის განმარტებითი ლექსიკონი ტ. IV თბ., 1955 წ. გვ. 1278

Такого же рода замечание у нас и к следующей фразе «Его наверно бы разжаловали в солдаты если бы директор корпуса не скрыл всё дело и не вынул экономиа»¹ - «აღღაობ, საღღაობადაც ხასიაქეკითკებდნენ, კორპუსის დირექტორს რომ არ მიეჩქმალა ძიუღლი ეს ხაქიქ და ძიქ არ დაეთხოვია»² Здесь мы тоже имеем дело с прямой кляпкой «солдат - საღღაობა» хотя в грузинском есть слово «ჯარისკაცო» В словарях встречаем различные толкования относительно этой лексической единицы «Солдат рядовой служивший сухопутных войск говорят о военном в общем» «Растворилнет все живое небесные» со вздохом говорит наш полувзводный унтер-офицер Карпов, старый солдат сделавший хивинский поход» «Гарш Из воспоминаний рядового Иванова»³ В грузинском это слово имеет более узкое значение «საღღაობა - იქ ხოცდით - ჯამბეგობი რუსული ენის მუშაკობით რიგობი სამხედრო მისამსახურე ჯარისკაცო»⁴ Несмотря на то, что это слово можно встретить и в грузинской литературе, мы считаем что в данном случае более правильный эквивалент «ჯარისკაცო», так как, согласно фоновой информации текста, перед нами «разжалование» то есть солдатыство как низший чин военного воеющего

Обращает на себя внимание перевод следующей предложения «Когда же выпущенные кадеты явились ему (императору) он уже не поминал об этом сказал как всегда»⁵ - «როცა კერხადამაურებელი კადეტები გამოცხადნენ იმპერატორთან, მის კევე აღარ ახსოვდა ეს და, პროგორც ყოველთვის უთხრა კადეტებს. . »⁶

В переводе наблюдается смысловое несоответствие с оригиналом Голстой пишет что император «не поминал об этом» то есть он не забыл, помнил все просто не посчитал нужным упомянуть У Гитвинидзе же написано «აღარ ახსოვდა» «уже не помни», «уже забы» В нашем варианте перевода данного предложения мы

¹ Л. Н. Толстой Отец Сергей Изоранные повести М. 1953 гл. I с. 151

² ლ. ნ. ტოლსტოის მამის ხეობის თხზულებების კრებული, X მითხრობების თბ., 1966 თ. I გვ. 266

³ Словарь СРЛЯ Т XIV М. Л. 1963 с. 200

⁴ ჯარისკაცი ენის განმარტობის კლასიკური VI თბ. 1960 გვ. 673

⁵ Л. Н. Толстой, там же

⁶ ლ. ნ. ტოლსტოის თხზულებები 267

პოსტარა იწესი სოხრანიტ სმის იოვოე ი ემოციონალური სოდერჟანიე ორიგინალი «რეცეპტული კონსტრუქციები გავსილ ხადსეს ომპერატორთაზ მას უკვე უღარ უხსენებდა ეს და, როგორც უიუველიტის კითხრა კადეგურებს» Мы обращаем особое внимание на сочетание «აღარ უხსენებდა» соответствующее русскому «не помнит»

Чуть ниже мы читаем « а Касатский, помня прошедшее плакал с слезами и да и обет сжить любимому царю всеми своими силами»¹ - « კასატსის კორომელ ხაც არსიუელი გავსილ ხაც რეცეპტული კონსტრუქციები და აღთქმა დახლი ძაღლ-ღონე არ დაქმტრებინა ხაქკარელი მეფის სამსახურისათვის» Здесь мы имеем дело с подобной же рода неточностью что и в предыдущем примере Автор пишет что Касатский «помнит» прошедшее, переводчик говорит, что он «вспомнил» - «გახსენდა» «გახსენება» поминать, упоминать, напоминаят, вспоминать»² - читаем в грузинско-русском словаре

У нас есть и второе замечание относительно данного предложения Толстой пишет «плакал слезами» в переводе находим «ცრემლები გადმოსცივდა» - «покатилась слезы» Это своего рода стилистическое нарушение Прямым грузинским соответствием то истовской фразы является «ცრემლებით ტირიდა»

Наш вариант « კასატსი კორომელ ხაც, ახსენდა არსიული ცრემლებით ტირიდა და აღთქმა დახლი ძაღლ-ღონე არ დაქმტრებინა ხაქკარელი მეფის სამსახურისათვის»

Во II-ой главе повести там, где говорится о взаимоотношениях главного героя и его невесты, есть такое место « ему смотря нравственно снизу вверх на неё страшно было говорить «ты» этому ангелу»³ У переводчика мы находим следующее соответствие: « (ხეცვი) ხელიერად აღელსებელი რომ დაქუერებდა ქაღის, სამონიკლებად უეფენებდა ძქობით მიქართა ამ ანგელისათვის»⁵

¹ Л Н Толстой Отца Сергий II ორანიტ ოვსთი VI 253-11, 151

² ზ. ბ. ცუკხეიო ძამს სერაფიმი ხელტეიო ორანიტ VI X ძამს ოვსთი 1966 ო I 267

³ ზ. ხელტეიო ქართულ რუსულ დიქციონარში 1984 I 310

⁴ Л Н Толстой там же т II с 154

⁵ ზ. ბ. ცუკხეიო ოქსიო II 270

Перед нами неправильная интерпретация текста. В оригинале мы имеем «სიორა ნრავთენო სიკა ვერხ», а в Л. Титвинидзе читаем «სულეობად აღელვებულ რომ დაჰქუებდა». Если условно перевести на русский «სულეობად აღელვებულ» означает «душевно взволнованный» в то время как у Толстого речь идёт о нравственном превосходстве невесты над женихом. В русско-грузинском словаре мы читаем «Нравственно ხერობობად»¹

Как уже отмечалось мысль о достоинстве человека проходит через все творчество Л. Н. Толстого является главной в этой повести «Отец Сергий», где духовный мир главного героя его отношение к другим людям к жизни к противоположному полу основной сюжет вокруг которого развивается повествование. Руководствуясь этим мы и должны рассматривать перевод Л. Титвинидзе, к сожалению, не смогла правильно понять и выразить на грузинском языке мысль, заключенную в приведенной фразе. Между тем, разговор об отношении князя Касатского к женщинам начинается ещё с того момента კიბა ობოტონი იქნება как в России относилась к словам по мужская половина общества в середине XIX столетия «Касатский принадлежат к тем людям сороковых годов которых уже нет нынче к людям, которые сознательно допуская для себя и внутренне не осуждая нечистоту в половом отношении требования от жены идеальной небесной чистоты и эту самую небесную чистоту признавали в каждой девушке своего круга и так относились к ним»². Этим замечанием автор даёт понять, насколько духовная и физическая чистота были важны в девушке и как князь Касатский нравственно преклонялся перед своей невестой. В грузинском варианте мы не находим даже намёка на эту самую нравственность отчето ошибочным становится всё содержание данного отрезка.

Учитывая всё вышесказанное мы предлагаем свой вариант перевода данной фразы « (კასატკის) რომელიც ხერობად დაჰქუებდა სიკა ვერხ და აღელვებულ რომ დაჰქუებდა სიკა ვერხ ამ სიტყვით სიკა ვერხ ამ სიტყვით სიკა ვერხ »
Здесь мы постараемся сохранить основные нюансы оригинала и более точно передать

¹ სიტყვით ქართული ლექსიკონი თბ 1983 წწ 382

² Л. Н. Толстой Отец Сергий Избранные повести М. 1953 г т. I с. 153

как соержание, так и психологическая отрезка, тот стержень мысли, которую имеет в виду автор

Продолжая разбор перевода мест посвященных взаимоотношениям Степана Касатского и его невесты мы посчитали нужным остановиться на следующей грузинском варианте перевода фразы «этот месяц ю свадьбы с красавицей фрейлинной»¹ « ერთი თვეთ ადრე კიდრე უკარხ დასწერდა ხოლ ამხომ სახელგანთქელ ფრეილინასი »²

В переводе перед нами две неточности Первая эпитет «красавица» переведен как «ხოლამხომ სახელგანთქელი» Утеряна не только лаконичность по Глиннику (перевод одного слова словосочетанием) но и стилистическая обрисовка Грузинское «ხოლამხომ სახელგანთქელი» в русском звучит как «известная, знаменитая своей красотой». Между тем, «красавица» имеет несколько прямых грузинских соответствий «მშუენიერი», «ჭკუყა», «ღამისი»³

Фразой «უკარხს წკრე» переведена оригинальная «свадьба» В русском у этого словосочетания есть соответствие «венчание» как в грузинском так и в русском языках это узкое понятие подразумевающее церковный ритуал бракосочетания, одно из семи христианских таинств Понятие «свадьба» - более широкое, оно кроме церковного обряда подразумевает веселительный пир, песни, танцы и т.п. Может быть это не такая уж и страшная ошибка, тем более, что действие в повести развивается в I-ой половине XIX столетия, когда ни одна православная свадьба не обходилась без венчания, но на наш взгляд, в переводе должны быть ощутимы все оттенки мысли, проводимые автором

Наш перевод « ერთი თვეთ ადრე კიდრე ქლაძახუქ ფრეილინასი მშუენიერასი »

Как известно одной из важных задач перевода является правильное распределение акцентов присутствующих в подлиннике в противном случае, на

¹ Л. Н. Толстой Отец Сергей Избранные повести М. 1953 г. т. I с. 150

² ლ. ნ. თოლოსაი ძაძა ხ რედი თა ხ უკარხს თ ცემიღ. 1) X დოხინაბუბი თა 1966 თ. I გვ. 265

³ რუხუკ. I რთელთ დეკლარაციის თა 1983 წ. 272

другом языке он не сможет сохранить содержание, превратится в свободное переложение, потеряет самобытность В грузинском переводе нижеследующей фразы по нашему мнению, нарушено именно столь важное требование акцентуальной точности «Она положила свою руку на его умоляющим жестом»¹ - «ქალმა ხელს დაადო ვაჟის ვედრებით გამოაკლიდ ხელს»² У Толстого женщина пожимала руку «умоляющим жестом», в переводе - мужчина протягивает руку с мольбой То, на что сделан акцент в повести а именно на вину невесты Касатского - в переводе теряется

Наш вариант «ქალმა ძვედრებულს ეხეცათ დაადო ხელს ვაჟის ხელს» В этом случае сохраняется и оригинальное «жестом», утеряное в переводе Титвини (т.е. в то время как это слово широко используется в грузинском языке и его наличие в переводе не должно представлять трудности

Но добная неточность проступает и в переложении фразы «На другой же день он (Сергий) подал в отпуск и отставку и сказался бо́льшим чтобы никого не видеть и поехал в деревню»³ - «მკორე დღესვე (სერგიმ) შეუბკლება და სამსახერისან გადუდგომს თხოუი საქმეოფებს მისინზეხა და, რათა არავის შეხვეყნიდა, ხოფელდო წავიდა»⁴

В оригинале Касатский «сказался бо́льшим чтобы никого не видеть» в переводе он с этой целью уезжает в деревню Если говорить об адекватности и логичности перевода, то и кажущееся меточью несоответствие может иметь значение

Мы предлагаем наш вариант в котором сохранён основной мотив толстовской фразы «მკორე დღესვე (სერგიმ) ძეკბკლება და სამსახერისან გადუდგომს თხოუი ავადმყოფობა მისინზეხა, რათა არავის შეხვედროდა და ხოფელდო წავიდა»

¹ Л. Н. Толстой Отец Сергий Избранные повести М. 1953 г. II с. 155

² ზ. ბ. ციციანი ძამა ხელეფი თსუკრბანი საქმედი ე. წ. მისინებები თბ. 1966 თ. II გვ. 271

³ Л. Н. Толстой там же с. 156

Интересным представляется переложение следующего отрезка «Была известна своим дурным поведением барыня которая начала заискивать в Сергии»¹ «ყოფი ქროთ, თავისი ცუდი ყოფიქცევით ცხობილი მხნდილოსანი, რომელიც განსაკუთრებული სათხოვბით კაცყოფდა მას (სერგის)»²

В грузинском варианте неправильно переведено слово «заискивать», звучащее как «სათხოვბა». В русско-грузинском словаре читаем «Заискивать ტრეკლობა, პირფეციაობა, ღლაქცობა, დაცობა»³ В токовом словаре грузинского языка «სათხოვბა» имеет следующее разъяснение «სათხოვბა – სიკეთე, ღმობიერება, გულკეთილობა»⁴ то есть, по праву может подходить доброту, доброжелательность. В данном случае к слову «заискивать» более всего подходит грузинское «დაჯიჯი», так как писатель, наверное, имел в виду тот факт, что женщине отец Сергий нравился как мужчина а не просто как человек к которому они могли испытывать лишь «доброе чувство» лишь уважение как к духовному типу

Наш вариант перевода «ყოფი ქროთ, თავისი ცუდი ყოფიქცევით ცხობილი მხნდილოსანი, რომელიმაც დაჯიჯი სერგის»

Как уже было отмечено в повести один из персонажей – игумен монастыря в котором живёт отец Сергий - карьерист надевший маску духовного наставника строящий своё будущее на мнимой вере в Бога. Он вызывает явную неприязнь в Сергии. Вот этот отрезок и его грузинский перевод, к которому у нас есть веские замечания « великий соблазн для Сергия состоял в том что игумен этого монастыря, светский, ювкий человек, дежавший духовную карьеру, был в высшей степени антипатичен Сергию. Как ни бился с собой Сергий, он не мог преодолеть этой антипатии. Он смирялся но в глубине души не переставал осуждать»⁵ И Титвинице предлагает следующий перевод этого отрезка « უფიქვს ცუქნებას სერგისათვის წარმადკებდა იტყუები მის ცერისა, მაგალი საზოგადოების

¹ Л. Н. Толстой. Отец Сергий. Избранные повести. М. 1953 г. III с. 159

² ღ. ნ. ტოლსტოის შრომა სერგიის თხზულებების კომპლექტი. X დონხნობები თბ. 1966 წ. III გვ. 275

³ რუსულ-საქართველო ლექსიკონი თბ. 1983 წ. გვ. 178

⁴ ქართულ-რუსული ლექსიკონი ტ. VI, 1960 წ. გვ. 615

⁵ Л. Н. Толстой, там же

გაქნილი ადამიანი, რომელიც სასულეებო კარიერას იქმნის და რომელიც სხულს სერვის რანსად არ ებრძვის თავს, მაინც ვერ შეხსლო ამ სიძულვილის დათრგეკვა»¹

Использованное в переводе «სიძულვა» и толковское «антипатичен» разные понятия лишь в малой мере повторяющие семантическую нагрузку друг друга. Эти два слова антипатия и ненависть синонимичны по тоже воспринимаются различно «სიძულვილი - ძვირძალის არაკეთილგანწყობილების კრძობა მძულვარება (ხაზინისხრო - სიყვარული)»² вот каковы интерпретация представленная в толковом словаре грузинского языка. Прямым и точным соответствием лексической единицы «სიძულვილი» в русском является «ненависть»³ По нашему мнению, в грузинском лучше оставить «антипатичен». Выразить этим словом своё отношение к кому- или чему- либо как в русском так и в грузинском языках общепринято «ანტიპათია - ბერძ. «antipatheia» არაკეთილგანწყობილება კიბობი მისათ (ხაზინისხრო - სიძულვა)»⁴ «Антипатия употреб 16981 Череповльск «antipatia» Анти - «противо» - по образцу таких греческих заимствований как «антихрист» ныне ставится в начале созданных искусственно русских слов»⁵

В переводе, кроме того совершенно пропущена фраза «Он смирялся но в глубине души не переставал осуждать», то есть утерян целый компонент смыслового содержания. Такими отклонениями в передаче целостной картины произведение многое теряет. Толстой в повести уделяет большое внимание представленному моменту. Он не только выводит образ карьериста, но и подробно описывает отношение отца Сергия к нему.

Мы предлагаем следующий вариант грузинского текста, включающий в себя и пропущенное предложение «...ქდობის ცდენტებს სერვისათვის წარმოადგენდა იღუქვის მიხატვის, ძვალის ხსენებადებს გაქნილი ადამიანი, რომელიც

¹ ლ. ბ. ციციანიძის მისი სიტყვი თსიძულვა-ნი სიტყვათა დიქციონარი, X მითხრობები თბ 1966 თ III გვ. 276

² ქართული ენის დამარტკობის ციციანიძის VI თბ 1960 გვ. 1107

³ დ. ნ. ბ. ციციანიძის ქართული ენის ციციანიძის 1984 გვ. 1185

⁴ ქართული ენის ციციანიძის ციციანიძის 1980 გვ. 509

⁵ М. Фасмер, этимологический словарь русского языка Г. И. М. 1986 с 79

სახელს იქნენ კარიერას აკეთებდა და რიგგარეშე ძლიერ ანტიკათოლიკურ აქტივს ხერხობდა რანაირად არ კბრძოდა თავს სერგი, მისინც ვერ ძლიერდა ამ ანტიკათოლიკურ იდეოლოგიას მიმართული კოლექტივის, მაგრამ სკოლის ხელმძღვანელს წყალობა ვაძლევდა»

Перевод фразеологизмов и религиозной лексики

В повести, где основное место занимает религиозная тематика, особенно важно как переведены церковные гермины, выражения из церковно-монашеской жизни тексты молитв, а также фразеологизмы. Адекватный перевод (анного материала во многом обеспечивает успех произведения на ином языке поэтому мы постараемся быть особенно внимательными и, вместе с критическими замечаниями, отметим и успехи перевода

Разбор начнём с той части произведения в которой используются устаревшие слова, которые уже во времена Л. Н. Толстого употреблялись редко большей частью для достижения необходимых ассоциаций. Хорошим примером того служит речь купца обращённая к Сергию в которой он просит его излечить свою болящую дочь

« - Отец святой батюшени шерь мою болящую, исцели от боли недуга Державу прибегнуть к святым стопам твоим»¹

Как известно современная теория и практика перевода придерживаются правила что переложение по своему языковому оформлению должно соответствовать требованиям той эпохи которой оно принадлежит и как можно в меньшей мере использовать архаизмы и высокопарные стили, если нет абсолютной необходимости этого

¹ Л. Н. Толстой Отец Сергий Избранные повести М. 1953 г. т. VII с. 179

В конкретном случае на наш взгляд, мы имеем дело именно с подобной необходимостью, и в переводе сохранение высокого стиля – удачное решение проблемы. Этим для грузинского читателя становится понятен настрой речеупотребления тот эффект, которого купец желал достичь в выражении своей просьбы: своей старательности, обязанности и почтительности перед Сергием. Нужно иметь в виду и то, что слова «дщерь» «нежить» «перзати» «стопы» уже в конце XIX столетия вошли в состав «высокого» и писатели намеренно вводили их в повествование.

И Тигвинидзе несомненно учла все это и представила вполне соответствующий вариант, что заслуживает уважение к её переводчику. Вот её перевод: « - წმინდას მამას, დაღლიცუ ჩემი აკადემიოჲს ქაღალციჲსი, ვანკურნი ოგო კრკაღ განვერთხა მეხს წმინდა ფიქროს ქვეშ »¹

Хотя, нужно отметить и то, что стилистически в последнем отрезке перевода более закончен, чем оригинал «испали от бои недуга» на грузинском вышла ит «ვანკურნი ოგო» хотя это не портит общий уровень перевода.

Вот другой пример хорошего перевода « (Сергий) стал читать молитвы креститься и кланяться «Неужели о др сей мне гроб будет?» - читал он»² – «(სერგი) ისევე ხატვება დაოცების კითქახა და აინჯვრის წყნახ, თან წკლდი ოდრისიხდა «ჩუთჲ ხარკველი ესე ხაძარჲ იქნება ჩემთვის?» - კითხვილდა ოგო»³

Перевод, на наш взгляд, полностью соответствует оригиналу. В нём сохранено художественное своеобразие и достоинство семантическая и стилистическая точности. Так, слово «о др», имеющее в грузинском прямое соответствие «ხარკველი», в данном контексте вполне уместно. В русско-грузинском словаре читаем: Одр – ხარკველი იეჯი ნა სმრთი ოძრე – ხანოკველი ხარკველქი ქვეს». В словаре современного русского языка же к слову «о др», кроме других

¹ სერგი და სერგო თს ხელუბანი ატმად ი. X მთხრობები თბ 1966 თ VII გვ

² Л. Н. Толстой Отец Сергий Избранные повести М., 1953 г. V с 165

³ სერგი და სერგო თს ხელუბანი ატმად ი. X მთხრობები თბ 1966 თ VII გვ

⁴ სერგი და სერგო თს ხელუბანი ატმად ი. X მთხრობები თბ 1966 თ VII გვ

приложено и следующее разъяснение « говорят о постели, ложе больного и умирающего - «Стрелялись мы./ В крови упав./ Навек я думал мир оставить С одра востал я телом здоров / Но сердцем болен / Барат Бал»¹

1 Толстой под словом «одр» подразумевает именно ложе для последнего успокоения, ведь тут же фиксирует и «гроб». Последняя лексическая единица в грузинском варианте повести звучит как «მძინარე» то есть «могила» (вместо прямого «კუბი») Мы думаем что такая замена оправдана смыслом, а художественный эффект выше

Ещё одно достоинство перевода данного отрезка состоит в том что оригинальное «сей» переведено как «ესე» Согласно словарю, кроме указанного варианта «сей» можно перевести и просто как «ეს»,² но Гитвинидзе использовала именно «ესე» - для данного случая стилистически и эмоционально более оправданную форму

Интересен и следующий перевод «(სერგიმ) კახობი რომ ნაკობი სახარება აიღო, გადაძალა და სწორედ ეს ადგილი შეხედა, რომელსაც ხშირად იმეორებდა და ხეობად იცნო ამწამს, უფალო, შევეცადე ურწმუნოებას ჩემსას».

Грузинский текст совершенно идентичен русскому, в нём ничего не пропущено, сохранён каждый нюанс канонически звучаг молитвенные слова Вот подлинник «Прочтя правила он (Сергий) взял евангелие раскрыл его и напал на место которое он часто твердил и знал наизусть «Верую господи, помоги моему неверию»³

¹ Словарь БЛЯ Т VIII М Л 1959 с 717

² რუსულ-ქართული ლექსიკონი თბ 1983, ს 679

³ ლ. ნ. ტოლსტოის ძალა სერგიის სუფილისათვის (X ძეგლი) თბ, 1966, ს VII 282

⁴ Л. Н. Толстой Отец Сергий Избранные повести М 1953 г т VII с 165

В V-ой главе повести гам, где Маковкин старается войти в келью старца и соблазнить его, есть выражение «Ради Христа» (женщина обращается к Сергию с просьбой выпустить её). В грузинском оно переведено как «დღუთს გუღოხსოფის» И в русском и в грузинском языках это фразеологизм имеющий соответственный конкретному языку вариант. Ради предков (употребляется с родительным падежом) с какой-либо целью, в интересах кого-либо (из-за) или по какой-либо причине. Восклицание, выражающее усиленную просьбу «Ради Христа, дай мне умереть спокойно» - сказал он. Л. Толстой «Смерть Ивана Ильича»¹ Но, если в русском есть ещё и форма «Ради Бога» то в грузинском имеется лишь «დღუთს გუღოხსოფის» «ქრობის გუღოხსოფის» здесь неупотребительно, язык не принял эту форму она нарушает его методичность. Поэтому перевод полностью адекватен, найти другое соответствие практически невозможно.

Интересен переводной изъяснитель представленных в прозаическом «Во имя отца и сына, и святого духа»² Это перифраз слов Евангелия от Матфея «Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа»³ У Толстого наблюдается явное отклонение от исходного текста. В каноническом варианте Троица упоминается с большой буквы отца-Отца сына-Сына, святого духа-Святаго духа. В последнем случае имеется несоответствие иного плана. Библиейской формой является «Святаго Духа» в слове «Святаго» стоит буква «а» - писатель совершенно преобразил выражение.

Независимо от того что оригинал отклонён от правила, в переводе нормированная форма молитвы полностью сохранена. Между грузинским изданием Библии и вариантом Гиншидзе расхождений нет «ახსენებთ მამისად, და ძისად და სულისად წმიდისად»⁴

¹ Словарь СРЛЯ Т XII М Л, 1961 с 57

² Л. Н. Толстой Отец Сергей Избранные повести М. 1953 г т X с 172

³ Библия Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета Евангелие от Матфея XXIII 19 М. 1988 с 1053

⁴ დიდუბის სასახლის წიგნი, ტომი XXIII 19 მე 1989, გვ 990

Теперь мы хотим указать на серьезные несоответствия между оригиналом и переводом при передаче религиозных текстов. Известно, что церковная лексика несет в себе духовное языковое и эстетическое богатство конкретного народа. Несмотря на то, что и русские, и грузины являются православными их этнокультура различна, что проявляется вместе с другими категориями и в языке. Поэтому точный подбор лексики согласованный с контекстом стилем локальной семантической нагрузкой очень важен в процессе выполнения перевода. Быть адекватным в таких случаях удается не всегда. Наглядные примеры чего мы находим и в переводе Л. Питинице:

«После ужина отец Сергий стал творить умственную молитву «Господи Иисусе Христе, сыне божий помилуй нас»¹ «უკნობის შუბი ეს მამ სურთ რადგან კვირებურ ღმრთის თხზულად «კუდაღო თხი ქრისტე ძეო ღმრთისო, შებოწყადე ჩვენ.»²

Перевод несколько расходится с оригиналом. Так, русскому «умственной» не совсем соответствует грузинское «კვირებურ». Может быть автор имел в виду то, что здесь Сергий сам сочиняет молитву, не каноническими, а своими словами обращается к Богу, прося у Него исполнения того, что лежит на сердце. Или может здесь подразумевается и другое значение этого слова «Умственный – иметь в мыслях, думать, совершать что-либо мысленно, не записывая, не произнося». Поэтому в данном случае стилистически лучше писать «კვირებური» который является точным соответствием слова «умственной»⁴.

Кроме того, слова молитвы, которые у Тогостого звучат точно по-церковному, в грузинском варианте не являются дословным повторением церковно-молитвенных слов, а переведены непосредственно с повестки, что тоже является нарушением

¹ Л. Н. Голубой. Отец Сергий. Избранные повести. М. 1953. т. II с. 180

² ღმრთის შებოწყადე ჩვენ სურთ. ამ სურთსა და X წიგნის ბეჭდის თბ. 1966. თ. VII გვ. 278

³ Словарь СРЯ Т. XVI М. Л. 1964 с. 571

⁴ ტუბი, უკნობის შუბი, კვირებური. 1983. გვ. 793

Канонической формой грузинской молитвы является «უფალო იესო ქრისტე, ღმერთო სკნის, მკაცრად აღმსარებელი»¹

Наиболее художественно оформленной молитвой в повести является обращение отца Сергия к Спасителю с просьбой спасти его от больше всего мучающего греха — греха савы подской. Молитва представляет собой синтез канонической религиозной лексики и слов включённых в неё Сергием для выражения своих мыслей «Госпои парю несомный утешителю, истине истины приди и вселися в ны, и очисти ны от всякия скверны и спаси, блаже души наша. Очисти от скверны саван подской, оуревающей меня»² «უფალო მკაცრი ცხოვრებას მისცემელი, სკნის კემარებო, ძელი დასაფარებ ნემსი, განმწმინდე უფელი ბორბობისაგან და იხილი სკნის ნემსი განმწმინდე ადასიანური განდიდების ბორბობისაგან, რისკლბა, მთავრა სკნის ნემსი»

Несмотря на то что перевод в общем не точен, у нас есть определённые замечания

Первое в подлиннике к Всемишнему обращаются от множественного числа и лишь в конце, когда Касатский непосредственно говорит о своём грехе — о славе людской — он молится от себя. До того он всегда говорит «ны» — «нас» а не «мя» — «меня». Чтение молитвы от множественного числа независимо от того — один человек — делает это или группа лиц — являя христианская традиция. Пример того дал Христос своим «Отче наш». Тот же следует этой закономерности в своём произведении

Второе в грузинском варианте пропущено «блаже», которым Касатский называет Господа. Это — краткое прилагательное от блаженный — «счастливый испытывающий полное удовлетворение». Исходит от церковно-славянского и древнерусского «блаженъ»⁴. На грузинском оно звучит как «ბკბანი»⁵. Встречается и в

¹ ღმერთო სკნის მკაცრად აღმსარებელი — 1994 — 5

² Л. Н. Толстой. Отец Сергий. Избранные повести. М. 1953 г. VII с. 180

³ ღმერთო სკნის მკაცრად აღმსარებელი — 1994 — 5

⁴ Словарь СРЯ Т. I М. Л. 1950 с. 499

⁵ ბკბანი — 1983 — 46

представлено у Тигвинидзе «ფიციქრობის»¹ б». Вообще прямым грузинским соответствием «скверны» является именно «ქუბდებობა». Но там же Сергий просит очистить его от скверны славы людской – на наш взгляд переводчиком сделан правильный выбор. Скверны разумеется есть ни что иное как зло, семантически одно слово свободно может быть замещено другим в смысле художественном же в этом случае более оправданной нам представляется именно «ფიციქრობად». Кроме того что этим достигается более высокий художественный уровень мы избавляемся и от явной гафтологии: несмотря на то, что сам Голетой не только в «Отце Сергии» но и в остальных произведениях очень часто повторяет одни и те же слова. Но в перефразировании данного отрывка, повтор не объяснен: особой нагрузки конкретное слово не несёт.

В V-ой главе произведения, там где говорится об искушениях следующих за Сергием, есть такое место: «Боже мой! Боже мой! – думал он – За что не даёшь ты мне веры? Да, похоть да с нею боролись святой Антоний и другие: но вера! Они имели её, а у меня вот минуты часы, они когда нет её!»² В переводе читаем: «დებრთო ჩემო! ღმერთო ჩემო! ყოქრობდა აკო რატიმ არ მინებდა რწმენას? დე, ადხეველი ხორცი ძახ კბრძიდა ღმინდა ანტიო და სხვებოც, მაგრამ რწმენა? ძათ ღქიხდათ რქქნა ძე რ. აო, ბადობ წუქობო, ხათობო, დღეობო რა ვერ კბო ქლი ბძა!»

Здесь явное семантическое расхождение с подлинником: У Голетого определённые промежутки времени когда «веры нет» после которых она обновляется в Сергии. У Тигвинидзе же получается, что у героя веры нет никогда, что он вообще не может её найти: «აო ვადობ ღქობო ხათობო, დღეობო რა ვერ ვპოულობ ბძა». Такое смысловое нарушение тем более не логично, когда речь идёт о монахе, посвятившем, по крайней мере, желаям посвятить жизнь служению религии: основной концепцией которой как известно, есть ни что иное как вера.

¹ Л. Н. Голетой. Отец Сергий. Избранные повести. М. 1988. т. V. с. 165.

² ზ. ბ. ტყე ხორთ ბძის ხებობა თ ხელები ძათ რქქნა. X, წიგნბობო თბ. 1966, თ. V. გვ. 281.

Второе замечание относится к слову «похоть», которое у переводчика звучит как «დედ. აღზნედექს ხარცო» Если точно передать содержание этой фразы на русском, получается «плоть поднимает голову» Очевидно и стилистическое несоответствие – вместо одного слова «похоть» которое в грузинском имеет прямой эквивалент «აფხორცობა»¹ перед нами целая фраза которая мешает законности изложения присутствующего в оригинале

Наш перевод «*დღერითი ხეისა ღმერთთ ხემო - ფიქრობდა აბო - რატომ არ ძომცემ რწმენას? ხოდა ვხიბრებდა ძახ ებრძოდა წმინდა ანტონი და ხხეებოც. მაგრამ რწმენა მათ ქონდათ რადემა მე კი, აი, არის ა ქუფობი. ხადიკოს დედები, როცა რ მსკი ის*

Интересен следующий перевод «*რა დაგმართათ, მამო ხერგო წყენი მწყალბიკლო! უფლო ხეენო! გაისის დადოკუების ხმა ფერო აღარ გადეო!*»² Л. Гитвины так перевел ординарное «*Что с вами батюшка отец Сергей! Голубчик! Господи! заговорили ты ося женщины Как платок стали*»³

Наше замечание состоит в том что на грузинский язык слово «*აფხორცობა*» переве тено как обращение к отцу Сергию Такое обращение к смертному человеку будь он даже монахом чудотворцем, – неизвестно Издревле по традиции веками передающейся от поколения к поколению этим словом обращались только к Богу Царю Небесному Этот обычай сохранялся как в России так и в Грузии «*აფხორცობა ღმერთთ ხემო!*»⁴ - находим в русско-грузинском словаре

Однако, кроме прямого обращения к Богу, этот фразеологизм выражает «нежелание или опасение возможной беды»⁵ Наверное, именно в этом контексте и употребляет его в данном эпизоде писатель так как перед нами картина, в которой отцу Сергию стало плохо и окружающие женщины опасаются за его здоровье Непосредственно перед фразой которую мы рассматриваем идут слова «*он*

¹ რუსულ ქართულ ლექსიკონი, 1983, 553

² ლ. გიტვინის თარგმანი, 1983, 117 გვ. რ. "საქართველოს მწერთა კავშირი", 1983

³ Л. Н. Гитвиной Отец Сергей И другие повести М. 1985, с. 116

⁴ რუსულ ქართულ ლექსიკონი, 1983, 185

⁵ Словарь СРЯ Т III М Л 1954, с. 332

(Сергий) пошатнулся и упал бы, если бы стоявший за ним купец и за ним монах служивший за дьякона, не подхватили его»¹ Восклицанием «Господи!» выражен страх за Сергия

Примерно такое же разъяснение мы находим и в гомеровом словаре грузинского языка «ღმერთი ჩემო - ჩართკლი ხორეყაა, გამოხატულის \(\chi\epsilon\mu\delta\epsilon\lambda\sigma\), გაკვირვებას, გაოცებას» Но, по нашему мнению, писать в переводе «ღმერთი ჩემო» здесь неуместно перед нами многочисленная толпа, которая не может обращаться к кому-либо от себя в единственном числе Поэтому в переводе лучше использовать словосочетание «ქვეყნის მკვირვებელი» - «Господи помилуй»

Мы предлагаем следующую перевод «ნათაგემართათ, მამონ ხერვათ ჩემო, მწველობკლით ქუდალო, მკვირვებელი - გახის დედაკაცების ხმ - ფკრო აღარ გადუკო»

Перевод должен точно отражать все оттенки смыслового содержания и переживаний действующих лиц в том числе и сомнение выраженное в тексте Но к сожалению в нём в иных случаях над подается как смысловое, так и акцентуальное расхождение с оригиналом К примеру «ხელკბი გუდ ხე დაიკრიფა და ცოცხის მოხვეა ბკლბ ქლბი ისკი გაღობდნენ ხათო ზეღ დაფორინდა და ვეფახე აავოცდა მან გადმოაგდო ხოცა ათქნებ ეს არის თვა? ძე რომ ხე ქსეკუნებ გარუდან დაქვიღო ხახლს ეს არის გასადუბი ხახლისა და ძე მკმქდლო მუხილა თვა ეს გახადუბი - ბუღ ბუღუბი, ხეჭოუბი, ბუნება»³

Приведённый абзац является переводом с ведущей отрезка «И он сложил руки и стал молиться Соловьи заливались Жук палтел на него и попоиз по затылку Он сбросил его «Да есть ли он? Что как я слышу у запертого снаружи тома Замок на двери и я мог бы видеть его Замок этот соловьи жуки природа»⁴

¹ Л Н Толстой Отел Сергий Избранные повести М 1953 т VII с 176

² ღმერთი ჩემო - ჩართკლი ხორეყაა, გამოხატულის \(\chi\epsilon\mu\delta\epsilon\lambda\sigma\)

³ ღმერთი ჩემო - ჩართკლი ხორეყაა, გამოხატულის \(\chi\epsilon\mu\delta\epsilon\lambda\sigma\), გაკვირვებას, გაოცებას

⁴ Л Н Толстой там же с 165

С самого начала перевод отклоняется от оригинала «И он сложил руки» «**ხელები გუელზე დაიკრიბა...**» В грузинском варианте получается что персонаж сложил руки на грудь, в то время как в произведении речь идёт о сложении рук в позу, в какой совершается молитва. Мы думаем, что здесь лучше писать «**ხელები შეაერთა**» именно «сложил руки». Далее переводчик даёт неправильный акцент представляя в образе Бога жука, вместо того чтобы найти подходящее соответствие фразе «**Ты есть ли он?**» Отец Сергей задаётся вопросом о реальном ли Бога. Этот момент совершенно утерян у Титвинидзе и показано сомнение утаскавшего отце паника. Это потом уже Сергей думает о природе как о божественном. То же сияющие припадает при отсутствии в грузинском тексте словосочетания «**что как**». Переводчик как бы опережает думы отца Сергея отсюда о дальнейшем несоответствие «**замок на двери и я мог бы видеть его**» - «**ეს სახის გახედობი ხახლისა და ქუ შექმნლა მუხილა იცა**». Грузинское «**ეს**»-«**ის**» - результат предшествующей неточности.

Кроме того несоответствие наблюдается и в переводе словосочетания «Соловьи залились» Перед нами опять русское фразеологическое выражение которое несмотря на то что в грузинском тоже является таковым и имеет точное соответствие. Л. Титвинидзе переводит как «**კლბულები ისევ გლობდნენ**». В русско-грузинском словаре находим следующие перевод фразеологизма «**соловей залился песней** - **ბუღბუღდა ხტყინა გააბა**»¹ Следуя данной формулировке, мы предлагаем собственный вариант исходящий из контекста «**Соловьи заливались бугуб, კლკობი გაბობი ხტყინდნენ**»

Таким образом, мы постарались учесть всё то что нам представляется неверным у Л. Титвинидзе и предлагаем наш перевод. «**(ხერგიმ) ხეცები შეაერთა და დიაცის მისივე ბეჭატელები კაბშით ხტყინდნენ ხატო ზეც დააფრინდა და კეცხე აცხვას მან გადისაგლო ხოცო «არხტეობს კი ის? ძამინ რა თუამე გარდას ჩაკეტულ ხახლს ვუკუკებებს ხაკებო კარზეა და მე შექმნლა მუხილა იცა ეს ხაკებო - ბეჭატელები ხტყილები ბინება»** Представление с

¹ რუსულ-ქართული ლექსიკონი თბ., 1983, გვ. 184

природе как о божественном начале приходит к Сергию постепенно, по ходу развития его мыслей

Неадекватность проступает и в переводе конца повести где старец соблазняется дочерью князя Но, в отличие от утери переживания сомнений в нижеследующем абзаце сомнение в грузинском варианте проступает там где оно не фигурирует в подлиннике

«Она взяла его руку и поцеловала её а потом одной рукой обвила его за пояс и прижимала к себе»

- Что ты? - сказал он - Марья Ты дьявол!

- Ну, авось ничего!

И она обнимая его села с ним на кровать»¹

«მან ხელი მისი კიდე სერგის ხელს და აკოცა ძვერ ერთი ხელი ო ველხე მოხკისა და ზედი მოიკრა»

- რას ხედავხარ? - საბნისათვის მძის სერგიმ - მარია, შენ ეშმაკი ხარ?

- არა, ღმერთმანო არაფერია!

ქვედა ხელი მისი კიდე მისთან ერთად ჩამოუკდა ხაწოვს სი»²

Всё дело в одном знаке препинания В оригинале Сергей уверенно «с точкой» обращается к Марии, точно зная что она «дьявол», соблазняющий монаха У Титвинидзе же на конце фразы «Марья Ты дьявол» - стоит не точка которая, сама по себе, не несёт никакого сомнения а вопросительный знак «მარია შენ ეშმაკი ხარ?» Создается впечатление, что Сергей в сомнении и хочет узнать у самой соблазнительницы дьявол ли она От этого факта в грузинском тексте совершенно меняется не только эмоция вложенная в текст но и вся семантика На самом деле отец Сергий не задаёт никаких вопросов он уверенно следует за действительной и не противяется тому что происходит

¹ Л. Н. Толстой. Отец Сергий. Избранные повести. М. 1953 г. VII с. 182

² ღმერთმანო ჩემი ხელი მისთან ერთად ჩამოუკდა ხაწოვს სი. X მითხრობენ თბ. ტ. 1. ს. 111 გვ. 300

Наше второе замечание к представленному отрезку таково: насколько правильно звучит грузинское «ღმერთმანი» «ей-богу»¹ на месте оригинального «авось» - «ეცაჲ კაცების იქნებ, ვის იცის»² В голковом словаре грузинского языка написано «ღმერთმანი (წარმ ძე ქართუდ იქ ან «ღმერთმან იცის» 'მკითხვედითა და მკაცრითა), ძველად - ფიცი იყიდა ხეივ, რთქიხაც უხიდა ი ვინძი დაერქმევიანთა ია ვისი ხომარულედი»³ То есть, это слово – своеобразная клятва и, в представленном случае никак не соответствует слову «авось» которое с ним ни общего ни имеет. Выражения «ей-богу» и «авось» - фразеологизмы выражающие различные эмоции как в русском так и в грузинском языках.

Мы предлагаем такой вариант перевода:

«მან მისი (სერგის) ხელი აიღო და აკოცა მკრე ვრთი სკა: წუელსი მთხვია და ზედ მიიქრა»

რას ხადისხარ? - წარმოსთქვა სერგისი - მართა: ქენ ვემე კი | ღ
არა კმაქს ანაკურთა

ქელმა სკლი მიიქრა და მისთან ერთად ჩამოუდა საწოლსი»

Полюбную источность мы находим до этого « он думал, что это на разные дьявола (сомнение и похоть) и боролся с ними порознь»⁴ У Л. Титвиниш читаем «... მის ეგონა, რომ ეს ერთ სხადახხეკ ბორტუება და სხვადახხეკებარად ვბრძოდა მათ»⁵

Грузинское «სხვადახხეკებარად» представляет собой неверный перевод русского «порознь», фигурирующее у Л. Н. Толстого «სხვადახხეკებარად» - иначе по-разному различно»⁶ - находим в грузинско-русском словаре. Слово «порознь» несёт совершенно иную семантическую нагрузку и на грузинском языке имеет

¹ ღმერთს სკა ი ქართულ რქს იქი სკაქი მისი თბ 1981 გვ 1363

² ღმერთს ქართულ რქს იქი სკაქი მისი თბ 1983 გვ 20

³ ღმერთს რქს იქი სკაქი მისი თბ VII თბ 1962, გვ. 452

⁴ Л. Н. Толстой Отец Сергий Избранные повести М 1953 т. V, с 164

⁵ ღმერთს სკა ი ქართულ რქს იქი სკაქი მისი თბ 1981 გვ 291

соответствие «(ვალ-ვალეკე)»¹ то есть отдельно друг от друга совершаемы два или несколько действий

Кроме того, вместо «ვერხა» лучше писать «ფიქრობდა» в переводе лексической единицы «უმად» «ფიქრობდა» в грузинском имеет более отточенный оттенок уверенности, в то время как «ვერხა» выражает некоторое сомнение а в данном случае оценка сомнения не

Таким образом мы предлагаем следующий перевод «**ოგი ფიქრობდა, რომ ეს ორი სხვადასხვა ბინიკებია და ვალ-ვალ, ლეკ ებრძოდა მათ**»

Одним из ключевых моментов повести является эпизод, в котором еще не стои известное старца отшельника, живущего замкнутой жизнью и соблюдающего все требования такого быта ещё находящегося в силе для светлых минут и чистой молитвы пытается соблазнить светская девушка Маковкина Сергей не поддаётся искушению Помня завет Христа и считая себя обязанным перед Царством Божесным отец Сергий говорит женщине «Милая сестра за что ты хотела погубить свою бессмертную душу? Соблазны должны войти в мир, но горе тому, через кого соблазн входит»²

На грузинском мы читаем следующее соответствие этого многозначительного увещания «**საყუარელი დაბ, რატომ ვინდოდა დავუღუპა შენი ქვედავი სული? (დუნებანი მრავლად არიან ქვეყნად მაგრამ ვაი იმას, ვისაქ ქუშინაც დაისადგურებს იქ)**»

В переводе два значительных расхождения с оригиналом Первое то что, соблазны входят в мир а не изначально пребывают в нём то есть, неточен перевод «**ვალ-ვალეკეანი მრავლად არიან ქვეყნად**» фразы «**соблазны должны войти в мир**» «**Должны войти**» - «**ქინდა ქემოვინებენ**» И второе, соблазн, согласно повести, имеет тенденцию распространяться а не просто останавливается и живёт в душе кого-либо

¹ ტრუსკა ქრონიკის ქრონიკის 1983 წ. 542

² Л. Н. Толстой Отец Сергий Ибренные повести М. 1953 წ. V с. 171

³ ლ. ნ. ტრუსკა ქრონიკის ქრონიკის 1983 წ. 542

Отсюда неверный перевод «ვის ხელშიც დასხდკერებს იცოთ პრახენია «через кого соблазн входит»

С юбо «დასხდკერებს» имеет следующее русское соответствие «посетить помешать»¹ Полное разъяснение даётся в толковом словаре грузинского языка «დასხდკერებს - ხელსეგრებს იმდგომს, ბიხის მიხენს დიხბეუბა დამეუდრება. დ ხსდკ'»² Исходя из этого наиболее адекватный грузинский перевод фразы «через кого соблазн входит» - «სხდანც; ცდკება შიხი ხს»

Таким образом мы предлагаем собственный грузинский вариант «ს ქარული დო, რატომ გინდდა დგუქის ძენი კეკლავი სელი? ცდკებახი უნდა შემეფიანდნენ დამქიქნიერ ცხუქრადო, ძიცრამ ვაი იმსხ, ვისდანც ცდუნება შემეფის»

В VI главе повести где говорится об отце Сергия как о цителе к больших встречается следующее предложение «Мать уснула с сыном и через месяц мальчик выздоровел и по округе прошла слава о святой целебной силе старца Сергия как его называли теперь»³ В переводе читаем «დეკა-შვილი წკიდნენ ერთი თვის შემდეგ ბიჭი განიკურნა და მთელ მხარეს მთელი დიდება წმინდა ბერისა - ახლა ახე ეწოდებდნენ ძამს სერვისი»⁴

Начнём с того что в переводе этого образа совершенно пропущена фраза «целебной силы» которая на грузинском языке звучит как «მკურნალი ძადა», а слово «წმინდა» - «святой» - переведено как определение к слову «старец» «წმინდა ბერის». От таких изменений текста произведение сильно страдает и на другом языке не вызывает у читателя тех ассоциаций которые вызывает оригинал.

Далее, с ювосочетание «проникла слава» переведено как «მთელი დიდება» В данном случае мы опять имеем дело с фразеологической единицей которая требует адекватной передачи, тем более, что грузинский язык очень богат фразеологизмами и

¹ დ ნების-შვილი კარბი ქარული დო კეკლავი სელი თბ 1954 გვ 407

² ჭრთუქის ენის განმარტების დამკვირვებ ც III თ 153 ბა 65

³ Л Н Толстой Отец Сергий Изыранные повести М 1953 т VI с 173

⁴ დ ნ ტოლსტოის ძალს ხერვა თხზუქნი ნოთოთი ქს ც X ჩიხინებები თ 1980 თ VI გ 290-291

Наш перевод: «დედა-შვილი წავიდნენ ერთი თვის შემდეგ ბიჭი განიკურნა და მიუღო მხარეში და ქცეულა. მის წმინდა მკურნალო ძალისა ხუცესი სერგის როგორც ახლა კლოდეტის ქმის»

Такого рода замечание у нас и к следующей за этим фразе «Так прошло девять лет в монастыре и тринадцать в усинении. Отец Сергий имел вид старца»¹ Здесь тоже «старец» переведён как «ბერი» «ასეც კი ახარა ცხრა წელმა მონასტერში და ცამეტმა წელმა განდევნილობაში მისა სერგის ახლა უკვე ბერის შესახედობა მქონდა»²

В переводе опять остаётся вечным о чём идёт речь – просто о монахе, или о монахе уже пожилом. Если же переводчик при использовании слова «ბერი» имеет в виду возраст героя, то эта фиксация того факта, что этот пожилой человек к тому же опшешანი, теряется.

Известно, что смысл слова в художественном произведении никогда не ограничен его прямым номинативно-предметным значением. Буквально понимание слова часто обрастает новыми, иными смыслами и соответствиями. В контексте всего произведения, находясь в тесном взаимодействии, выражения приобретают разнообразные смысловые оттенки, воспринимаются в сложной и глубокой перспективе целого, с ситуацией положением действующих лиц, с общими замыслом произведения. Здесь важную роль играет семантическая дифференциация синонимов и их сопоставление.

В отмеченном случае в отличие от предыдущего использование лексической единицы «ბუცი»³ в переводе оригинала «старец» по нашему мнению не совсем соответствовало бы контексту. Поэтому, здесь мы пишем «ბერიცაჲცო» – «старец» имея в виду более возрастную категорию, так как Толстой в данном случае подчёркивает пожилой возраст Сергия, создаёт зрительный эффект «Борюга у него была длинная и седая но волосы хотя и редкие ещё чёрные и курчавые»⁴ рисует он портрет своего героя.

¹ Л. Н. Толстой. Отец Сергий. Избранные повести. М. 1953. т. VI с. 173.

² დედა-შვილი დასი ქცეული მხარეში დასი, მონასტერში დასი, ცამეტმა წელმა განდევნილობაში დასი. X. მონასტერში დასი 1966. т. VI გვ. 291.

³ Л. Н. Толстой там же.

Поэтому мы переводим «*სუბიექტის ცხრა სუბიექტის დიდი და ცამეტმა*» – «*სუბიექტობაში მისი სუბიექტის ხელს უწყვეტ ბრძოლის შესახებ*» *სუბიექტობაში*. Мы думаем, что таким образом более адекватно передается смысл фразы.

Вообще, религиозная тематика и феномен аскетизма довольно сложный материал и требует глубокого знания предмета со стороны писателя который несмотря на то, что даёт художественное оформление всему и представляет объект с собственной точки зрения, обязан считаться с определёнными нюансами в перечислении фактов. Тем более серьёзно должен относиться к тому переводчик который кроме литературно-переводческих закономерностей где это возможно, обязан исходить из канонического богословия например, при описании монашеского быта одежды служб произносимых молитв.

Учитывая всё вышесказанное адекватный перевод грузинский повести Л. Н. Толстого, включающей в себя достаточно церковных монашеских терминов и выражений, а также молитвенных слов вполне возможен. Это касается и тех частей повести, в которых присутствует слово «срещ» и нужно отметить что Л. Титвинидзе, в общем справилась с переводом хотя в грузинском тексте прокрались отдельные неточности а иногда и фактически ошибки.

***

В итоге наших сопоставлений надо отметить что перевод повести выполненный Ларисой Титвинидзе в основном точен но в нём есть места которые нуждаются в серьёзной коррекции, в выправлении стилистических местами пунктуационных ошибок, в художественном уточнении. Разумеется, от перевода не требуется дословности и тем более, буквализма. Как известно, достичь полного соответствия с оригиналом – дело очень сложное, но насколько это возможно без ущерба художественной стороне, перевод должен быть адекватным и сохранять колорит оригинала, желательна невозможная степень адекватности перевода, что лишь частично удалось переводчице.

Нельзя не отметить, что в данном переводе есть места, которые действительно сохраняют всё своеобразие подлинника, его настроение, сложные обороты речи автора, идентичность с его эстетической ценностью

Своеобразие формы присущее повести «Отец Сергей» непременно должно быть перенесено на грузинский язык. От переводчика требуется, чтобы он передавал адекватно, то есть с максимальной объективностью и точностью идею произведения стремился воссоздать семантические особенности произведения. Но требуется также воссоздание художественных особенностей оригинала его стиля и манеры писателя выражать мысль

Заключение

В завершении нашей диссертации мы можем подвести некоторые итоги, которые логично вытекают из всего того, о чём говорилось выше.

Повесть Льва Толстого является замечательным материалом для исследования как с художественной, так и с философской точки зрения, так и в отношении перевода «Отк. Сергей» довольно сложное произведение, требующее серьёзного знания и детального уяснения нюансов, тем более что эти нюансы переносятся на другой язык.

В повести изображён характерный для русской литературы XIX столетия образ «лишнего человека», который нельзя воспринимать однозначно, только положительно, или только отрицательно. Вообще, это произведение невозможно прочитать с одной конкретной точки зрения. Повесть, которую ищет главный герой произведения – Степан Касатский – привёл его в монастырь, но выясняется, что деятельность в ризе духовного наставника не является его призванием, и он возвращается в мир. Такое решение проблемы – не спонтанное явление, имеющее место лишь в данном произведении Толстого, а отражение многолетних раздумий писателя, его религиозного мировоззрения, в основе которого лежит отрицание православной церкви и её институтов, в том числе полная непримиримость к аскетизму, монашескому образу жизни. Фридрих Ницше называл себя «имморалистом» и говорил: «Братья мои, оставайтесь верны земле и не верьте тем, кто говорит о неземных надеждах!» Подобное можно сказать и о Льве Толстом. В корне отрицая установленную мораль, он выступал с собственной религиозной философией, говорил о возможности достижения рая в реальной жизни, а не после смерти, отрицал многие церковные догмы, в том числе отказ от «естественной жизни».

Несостоятельность учения Толстого, которое ишло отражено в «Отк. Сергей» – очевидна. «Новая религия» в самых своих истоках ошибочна, что обусловлено многими причинами. Наверное, поэтому до конца она не удовлетворяла даже самого её создателя.

Однако, с художественно-эстетической стороны повесть совершенна, что особенно важно для сферы нашего исследования. Плотность формы в одно и то же время и облегчает и осложняет ее перевод. Современные требования в этой сфере довольно велики и постоянно растут. Необходимо чтобы переводчик был адекватен объективен, стремился воссоздать семантико-стилистические особенности произведения, его манеру письма. От переводчика требуется не только смысловая точность, но и тщательное распределение эмоционально-логичских акцентов, сохранение психологических и стилистических деталей. Соблюдение этих требований даёт успех работы над переводом.

В данном случае в сферу нашего интереса входила проблема освоения творчества Толстого в Грузии. Перевод состоялся конкретно в редакциях грузинского перевода «Отца Сергия». Переводнице принадлежит Ларисе Титвинидзе в общем отвечает нормативным требованиям, хотя в нём есть места нуждающиеся в исправлении стилистических неточностей в художественном усовершенствовании. Вместе с переводом творчества Льва Толстого сопряжён с трудностью тем более если произведение построено на религиозных мотивах. Передать на должном уровне словесными средствами другого языка мастерство писателя – нелегко. Но мы думаем, что Л. Титвинидзе справилась с поставленной задачей и сделала доступным для грузинского читателя это выдающееся творение русского гения. Зафиксированные нами отклонения от оригинала являются не упреком в адрес переводчика тем более что многие пассажи повести переведены действительно на высоком уровне. Развиваем тем самым что повесть должна вновь стать объектом внимания переводчиков. Продолжение работы в этом направлении очень важно, так как XXI век внёс свои коррективы в теорию и практику переводческой науки, что обязывает по-прежнему учитывать современные переводчики.

Данный перевод – это значительный этап в представлении на грузинском языке гениального по своей художественной силе произведения и он не утратит своего значения. Последующим переводчикам легче будет работать над грузинским вариантом повести. При желании они обогатят Л. Титвинидзе в точности и бережливости по отношению к оригиналу.

Наша диссертация представляет собой попытку рассмотреть творчество Лива Толстого, а более конкретно одно из его произведений с современной точки зрения сопоставить его с мировыми аналогами и что самое главное – показать возможность адекватного перевода повести с сохранением её лексических, семантических и стилистических нюансов. Это вполне реально и в нашем случае – богатство грузинского языка даёт стимул к тому.

Библиография

- 1 Л. Н. Толстой Охоты Сергей Избранные повести М. 1953
- 2 Л. Н. Толстой Охоты М. 1963
- 3 Л. Н. Толстой В чем моя вера? М. 1991
- 4 Л. Н. Толстой Письма Л., 1991
- 5 Л. Н. Толстой. Полное собрание художественных произведений в 90 томах. Т. I М. Л., 1930
- 6 Л. Н. Толстой. Анна Каренина. М. 1985
- 7 Л. Н. Толстой Полное собрание сочинений в 90 томах. Т. VIII М.-Л., 1940
- 8 Л. Н. Толстой Собрание сочинений в 22 томах. Т. X М. 1982
- 9 Л. Н. Толстой Собрание сочинений в 20-ти томах. Т. XII М., 1964
- 10 Л. Н. Толстой Собрание сочинений в 14-ти томах. Т. I М., 1951
- 11 Л. Н. Толстой Собрание сочинений в 12 томах. Т. I М., 1984
- 12 М. Горький Собрание сочинений в 30 томах. Т. I М. 1930
- 13 М. Б. Храпченко Толстой как художник М. 1971
- 14 В. А. Ковалёв О стиле художественной прозы Л. Н. Толстого М., 1960
- 15 Л. М. Мышкова Мастерство Л. Н. Толстого М., 1958
- 16 В. В. Виноградов Критический анализ религиозно философских взглядов Л. Н. Толстого М., 1981
- 17 К. И. Чуковский Высокое искусство М. 1964 с. 6
- 18 А. Кулиджанавиш Культурология 16 2004
- 19 Библия Книги Священного Писания Ветхого и Нового Заветов Второе Иоанна. 75-1 М. 1988
- 20 Жизнь Иисуса Христа Поступки и деяния Ростов-на-Дону 1990
- 21 Дж. Баукер Реини мира Великие вероучения от древности до наших дней М. 2002
- 22 А. Позов Основы древнецерковной антропологии Мадрид, 1965
- 23 Антропология Св. Григория Паламы Париж, 2002
- 24 Ф. Ницше. Так говорил Заратустра М. 1990
- 25 Н. А. Бердяев Философия свободного духа М. 1994

26. В. С. Соловьёв. Смысл любви. Избранные произведения. М., 1991
- 27 А. В. Суперанская. Ономастика и грамматика. М., 1981
- 28 А. В. Суперанская. Имя через века и страны. М., 1990
- 29 А. В. Суперанская. Как вас зовут? Где вы живёте? М., 1964
30. Т. Москаленко, К. Ченшвили. Отражение социального статуса личности в стратегиях ведения диалога. Сопоставление как метод исследования и обучения языкам. МАПРЯЛ. Г I 16. 2005
31. Г. Цибахашвили, Г. Улиава. О переводе и неперевожимых заглавий. Сопоставление как метод исследования и обучения языкам. МАПРЯЛ. Г II 16. 2005
- 32 И. Б. Капаназе. Формирование ставяно-русской религиозной терминологии. Научные труды серии Филология. Г X С II-16. 2005
- 33 Г. Алексеева. Из Грузии к Гютему. Журн. Кавказовед. В. 5. 1987
34. Г. Талиашвили. Лев Толстой и грузинская общественность. Газ. «Вечерний Тбилиси». 1978 г., №207 (10203)
- 35 О. Мелитаури, там же. 1973. №217 (8683), с. 4
- 36 М. Сараджишвили, там же. 1978. №209 (10199)
- 37 Произведения великого писателя - на грузинском языке. там же. 1970 г. №273 (5333)
- 38 Словарь СРЛЯ. Т I М.-Л. 1950
- 39 Словарь СРЛЯ. Г III М.-Л. 1954
- 40 Словарь СРЛЯ. Г VI М.-Л. 1957
- 41 Словарь СРЛЯ. Т VIII М. 1957
- 42 Словарь СРЛЯ. Г XII М.-Л. 1961
- 43 Словарь СРЛЯ. Т XIV М.-Л. 1963
44. Словарь СРЛЯ. Т XVI М.-Л. 1964
- 45 М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т I М. 1986
- 46 М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Г II М. 1986
- 47 А. Г. Преображенский. Этимологический словарь русского языка. Г II М., 1910-

- 49 ღ ნ ტოლსკოი I მა სერგი თხსკლუბაი I სა ცოხად, ტ X, თბ. 1966
- 50 ღ ნ ტოლსკოი I მა სერგი თხსკლუბაი II ტომად, ტ I, თბ 1962
- 51 ს დანელია იარკისხი XIX საკისის რ კლასი ლიტერატურის ისტორიიდან თბ 1959 ღ ნ ტოლსკოი თხსკლუბანი II ტომად, ტ I თბ, 1962
- 52 ე გოგუჩაძე ადმიანი როგორც ესთეტიკური აწნომენი თბ, 1980
- 53 თ ბაქანიძე ღუე ტოლსკოი საქართველოში თბ, 1978
- 54 კ გამსახურია I საყ თბ, 1956
- 55 თ ლორთქიფანიძე ღუე ტოლსკოი თბ, 1979
- 56 ა კაცობაძე ღუე ტოლსკოი ესთეტიკურ საქ კლუბებში თბ 1972
- 57 ბიბლია კათოლიკე კისციელენი, მუიცი თბანი თ I, I თბ, 1989
- 58 ლოცვანი ს ქართველის ხა ტრიატიკა I, 1904
- 59 ილ ჭაკჭავაძე განდებილი თბ, 1957
- 60 ზ ბაღაშვილი ილია ჭაკჭავაძის განდებილის ლიტერატურულ-ესთეტიკური ანალიზი და ხა ავლება სკოლაში თბ, 2001
- 61 გ წიბახაშვილი თარგმანის თეორიისა და პრაქტიკის საკითხები თბ, 2000
- 62 ჳ ამირეჯიბი დათა თქოძისა კარი I თბ, 2003
- 63 ზ ჭუმბურთი რ კვია მენ' თბ 2003
- 64 ი ბუზინგაროვა ღუე ტოლსკოის ღუეტი საქართველოში გაზ «ლიტერატკრული საქართველო», N 32 2002
- 65 კ გაწურელია ქართული პერიოდული ჰრესა ღ ტოლსკოის ცხოკრუბ და შემეკმეკობის შესახებ ჟონ «ცისკარი», N 364 თბ, 1987
- 66 ინფორმაცია გაზ წიგნის სამყარი თბ 1978, №17 (245)
- 67 ა ჯიქია IV-V ხა უკუნეთა ქართლის ძინახენ რი ცხოვრების შესწავლისათვის ლიტერატკრული სიბანი, I, XXIII თბ 2002

- 68 ქართული ენის განმარტებითი ლექსიკონი, ტ. I, თბ., 1950
69. ქართული ენის განმარტებითი ლექსიკონი, ტ. III, თბ., 1953
- 70 ქართული ენის განმარტებითი ლექსიკონი, ტ. IV, თბ., 1955
- 71 ქართული ენის განმარტებითი ლექსიკონი, ტ. V, თბ., 1956
- 72 ქართული ენის განმარტებითი ლექსიკონი, ტ. VI, თბ., 1960
- 73 ქართული ენის განმარტებითი ლექსიკონი, ტ. VII, თბ., 1962
- 74 რუსულ-ქართული ლექსიკონი თბ. 1983
- 75 დ. წუბინაშვილი ქართულ-რუსული ლექსიკონი თბ., 1984

76 Leo Tolstoy Father Sergius and other stories Moscow 1988

77 William Shakespeare Sonnets Moscow, 1965

78. Translation into other language London 2010

79 I. А Дмитриевская что была структура души и з... орой выход святые
<http://www.oklandia.ru/omr/oklandia.offic/news/s/istor/5/Dmitr.htm>

80. Человек-Хутожник Мыслитель <http://www.tula.net/gpu/Tolstoy/Painter/painter.htm>

81 А. Иванов. <http://www.tula.net/gpu/Tolstoy/Painter/painter.htm>

82 Иеромонах Сергий (Рыбко) Кто такой монах? <http://www.deol.ru/users/krivtsan/aest26.htm>

83 Наслаждение и самоограничение <http://www.deol.ru/users/krivtsan/aest26.htm>

84 С. С. Хоружий Вещный Соювьев и мистико-религиозная трагедия
 Православия <http://www.hesycham.ru/library/thle/horuzji.htm>

85 <http://www.Deol.ru/users/krivtsan/aest26.htm>

86 <http://soch-sto.ru/bio/tafi/tolstoy.htm>

87. <http://encyclop.ed.narod.ru/BSE/PRST/1012.htm>

88 <http://katnapuc.narod.ru/k1/24>

89 http://referat.akcanta.ru/tolstoi_otec.htm

90 http://vipdiplom.ru/25_120_c_122-4